

«НАШ НАРОД ЗА СТАЛИНЫМ ИДЁТ»

ОТКУДА И КАК ПОЯВЛЯЮТСЯ СТАЛИНЫ

Сталин и сталинщина. Писано на эту тему, переписано! Читать – не перечитать. Раскрыты и продолжают раскрываться всё новые и новые факты чудовищного зла, нанесённого человечеству кремлёвским маниакальным правителем вкупе с его присными. Сталинское правление и его отголоски стоили миру миллионов погубленных жизней. Факты неопровержимо говорят сами за себя. Конечно, далеко ещё не всё раскрыто, но и уже известных материалов более чем достаточно, чтобы у людей могло выработаться устойчивое неприятие системы сталинского государственного устройства. Сама история вынесла осуждение тирану и тем деяниям, которые совершались под его руководством. Казалось бы: людьми получен такой незабываемо печальный урок, что ни о каком возврате к сталинизму и речи быть не может. Ан нет! В массовом сознании Сталин остаётся самым «эффективным государственным руководителем (менеджером)», добрым и всемогущим гением, непревзойдённым организатором и неутомимым вдохновителем народных масс на созидание и прогресс. Тем единственным эталоном, по которому проводится проверка и оценка деятельности всех последующих глав советского и российского государств.

Представления миллионов людей о Сталине можно сравнить с тем, как религиозно настроенные евреи чтят мифологизированную личность царя Давида. Так же, как и Давид в представлениях своего народа, Сталин является для русских «царём царей», величайшим национальным героем, не имеющим аналогов в российской истории. Но если израильский царь приобрёл авторитет за счёт безжалостного истребления соседних для евреев народов, то сталинская кровожадность проявилась, прежде всего, по отношению к тому народу, который его сегодня восхваляет и горестно сожалеет, что в лице современных своих лидеров не находится подобного человека. Вождю не помешала даже его национальность, никогда не пользовавшаяся у русских особым к ней расположением.

Сталин, по представлениям масс, - самый русский человек, олицетворение всех мыслимых и немыслимых достоинств великого русского народа. Многомиллионные симпатии к Сталину нашли подтверждение в недавно проведённом опросе на главном государственном канале телевидения. Отчего это происходит? По каким причинам, если не именно Сталин, то сталинизм в обновлённом оформлении остаётся вождельным способом существования России, главной надеждой на возвращение ей былого могущества? Почему сталинское прошлое, вопреки очевидным фактам, воспринимается как период благоденствия и процветания народов? По каким причинам русский народ, больше, чем какой другой пострадавший от действий Сталина, боготворит и грезит о его воскресении в той или иной из современных политических фигур? Наблюдения свидетельствуют о том,

что количество живых и полуживых сталинистов с каждым годом неустанно возрастает. Память не прервёшь, не узурпируешь. Наш самый востребованный кинорежиссёр и представитель знаменитейшей российской фамилии Никита Михалков не без умиления рассказывает, как отобранная им труппа, словно один, поднялась, едва в комнату вошёл загримированный под Сталина актёр. Это свидетельствует о том, что трепет, глубоко проникший в национальное подсознание, имеет свойство возобновляться, актуализироваться в новых поколениях, никогда не видевших Сталина и мало что о нём слышавших. Где таятся корни мифологизации и идеализации фигуры величайшего преступника XX века, безжалостного палача своего народа и разорителя страны?

Примечательно, что и те, кто крайне отрицательно воспринимают Сталина, в своём большинстве, склонны воспринимать его личность как случайное историческое порождение, как сугубо индивидуального носителя зла, никак не связанного с той социально-культурной почвой, на которой это зло произошло и проявилось. Но мог ли Сталин явиться сам по себе на вершине власти? Случайный ли он человек в российской истории? Правы ли те люди, которые пытаются масштабное изничтожение народа возложить на одну личность? Может ли здоровое общество запросто списывать на одного человека миллионы и миллионы жизней? Снимая с себя, как народа, ответственность за печальные события не столь далёкого времени, не способствуем ли мы возвращению большевизма как принципа человеческого жизнеустройства и сталинизма, как наихудшего его варианта?

Сталин мог ошибаться, выдавая желаемое за действительное, причисляя себя к русским, но ведь и сами русские считали и до сих пор считают грузина Иосифа Виссарионовича Джугашвили самым что ни на есть русским человеком. Иначе говоря, Сталин свой для русских. Тем самым они признают, что не грузинская нация явила на свет советского вождя, а именно русский народ. Кровь не имеет существенного значения в определении национальности. Первостепенную роль играет то, насколько человеку удаётся передавать дух нации. Грузин по крови, Сталин оказался в большей степени русским человеком по национальному духу, чем кто-либо из самих русских.

Говорят, что горе тому, кто посягнёт на святая святых массовых иллюзий. Мы решили рискнуть. И заявляем, что Сталин неотделим от истории русского народа, что он - квинтэссенция русского национального характера. И пусть кому-то это покажется странным, но в Грузии Джугашвили сосредоточились черты типичного русского человека. И не где-то на стороне, а именно в психологии русского народа следует искать объяснение феномена сталинщины. Безусловно, надо принимать во внимание и «патриотическое сталинское образование» и тщательно взращённый на государственной почве сталинизм, ставший фактически национальной общегосударственной религией послушания и поклонения кумиру. Но мы вправе задать вопросы: «А где же был великий народ? Почему он позволил сделать из себя инструмент зла и насилия? Что же только один злодей с

кучкой его приспешников во всём виноваты?» Обвинения Сталину не могут быть вынесены безотносительно к тому народу, который его поддерживал и который он представлял. И мы не можем полностью согласиться с премьером Владимиром Путиным, который, по-видимому, из соображений шадящего отношения к самосознанию русских, по случаю 70-летия расстрела 22 тысяч польских граждан заявил, что «это чудовищное преступление совершил не русский народ». Трудно себе представить, чтобы нечто подобное произошло в другой стране, при другом народе. Ведь всё, что решалось советскими вождями, то и одобрялось народом. И, более того, Сталин не столько направлял события, сколько следовал за ними. Можно сказать, что Сталин – это Ты, Он, Я. Сталин – это все мы. Другое дело, что вождь сумел добиться жёсткого контроля над ситуацией. Но опять же, не без активного участия народных масс. И нельзя сказать, что люди не знали, что творится в их стране. Принимаемые государством меры секретности также находили в народе полное оправдание и понимание. Русские доверили себя вождю как гардероб, вещами которого он мог распоряжаться, как ему заблагорассудится. От ненужных вещей он избавлялся «без страха и упрёка». Народ не захотел или не нашёл в себе достаточных сил противостоять негативным общественным и государственным структурам. Продолжая стыдливо умалчивать об этом, мы не заручимся нравственной ясностью, застрявшей между правдой и кривдой. А без нравственной ясности нельзя бороться с гнилью, разъедающей наше общество, нельзя отбросить фантомы прошлого, за которыми прячутся цинизм и бесстыдная ложь. «Идол Сталина, - писал Г. Померанц, - созданный в умах его поклонников, увековечивает могущество тени, вокруг которой собираются мелкие тени зла и пляшут на своём шабаше». Сталин – это коммунистический символ, рождённый в недрах национального сознания.

Не претендуя на универсальность исследования и исчерпывающее раскрытие темы, попытаемся дать хотя бы ориентировочные ответы на поставленные вопросы. Базовым материалом для анализа конкретной ситуации нам будут служить, прежде всего, труды выдающихся отечественных и зарубежных мыслителей, научные открытия социальной и этнической психологии. Обещаем руководствоваться принципом игры с открытыми картами, но, игнорируя, вместе с тем, откровенные политические предвзятости и спекуляции, от каких бы авторитетов они ни исходили. Мы хорошо понимаем, что базовые социальные представления могут быть и очень часто бывают прямо противоположными, ущемляющими одна другую. Поэтому не питаем иллюзий на достижение тотального согласия. Мы исходим изначально из той точки зрения, что сталинская социально-политическая модель является губительной как для России, так и для любого цивилизованного общества. И именно эту точку зрения мы оставляем за скобками спора. Главная наша задача, при нахождении согласия с теми, кто это мнение с нами разделяет, попытаться показать, почему сталинский путь воспринимается положительно при наличии явных признаков его негативности, если не сказать точнее - преступности. Подчеркнём, что

главным предметом исследования является не Сталин и не сталинщина сами по себе, а отношение к этим феноменам широких народных масс, то качество общественной материи, с которой Сталин представляет однородное единство. Если бы этой однородности не существовало, сталинская система не имела бы никакой возможности продержаться. То самодурство и азиатство, процветавшие в традиционных отношениях внутри российского общества на протяжении столетий, в лице Сталина нашли естественное выражение. Личные преступления вождя не снимают исторической ответственности за массовый террор с тех, кого он возглавлял долгие годы. История – это и отчёт, и экзамен совести всего народа.

Сталинизм – не чужеродное явление, не тунгусский снаряд, выпущенный пушкой из каких-то «ихних» герцогств. Его природа таится не в случайных, неблагоприятно сложившихся обстоятельствах нашей жизни и не в занесённых неведомыми ветрами иноземных семенах. Сталинизм своим происхождением обязан собственной, веками существовавшей в России социально-культурной почве. Он находится в неразрывном единстве и тождестве с исторической Россией. Человек является пленником своей культуры, своих знаний. Он заточён в них, обременён ими. И сталинщина – это культура, взращённая на конкретном национальном материале. Никто её из космических просторов, ни с пеплом заморских вулканов не заносил, не задувал.

Требуется сильный импульс, чтобы народ мог перейти в иное состояние, вырваться за пределы своей ментальной оболочки и осознать свою роль в результатах исторического развития. Моментом это не совершается. Культура въедлива и живуча. Национальное сознание обывателя, а русский человек – не исключение, представляет собой мутное варево взаимодополняющих мифов и всякого рода интеллектуальных химер. Избавиться от него крайне трудно. Есть русские нравы, есть русская психология, русские почвенные идеи, русская история, русская археология, русская литература, слава которой признана всем миром. Есть, наконец, коллективная память, отрефлексированная опытом совместной жизни многих поколений. В структуре этой памяти сохраняются общие ценности, паттерны, стереотипы, автоматизированные образы поведения. Память диктует поведенческую политику. Устойчивыми образами памяти можно манипулировать, сокращая тем самым плюралистическую полноту восприятия прошлого, а, следовательно, настоящего и будущего. Всё это надо нам учитывать, если хотим получить достоверные ответы на поставленные вопросы.

В XX веке для изучения национально-психологических явлений на Западе стал широко использоваться так называемый метод естественного эксперимента в этнопсихологии. Этот метод позволяет устанавливать часто наблюдаемое несоответствие между предполагаемыми и действительными действиями этнических сообществ по отношению к другим людским группам и этносам («парадокс Ла Пьера»). В нашем исследовании особенностей русского этноса мы неоднократно обращаемся к описанию

наблюдений за поведением, действиями и поступками людей, которые являются естественной реакцией на ситуации так или иначе связанные с межнациональными отношениями. Когда мы говорим о русских, то имеем в виду определённую «этническую личность», которая «обособилась» как по результатам своей жизнедеятельности, так и из особенностей взаимоотношений с окружающим миром, прежде всего из взаимоотношений с другими «этническими личностями» («западноевропейской», «азиатской», арабской, еврейской и другими).

Одним из критериев наших рассуждений может служить принцип психологической достоверности. Следование этому принципу даёт любому из оппонентов право свободно нас критиковать, так же, как за нами сохраняет, в свою очередь, право отстаивать нашу позицию.

Поэты любят называть Россию «неразгаданной сказкой». И сама она, эта сплошная, бесконечная сказка, громоздится на всякого рода мифах и утопиях. Большая сказка рождает маленькие сказки. Русские всегда были чрезвычайно расположены к мифотворчеству. А всякое излишество, как известно, оборачивается болезненным отклонением от нормального течения жизни. Замечено, что «урожайность» мифов резко возрастает в периоды неожиданной ломки сложившихся устоев жизни, когда прежние ориентиры бракуются, новые ещё оказываются не выработанными, а образовавшийся вакуум заполняется скороспелыми фантазиями или обновлённым подручным материалом. «Неутраченный народ», по меткому выражению Давида Самойлова с удивительной легковёрностью хватается за миф, как за соломинку утопающий. Причём, чем нелепей, чем фантастичней миф, тем легче он прорастает и укореняется на народной почве. Такой миф может быть очень действенным, может заключать в себе взрывчатую динамическую энергию и двигать массами, которые мало увлечены научной истиной и проявляют равнодушие, а то и агрессию к не устраивающей их правде. В примитивном, дичающем обществе, желающем жить в стаде, тотальная мифология подменяет собой действительность, а действительность, наоборот, уже начинает восприниматься как негодный миф. Мифы, в свою очередь, разжигают коллективную истерию, жертвой которой становятся целые народы.

Миф о великом и мудром вожде – прежде всего чудесная сказка, соблазнительная легенда об утраченном золотом веке, который и сам является скороспелым мифом, сочинённым по горячим следам совершившегося крушения («Как счастливо мы жили, как искренно любили, как верили в себя»). Опасность этой легенды заключается в том, что, по логике её существования, она, во что бы то ни стало, должна быть возвращена и утверждена в реальной действительности. «Сивка-бурка, вещий каурка, встань передо мной, как лист перед травой!» Миф становится фальшивым «краугольным камнем», на котором, как на платформе, строится вавилонская башня всего сталинского величия. Такие башни, конечно, рано или поздно рушатся, но при их крушении под глыбами

обломков оказываются миллионы людей. Потому так предостерегающе звучат сегодня строки одного из самых народных российских поэтов:

А вы, что ныне норовите
Вернуть былую благодать,
Так вы уж Сталина зовите –
Он богом был,
Он может встать.

В основе чувства, вызвавшего к жизни эти строки, лежит осознание той очевидности, что главной причиной всех наших бед при Сталине была Система, порождённая не им одним и горсткой его жестоких и трусливых клеветов. Что бы они могли сделать, не располагая массовой поддержкой населения, не ощущая гармонического единства с настроением народа? Фактически, как говорил Андрей Платонов, «народ всем отцам отец». И когда русские называют Сталина своим отцом, они тем самым признаются в том, что он – их порождение. Русский народ и сам себе приходится отцом, и вождь также роль отца исполняет. Перефразируя поэта, можно сказать, что Сталин и народ – близнецы братья. Получается, что отказаться от Сталина – это всё равно, что отказаться от самого себя, от своего брата, от своего отца.

Бесспорно, сталинизм – это сложнейшее бюрократическое устройство, призванное осуществлять владычество над людьми. С одной стороны, она чужда людям и их жизненным интересам, Но, с другой, сталинизм, как явление, не отделим от психологии народа, ставшей благодатной почвой для его возрастания и дальнейшего укоренения. Все тайны сталинизма привязаны к народу живородящей пуповиной. И нельзя считать нелепой, роковой случайностью то, что он появился именно в России. Сталин – сама Русь в её сущностной основе. Сталин – народ. Суть сталинизма – его органическая русскость. Лёгкость, с которой происходит в России омассовление любой идеи, способствует созданию питательной среды для расцвета той или иной формы чудовищного тоталитаризма. Сталинизм можно рассматривать как наружное укрепление или оплот той крепости, которая и есть сам народ.

Можно, конечно, рассуждать и по такой схеме, согласно которой с искры начинается пожар и опасные действия царя вызывают неуправляемую цепную реакцию, когда преступления начинают следовать одно за другим в условиях превышения критической массы. Сталинизм не мыслим без абсолютного включения в него масс людей. И нельзя сказать, что участие народа в неукоснительном претворении в жизнь «величественных» сталинских планов достигалось исключительно за счёт насилия. Массами владел «героический экстаз». Да, при тоталитарных режимах единица превращается в ноль, если изъясняться образами титана революционной поэзии. Но «единицы» не только не сопротивлялись чудовищному омассовлению, а даже испытывали удовольствие от тесного единения с вождём и Партией.

Нельзя обойти вниманием и такой аспект общечеловеческой психологии, заключающийся в том, что подданные очень часто становятся

рабскими исполнителями воли своего предводителя, особенно в делах, льстящих его страстям. Более того, подвластные люди вступают в жесткую конкуренцию друг с другом в выражении своих угоднических чувств в адрес властителя. Каждый стремится стать правовернее самого Магомеда. Ложь самодержца, как бы она ни была груба и скудоумна, всегда льстит рабу. И он, раб, в свою очередь, отвечает на эту ложь лестью. Подхалимаж становится в стране Советов одним из самых распространённых не только политических, но и художественных приёмов. На подхалимстве и угодничестве строится мораль строителей самого прогрессивного общества на планете. Люди перестают обращать внимание на всю примитивность лести. Чем она примитивней, тем действенней. Лесть получает наиважнейшую функциональную нагрузку, служит, как воздух, как вода, как пища, как универсальная экзистенциальная форма органического существования. Люди, персонально и коллективно, стремятся выразить свою признательность вождю. В организованном порядке создаются патетические и душераздирающие художественные процедуры выражения своего преклонения перед главным государственным сатрапом и его верными Санчо Панчо.

Вот циничный образчик такой лести в самые суровые годы сталинских репрессий. Её автор – будущий лауреат Нобелевской премии по литературе. К шестидесятилетию Сталина он пишет для «Правды» хвалебную статью, в которой есть такие слова: «Вся наша великая страна могуществом и расцветом своим обязана партии и Сталину. Народ любит своего вождя, своего Сталина, простой и мужественной любовью и хочет слышать о нём слова такие же простые и мужественные. Но мне кажется, некоторые из тех, кто привычной рукой пишет резолюции и статьи, иногда забывают, говоря о Сталине, что можно благодарить без многословия, любить без частых упоминаний об этом и оценивать деятельность великого человека, не злоупотребляя эпитетами». Сам же нобелиат этот принцип не соблюдает. Далее он прочувствованно пишет о том, как у него на родине, в Вешенской, где царит голодная смерть, станичники соберутся на торжественное собрание по случаю юбилея вождя и как ослабленный от голода старый казак, надев заранее суконные брюки с выцветшими от старости нитками на швах, в строгой тишине нальёт всем взрослым по стопке водки и скажет придушенным голосом:

- Нынче Сталину стукнуло шестьдесят годков. Хороший он человек. Дай бог ему побольше здоровья и ещё прожить на белом свете столько, сколько прожил!

И это пишет человек, который, как тонкий художник, не может быть не наделён чувством милосердия и понимания всего ужаса окружающей действительности, человек, который был хорошо осведомлён о происходящих арестах и казнях ни в чём не повинных людей, человек, который знал, что и над ним самим сгущаются чёрные тучи. Зараза лести охватит всё население, и не обойдёт стороной даже таких великих личностей, какой, несомненно, был Михаил Шолохов.

В мощном хоре патетических здравиц преступным, болезненным злопыхательством и «отщепенством» выглядели ставшие сегодня знаменитыми стихи Мандельштама о кремлёвском усаче. И кто бы мог тогда отважиться согласиться с такими строчками мало кому известного поэта Анатолия Клещенко:

Пей кровь, как цинандали на пирах,
Ставь к стенке нас, овчарок злобных уськай.
Топи в крови свой беспредельный страх
Перед дурной наследственностью русской.

Живучесть вождизма в народе служит благодатной почвой, на которой за одним Сталиным может вырасти другой. И не прав был боярин Захарьин, герой трагедии А.К.Толстого, обращавшийся к думцам сразу же после смерти царя Ивана Васильевича:

Не бойтесь! Уж не откроет он
Своих очей! Уж острого жезла
Не схватит длань бессильная, и казни
Не изрекут холодные уста!

Задним числом удобно переключать всю ответственность за свершившееся зло на одну персону, даже весьма почитаемую. Злодея нет, а народ продолжает жить, и ему тяжело признавать за собой причастность к злу. Проще всю вину переложить на умершего изверга. Дескать, людям ничего и не оставалось, как только проявлять безропотное послушание. Редкие народы со временем отваживаются на искреннее, безусловное покаяние. До такого, неформального, покаяния требуется дорасти в развитии массового самосознания. Значит, до тех пор, пока мы не поставим вопрос так, что сама нация должна отвечать за то, что произошло с ней, до тех пор, пока мы не согласимся с собственной виной, мы ни в чём не разберёмся. И хотя общественное мнение начинает ярко полыхать, когда речь заходит об истории, но и после снятия всех запретов и заполнения пустот остаётся всё тот же мучительный вопрос – что это было в нашем русском XX веке? Тираны – тиранами, но какую роль сыграл сам народ в выпавшей на его долю одной из величайших трагедий всей мировой истории? И пока у русского народа будет отсутствовать чувство национальной ответственности за свою историю, будет сохраняться опасность возвращения сталинщины на российские просторы.

В советской историографии было принято считать, что толчком для Октябрьской революции стал террор властей. С именем Николая II связывается Кровавое воскресенье и Ленский расстрел. Но при этом забывается о том, что перед 1905 годом были убиты народными героями-революционерами два министра внутренних дел, генерал-губернатор Москвы, а после 1905 года, через семь лет, - премьер-министр. И это не считая десятков других высокопоставленных чиновников. Террор, надо признать, пользовался широким одобрением в народе. «Все поместья богачевы разметём пожарчиком!», - писал поэт, передавая революционные

настроения народа. Так что со временем Сталин явился организатором выражения террористических народных настроений в государственном масштабе. «Этот вихрь, от мысли до курка, и постройку, и пожаров дым прибирала Партия к рукам, направляла, строила в ряды».

Вина за всё случившееся на русской земле лежит на всех, хотя и разная, но на всех. И молчаливники должны нести свою долю вины. Какими силами, чьими руками совершался, как мы сегодня говорим, геноцид русского народа в сталинский период? Разве сам русский народ, в том числе и крестьянство, хотя, возможно, в меньшей степени, чем городское население, не участвовал в организованном процессе самоуничтожения? Да, Сталин играл роль Прокруста. Но разве не очевидная реальность - миллионы тех, кто не просто молчаливо одобрял, но и активно поддерживал существование колоссальной карательной машины, системы невиданного геноцида? Массы, как раз и служили тем прокрустовым ложем, с помощью которого совершалась выбраковка населения. Все подравнивались под единый шаблон, который удовлетворял как главного модельщика, так и стандартизируемый материал.

ПСИХИЧЕСКИЙ СКЛАД НАЦИИ КАК ОСНОВА СОЗДАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СОЦИАЛЬНО- ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И УСТАНОВОК

Предваряя разговор о психическом складе (национальной психологии) русской нации, следует договориться о ключевом понятии «нация». Существующие сегодня различия в трактовке данного понятия могут вносить определённые помехи в механизм понимания наших рассуждений. Остановимся на наиболее распространённом и синтезированном определении нации, разделяемом многими современными авторами. Справедливости ради, отметим, что разработанное в своё время на основе историко-экономической концепции Карла Каутского, оно было уточнено и сформулировано самим Сталиным. Известно, что склонный к философствованию вождь уделял болезненно повышенное внимание национальным вопросам и посвятил им целый ряд теоретических работ.

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада (национальной психологии), проявляющегося в общности культуры.

Каждая нация имеет свою специфическую историю развития, в результате которого формируются её особый психический склад, реально определяющий поступки и поведение отдельных людей и их групп, опосредующий все формы их общественного сознания – идеологию, мораль, религию, науку, искусство и философию.

Национальную психологию принято рассматривать как совокупность национально-психологических явлений, составляющих её содержание. В

данной совокупности (структуре) выделяются системообразующие и динамические компоненты.

К системообразующим компонентам (элементам) относятся **национальное самосознание, национальный характер, национальный темперамент, национальный склад ума, национальные чувства и настроения, национальные интересы и ценностные ориентации, национальные обычаи и традиции.**

К динамическим компонентам (элементам) национальной психологии относят сугубо специфические национально-психологические особенности нации. Будем придерживаться той наиболее распространённой точки зрения, согласно которой в структуру динамических компонентов национальной психологии входят **мотивационно-фоновые, интеллектуально-познавательные, эмоционально-волевые и коммуникационно-поведенческие национально-психологические особенности,** проявляющиеся как результат непосредственного реагирования психики представителей конкретных этнических общностей.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, нам необходимо рассмотреть все данные компоненты, как системообразующие, так и динамические, и выяснить, как они опосредуются непосредственно на русской нации.

СТАЛИНИЗМ И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ РУССКОЙ НАЦИИ

КОГО СЧИТАТЬ РУССКИМИ

Рассуждая о русских, об особенностях их национальной психики, мы не вправе исключать из состава самой многочисленной славянской нации людей других коренных народов России и, прежде всего, украинцев и белорусов.

Откуда они, русские, что они собой представляют? По словам философа – это «те, что здесь смешались». Но такой ответ вряд ли кого полностью удовлетворит. Уместнее, останавливаясь на происхождении русских, следует иметь в виду ко всему прочему и некую историческую тайну. И действительно, ссылаясь на многочисленные научные источники, трудно твёрдо и однозначно сказать, что и от кого русские унаследовали в качестве своей этнической и культурной первоосновы. Не всё ещё ясно и с языком. Так украинские и белорусские филологи, не чувствуя, по-видимому, себя вполне свободными от националистических установок, полагают, что русский язык значительно удалился от славянских корней.

Но, так или иначе, мы должны базироваться на том, неоспоримом сегодня факте, что истоки Белоруссии, России и Украины – в великом древнем государстве - Киевской Руси IX-XIII веков. Русская народность как этнически сложившаяся общность (нация) сформировалась в начале XVII

века. По языковым и некоторым другим особенностям материальной и духовной культуры уже к этому периоду стали выделяться северные, южные и западные русские, что впоследствии привело к появлению украинцев и белорусов. Поэтому, ведя разговор о русской нации, мы, с оговорками, будем иметь в виду все три народа. В советскую эпоху к титульной нации, к русским, стали причислять себя и другие народы великой империи, что тоже нельзя не учитывать. Недаром всех граждан Страны Советов за рубежом, кем бы они ни являлись – карелами, татарами или узбеками – было удобно называть русскими. И люди с гордостью, хотя в паспорте отмечалась иная национальность, соглашались с этим. Когда многомиллионный хор в едином эмоциональном порыве одноголосно пел: «Русский с китайцем – братья навек», ясно было, что под русскими подразумевались и туркмены, и чукчи, и эвенки. «Сталин и Мао слушали нас», и надо думать, тоже вполне с этим соглашались. Чего не удалось, так это из китайца сделать русского. Но мысль такая существовала и вовсе не казалась чудовищной в свете классовых теорий марксизма-ленинизма. Понятие «русификация населения» родилось не на пустом месте. Она не ограничивалась одними внешними признаками, как например, изменение фамилий по русскому типу (Каспаров, Джамбул Джабаев, Симонов, Рашидов), или при массовом крещении чувашей, марийцев, мордвы и других народов, когда за людьми произвольно закреплялись русскоязычные имена и фамилии (Огурцов, Скворцов, Козлов). Хуже то, что изучение русского языка в большинстве случаев проводилось в ущерб родным национальным языкам. Высокой «чести» русификации удостоивались, прежде всего, те народы, которые проявляли особую дружелюбность по отношению к русским и выражали добровольное желание стать русскими. Быть русским означало и означает до сих пор не просто принадлежность к определённой национальности, а причисление к высшей национальной касте. Недавнее исключение из паспорта графы «национальность» большинством населения было встречено неодобрительно, с повышенно болезненным чувством. У людей оказалась отобранной возможность выразить свою особую гордость за принадлежность к величайшей нации. Сам вождь, по многочисленным свидетельствам, не любил упоминаний о его грузинском происхождении. Так что расширительное понимание термина «русская нация» представляется вполне уместным и оправданным.

В России в результате долговременного проживания на общей территории осуществился процесс межэтнической интеграции различных этнических общностей, подчас весьма далёких друг от друга по своим биологическим, политическим, экономическим, социальным и культурным особенностям. Основополагающие для русского человека культурные и духовные ценности приносились, развивались и закреплялись в народе представителями самых разных этнических и социальных групп, которые веками растворялись и перемешивались в громадной общероссийской плавильне. Возникшее понятие «советский народ» в наибольшей степени вобрало в себя черты русского этноса. Русский – это категория не столько

генетическая, сколько наднациональная, она результат конкретной государственности, и конкретного восприятия себя в мире, но вместе с этим, она сложный симбиоз различных культур, верований и идеологий. Русских правомерно в этом плане сравнивать с жителями Соединённых Штатов Америки, государства, объединившего в своём составе представителей многих этнических групп, из которых и сложилась американская общность. Н.А.Бердяев писал, что «Российская империя заключает в себе очень сложный, национальный состав, она объединяет множество народностей, но она не может быть рассматриваема как механическая смесь народностей – она русская по своей основе и задаче в мире». Об этой «основе» и наша речь.

МЫ – РУССКИЕ ЧТО ЭТО ДЛЯ НАС ЗНАЧИТ

От того, что каждый из нас думает конкретно о себе, как себя видит среди других людей, с кем соотносит, от кого отделяет, во многом зависит наше поведение и наше отношение ко всему нас окружающему. Бытовая поговорка «Всё познаётся в сравнении» применима как для характеристики отдельной личности, так и для диагностики особенностей того или иного социума, в том числе и нации.

В психологии личности **самосознание** определяется как сознание (понимание) субъектом самого себя в отличие от многих других субъектов и мира, как такового вообще. В психологическом плане, прежде всего надо иметь в виду ощущение человеком общественного положения и своих жизненно важных потребностей, мыслей, чувств, мотивов, переживаний, действий. В оценке самого себя человек вольно или невольно использует сравнительные характеристики. Поведение человека напрямую зависит от того, кем он себя осознаёт в ряду других людей. В соответствии с уровнем самосознания у него формируется самооценка и система притязаний. Если самооценка человека и уровень его притязаний не согласуются с оценкой его окружающими людьми, может возникнуть конфликтная психологическая ситуация. Временами конфликт может носить приглушённый, латентный характер. И лишь в определённых социально-политических условиях возможна его актуализация. Но, как правило, если человек получает свободу действий, он стремится даже незначительный конфликт решить в свою пользу.

Необходимо иметь в виду, что **самосознание** субъекта обычно считается адекватным с точки зрения понимания себя как личности, если оно согласуется с посторонним пониманием, и неадекватным, когда субъект воспринимает себя искажённо по сравнению с тем, как он воспринимается окружающими людьми. Обычно в бытовом общении, ориентируясь на стандартные нормы, люди склонны думать о себе лучше, чем они есть на самом деле. Хотя в жизни встречается много и таких людей, что принижают себя, склонны посыпать свою голову пеплом. Адекватность самооценки

хорошо коррелируется с уровнем развития такого психического качества как самокритичность. Самокритичность позволяет человеку вносить в нужные моменты необходимые коррективы в своё поведение и за счёт этого добиваться поставленных целей. К сожалению, самокритичность как психическое качество воспитывается малоуспешно. Люди легче поддаются воспитанию критического отношения не к себе, а к другим. Подчиняясь, видимо, отмеченному в Библии правилу не видеть бревна в своём глазу, но замечать мельчайшую соринку у соседа. О таких людях часто иронически говорят: «У него высокое самомнение».

Национальное самосознание начинается с осознания людьми своей принадлежности к определённой социально-этнической общности и её положения в системе других, подобных ей общностей.

Мы русские. С нами Бог! Русские идут. Хотят ли русские войны? Русским – русскую власть!

Так же, как и у отдельной личности, национальное самосознание проявляется в идеях, взглядах, мнениях, чувствах, эмоциях, настроениях, но выражает содержание, уровень и особенности представлений уже не отдельной личности, а преобладающего числа членов нации о своей определённой идентичности и отличии от представителей других общностей: о национальных ценностях и интересах; истории нации; её нынешнем состоянии и перспективах развития; месте своей социально-этнической общности во внутригосударственных, межгосударственных и межнациональных отношениях. Насколько объективно, адекватно действительности национальное самосознание? В каждом случае ответить на этот вопрос непросто. Проверка адекватности самооценочных суждений чрезвычайно затруднена в силу различных причин. Разброс мнений может быть громадным. Какое из них правильное, сказать бывает сложно. Многое зависит от того, что берётся за исходную точку зрения. «Правильные» и «неправильные» мнения могут успешно сосуществовать, если они не угнетают, не заслоняют друг друга.

Не осмеливаясь брать на себя ответственность давать всеобъемлющую характеристику русской нации, мы остановимся лишь на тех её известных психологических особенностях, которые, на наш взгляд, способствовали формированию и способствуют сохранению устойчиво положительного отношения большинства русских к личности Сталина и сталинской системе государственного управления.

Конечно, интенсивность национального **самосознания** на индивидуальном уровне внутри одной этнической общности далеко не одинаково проявляется. Частично или полностью им не обладают дети. Вместе с тем, следует отметить, что русская нация всегда обладала высокой степенью осознания своего единства и гипертрофированным чувством гордости за свою нацию. В отдельные исторические периоды, не исключая и текущего, переживания своего национального единства у русских принимают болезненный характер. В такие периоды русские склонны воспринимать себя обиженными и оскорблёнными со стороны других

народов (американцев, китайцев, прибалтов, украинцев, грузин). Много зависит от того, как складываются политические отношения с тем или иным народом у российского государства. В психологии личности повышенная обидчивость рассматривается как одна из форм агрессивности. Личностный аспект вполне корректен для характеристики нации. В последнее время у русских стала проявляться тенденция к обидам по отношению к народам, живущим с ними рядом. Всё громче и громче звучат голоса, конечно, не без дирижёрства определённых политических сил, что русским в России живётся хуже всех, что у них нет своей внутренней государственной автономии, как, например, у тех же татар, башкир, чеченцев, что другие народы живут за их счёт, что русские – самая обиженная и угнетаемая нация. На почве таких национальных настроений мифологизированная фигура Сталина представляется тем столпом, который поддерживал справедливое равенство внутри «нерушимого союза республик свободных», сплочённого «Великой Русью». Нынешнее положение русских воспринимается ими как потеря былого статуса. Как потеря несправедливая, подготовленная и совершённая коварными, враждебными силами.

В свою очередь, украинцы, в большей степени, а также и белорусы, но, безусловно, гораздо менее выражено, стали видеть в лице России барьер на пути к своей полной независимости и достижению благополучия. К сожалению, экономические и политические проблемы во взаимоотношениях трёх близких в культурном и историческом отношении славянских государств вызывают растущее отчуждение друг от друга проживающих в них народов. Отмечаются активизация обращения к историческим застарелым обидам, ослабление культурно-социальных связей, развиваются взаимные недоверие и подозрительность.

В последнее время отношения внутри русского этноса, в триаде «русские-украинцы-белорусы» получили тенденцию к ухудшению. Достаточно вспомнить регулярно возникающие газовые конфликты, «молочные», «мясные», «сахарные», «нефтяные» и иные войны между братскими народами. Сегодняшние Россия, Украина, Белоруссия всё больше и больше отдаляются друг от друга. Связующие нас нити стареют и в реальных испытаниях рвутся одна за другой. Интернационализм, культивировавшийся в зонах, в свободной жизни оказался недееспособным.

Надо отметить, что степень развития национального самосознания определяет степень возможной мобилизации всего общества для достижения независимости. Наблюдаемые взаимные обиды служат подпиткой разделительных процессов, с одной стороны, а с другой, оказывают мощное влияние на усиление национальных переживаний и рост националистических движений внутри каждого из русских этносов.

Негативное отношение к украинцам со стороны русских строится в основном за счёт стремления определённой части населения Украины к экономической и культурной интеграции с Западом, что воспринимается основным населением России как проявление предательства. В свою очередь, украинцы усматривают в своём восточном соседе потенциального

врага их «самостийности». На обострение отношений повлияла также обнаруженная разница во взглядах на общую историю. История, подлинная или изменённая путём мифов и политических установок, играет громадную роль при становлении национальных самосознаний. Она служит основой для легитимизации политики и утверждения оценочных точек зрения на значимые события истории. Украинские историки всегда претендовали на исключительные права Украины на Киевскую Русь, поскольку политический, культурный и военный центр этого государства был на территории современного украинского государства и его столицы. С учётом данной точки зрения, Киевская Русь - мифологический «золотой век» украинской истории, национальная гордость украинцев, основание для закрепления за ними права на государственный суверенитет. Многих украинцев совершенно не устраивает роль младшей сестры, которую им отводили русские, и заявляют о равенстве в российско-украинских отношениях, широко говорят о том, что не русские – «старшие братья», а именно они украинцы. Выдвигается даже идея создания великого восточнославянского государства со столицей в Киеве. В то же время отметим, что в Российской империи Украина именовалась Малороссией, и ей была уготована роль «младшей сестры», в чём уже усматриваются признаки оскорбления национальных чувств украинцев, за которыми отрицалось право на существование как особого, отличного от русских народа. Лишь в XIX веке возникает на украинском языке поэзия Шевченко, и появляются книги типа «Истории руссов», в которой Украина рассматривается как отдельное от России политическое образование. При этом надо отметить, что в более либеральной Австро-Венгрии живущих там украинцев рассматривали как особый народ, обладающий определёнными национальными правами. В период Октябрьской революции Украина провозгласила свою независимость. И некоторое время на её территории поддерживались национальные традиции, право на своеобразие и особую культурную жизнь. Украинский либерализм в национальном вопросе исчезает с консолидацией власти в руках Иосифа Сталина. Украина начинает твёрдо управляться промосковски настроенными большевиками. В начале 30-х годов Сталин нанёс Украине новый удар посредством коллективизации сельского хозяйства. Государственное крепостничество, установленное по всей стране, особенно болезненно отразилось на украинском крестьянстве. Последовавший голод уничтожил от 5 до 7 миллионов украинцев и рассматривается на Украине как украинский вариант «холокоста» - голодомор.

В 1939 году Россия по договору с фашистской Германией захватила у Польши принадлежавшую ей в то время Западную Украину. Мнением самих западных украинцев о перемене государственности, никто, конечно, не интересовался.

По данным секретного доклада Хрущёва, сделанного в 1956 году на партийном съезде, Сталин вынашивал планы депортации украинского населения. И лишь чисто материально-техническая проблема – отсутствие необходимых транспортных средств – стала препятствием в осуществлении

этих планов. Моральных барьеров, как таковых, перед тираном в решении национальных вопросов не существовало.

Всё это, безусловно, не могло не сказаться на состоянии национального самосознания украинцев. Прежде всего, следует отметить его расколотость. По меньшей мере, раздвоенность. С наличием сопутствующих трещин как в одной части расколотого организма, так и другой. Выявились два основных жестко противоборствующих лагеря. Одна часть украинского населения, и надо сказать, крупная по численному составу, по обстоятельствам своего рождения и воспитания оказалась в значительной степени русифицированной, склонной видеть своё будущее в тесном единстве с Россией, по сути, целиком и полностью отождествляющей себя с русскими. В основном, украинцы с данным типом национального самосознания проживают в густо заселённых районах юга и востока страны. Именно тех частях Украины, где были традиционно сильны прорусские позиции. Для этой части украинского населения географической и духовной столицей является не Киев, а Москва.

Общая история русского и украинского народов получила у украинцев различные политические оценки. Склониться к одной из них для достижения единства не может ни та, ни другая сторона. И в этом заключается трагедия украинцев. Люди, именующие себя представителями одного народа, обладают радикально расходящимся запасом базовых исторических впечатлений и представлений, потому не могут прийти к согласию, даже если бы этого очень захотели. И дело не в истине. Каждая сторона настаивает на своём понимании и видении истины. И здесь мы должны отметить, что не истина является фактором, цементирующим социальное согласие и формирующим национальное самосознание. А то, как эта истина интерпретируется и оценивается. На основании имеющихся неопровержимых фактов можно, в конце концов, договориться о признании Сталина убийцей, но при этом ни на йоту не приблизиться к единству. Поскольку одна часть спорящих граждан будет настаивать на том, что иначе и нельзя было действовать, а другая определять эти убийства не чем иным, как террором и геноцидом. А поскольку понимание одной той же истины (Сталин убивал) разнится, то и происходит раскол единства. Истина одна, но взгляды на неё разнятся. Закон и беззаконие понимаются и объясняются по-разному. И вместо движения к единству, согласию творится пугающая борьба.

Одна часть украинцев поддерживает преимущественно пророссийские взгляды на историю и на роль в ней Сталина. Эти украинцы видят будущее в нерушимом союзе и даже слиянии с великороссами. В свете такой точки зрения фигура кремлёвского вождя представляется, в высшей степени, положительно, как фигура, цементирующая нацию. Другая же часть украинцев, воспринимающих себя обособленно от русских, видит в государственном объединении с ними свою этническую гибель. В одном случае, одни и те же действия Сталина, как вершителя судеб,

воспринимаются как оправдание для достижения великой цели, а в другой, однозначно как страшные преступления.

Что характерно: те украинцы, кто склонен в основном положительно оценивать роль русской государственности в украинской истории, дают и Сталину положительную оценку. Отрицательные оценки русских сочетаются у украинцев с отрицательной оценкой Сталина. Но в обоих случаях личность вождя одинаково соотносится с принадлежностью к русской нации, с той единственной разницей, что у одних украинцев фигура Сталина вызывает страх, а у других зажигает свет надежды на возрождение общенационального единства в неразрывном союзе с русскими.

Итак, фигура Сталина украинцами воспринимается неоднозначно ввиду неоднородности национального самосознания и колоссальной разницы мировоззренческих позиций. Для одних украинцев Сталин – гарант сохранения национальности и её благополучного развития, для других – их непримиримый национальный враг.

Придерживаясь традиционных, устоявшихся чуть ли не со сталинских времён точек зрения, Россия категорически не приемлет взглядов тех украинцев, кто склонен видеть в бедах Украины руку Кремля. Фактическая поддержка Россией одной мировоззренческой позиции украинцев и полное игнорирование другой позиции на деле служит раскольнической политике в отношениях между двумя братскими народами. Отсутствие диалоговой системы в выяснении мировоззренческих позиций украинской и российских сторон фактически служат отдалению двух народов друг от друга, вносят нежелательные коррективы в формирование национального самосознания как русских, так и украинцев.

Национальное самосознание белорусов в меньшей степени подвержено влиянию этнического фактора. В нём не наблюдается того резкого разделения, что отчётливо прослеживается на примере украинского населения. Комплекс «старшего брата» в отношениях с русскими, болезненно переживаемый украинцами, у белорусов не нашёл гипертрофированного выражения. Свойственные украинцам чувства неполноценности и неуверенности в отношениях с восточным соседом у белорусов, если и проявляются, то в смягчённой форме, скорее как отголосок междоусобных разбирательств между Москвой и Киевом. И этому есть исторические объяснения. Белорусская нация сформировалась довольно поздно – в середине XIX века. Своеобразие национальной психологии у них не столь ярко выражено, как это имеет место у украинцев. Единство белорусов носит, несомненно, более устойчивый характер. Но в этом единстве они ориентированы в своей основной массе на союз с русскими. Стремление к независимости не является для них путеводной задачей. Выражая, надо думать общенародные настроения, лидер Белоруссии Шушкевич при подписании Беловежских соглашений обмолвился: «Мы маленькая страна и примем то, на чём согласятся Украина и Россия. Вы-то большие, вы-то продумали всё до конца»

Исторически так сложилось, что белорусский национальный архетип не содержит достаточно прочных мифологических корней для прорастания суверенного могучего древа. Базой для крепкого национального самосознания могла бы быть религия. Но в стране нет ни одной церкви, где бы служба велась на национальном языке. Белорусская Православная Церковь находится полностью, в отличие от Украинской, под юрисдикцией Московского патриархата. Более того, основная часть населения говорит на русском языке. Даже «национальный лидер» белорусов не владеет белорусским языком и изъясняется на фонетически и грамматически плохо оформленном русском языке. Очевидная слабость собственной государственнической мифологии не позволяет белорусским националистам создавать новую историческую мифологию, которая могла бы формировать особое национальное самосознание, претендующее на строго самостоятельное существование. Роли той автономии, что имели белорусы при вхождении в Великое княжество Литовское, оказалось явно недостаточно для приобретения ими достаточно устойчивого национального самосознания. В состав России Белоруссия вошла на общем основании с другими территориями как часть Речи Посполитой. В отличие от западных украинцев, у белорусов не было опыта существования в условиях относительных либеральных демократий. Зато советское партизанское движение периода Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление экономики Белорусской ССР создали фундаментальные исторические мифы, на которых затем вырос и укрепил свои позиции режим Александра Лукашенко. Но эти мифы являются уже не специфически национальными, белорусскими, а чисто общесоветскими. А они-то как раз и продолжают оказывать доминирующее влияние на национальное самосознание белорусов. В соответствии с этими общесоветскими мифами фигура Александра Лукашенко, как никакая другая из постсоветских руководителей, в наибольшей степени сходится с представлениями о Сталине. И опять же, для одних русских, белорусов и не остающихся при этом равнодушными украинцев «похожесть» Лукашенко на Сталина является его положительной характеристикой, а для других – отрицательной. Надо отметить, что очень многие россияне склонны видеть в белорусском лидере руководителя сталинской формации и ввиду этого выражают ему свои человеческие и политические симпатии.

Вместе с тем, наблюдающиеся в последнее время и имеющие тенденцию к обострению экономические проблемы в отношениях между российским и белорусским государствами могут способствовать катализу укрепления белорусского национального самосознания. Есть все основания полагать, что государственное разделение и наличие взаимной неудовлетворённости послужило стимулом для этнической поляризации русских и белорусов. Нет-нет, но в лояльной Белоруссии высказываются упреки Москве за то, что она не оказала необходимой финансовой помощи республике в ликвидации чернобыльской аварии, в результате которой оказались заражёнными 23% территории республики. Упоминается и захоронение сталинских жертв в

Куропатах. Свидетельством растущих националистических настроений является ежегодно 25 марта проходящий в Минске так называемый «День воли» в память о просуществовавшей в 1918-19-х годах, в период немецкой оккупации, Белорусской Народной Республики. Пока акции, посвящённые этой дате, жестоко разгоняются ОМОНОм. Но завтра всё может измениться в сторону формального одобрения кратковременной самостоятельности. Так или иначе, Республика Беларусь сегодня всё отчётливее заявляет о своём стремлении проводить независимую политику и далеко не всегда следует в фарватере российских государственных интересов. Минск отказывается играть роль подчинённого России клиента как в экономических, так и в политических делах. Молочные и газовые перипетии, затяжка с признанием самостоятельности Южной Осетии и Абхазии, угрозы «уйти в Европу» ярко свидетельствуют о происходящих изменениях в национальном самосознании белорусов. И трудно сказать, во что они выльются в дальнейшем. И если сегодня с позиций национального самосознания фигура Сталина большинством белорусского населения воспринимается сравнительно спокойно, то в ближайшем будущем не исключены определённые изменения, как в одну, так и в другую сторону. Как символ, Сталин может играть противоположные роли. Возможны как обожествление фигуры Сталина, так и её демонизация. Не исключено, что и обожествлённый и демонизированный Сталин могут служить упрёком России. В одном случае за то, что Москва не следует сталинским курсом, изменила общенациональному великому вождю, а в другом - за то, что восточный сосед склонен продолжать свою имперскую политику в сталинском духе. Много будет зависеть от того, как будут складываться экономические и политические отношения двух государств. Получит ли, в частности, дальнейшее развитие идея панславизма, проповедуемая Лукашенко? В истории нет ничего predetermined, как считал замечательный исследователь русского самосознания Николай Иванович Герцен.

Ни в коей мере не нивелируя особенности белорусского и украинского этносов, а лишь признавая их составными частями русской нации, хотя это признание и может вызвать многие возражения, мы обязаны более подробно остановиться на особенностях национального самосознания русских. При этом не будем забывать, что отмечаемые национальные черты непосредственно у русских в той или иной степени присущи и украинцам и белорусам. Отметим ещё раз, что история не всегда равномерно оказывала своё влияние на разные части русской нации. В отдельные исторические периоды украинцы и белорусы, одни в большей степени, другие в меньшей, получали возможности относительно независимого друг от друга существования. И это не могло не отразиться на особенностях народного **самосознания** всей русской нации.

Очень часто, когда речь заходит о самосознании, даже в работах, претендующих на серьёзность, происходит подмена понятий. Заключается она в том, что за истинную характеристику нации принимается то, что она сама о себе думает. Этой подменой грешат и характеристики русских. Между

тем, как нельзя об отдельном человеке судить только по тому, что он сам о себе думает и говорит, так и нацию нельзя воспринимать с позиций её собственного представления о себе. Как писал Владимир Соловьёв, важно не то, что народ думает о себе во времени, а важно то, что Бог думает о нём в вечности. Представления и реальность могут значительно различаться. Человек может думать о себе что угодно, что никак не сходится со знаниями о нём других людей. Поэтому мы, говоря о самосознании русских, отмечая те черты, которые они сами у себя отмечают, будем временно умалчивать о том, насколько они реалистичны. Первостепенное внимание будем уделять тому, какие переживания русскими своего существования имеют достаточно устойчивый характер, как они себя воспринимают в сравнении с другими нациями.

НЕСГИБАЕМАЯ УВЕРЕННОСТЬ В СОБСТВЕННОМ ВЕЛИЧИИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ЧЕРТА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Самосознание русских базируется и возводится на признании собственного **величия**. По сути дела, сталинская советская империя, скроенная в основном в 1922 году, является прямой и последовательной преемницей царской самодержавной России. Оспаривать это вряд ли кто возьмётся. Великий русский народ. Это говорят все, кому не лень. Россия неизменно называется Великой Русью. И дело совсем не в размерах её территории. **Величие** выступает в качестве обязательного этнопсихологического атрибута русской нации и соотносится с качественными характеристиками русского народа и всего того, что находится под его непосредственным влиянием. У великого народа всё, за что ни возьмись, должно быть великим, никому и ничему не уступающим. Естественно, что и вожди должны быть великими. В системе координат имперского мышления по-иному не может быть.

Имперское мышление – вопрос вопросов. Может быть, эта беда идёт со времени крещения Руси: национальное самосознание отождествляется с сознанием державным, а державное самосознание обладает чуть ли ни абсолютной устойчивостью, оно очень живуче и цепко держится даже среди тех русских людей, которые национальное сознание уже утратили. Россия «в грозных, суровых боях утвердила силу и славу, и правду свою». «Где найдёшь страну на свете краше родины моей?» - пелось в другой очень популярной когда-то песне. Не по шутке, не по поговорке, не по аллегории Россия для большинства русских – родина слонов. Быть русским означает изначально занимать верхнюю строчку в реестре всех народов. Быть русским означает быть первым среди других национальностей по всем жизненным показателям. Русский обязан быть впереди «планеты всей», к чему бы он ни прикоснулся: в сельскохозяйственных урожаях, богатырской силе, спорте, технике, науке, искусстве, в широте души, доброте, мудрости и т.д. и т.п. Поэтому любое видимое отставание от других народов воспринимается как

катастрофа. Русские привыкли побеждать что угодно и кого угодно. Первостепенная задача русского состоит в том, чтобы, во что бы то ни стало, опередить иностранца. Признание себя русским уже налагает на человека обязанность быть значимее других по любым сравнениям с другими. Иначе – позор. И позор не одному тебе, а всем русским. Ибо провозглашается ответственность личности за весь народ. Если ты удостоился чести поехать за рубеж на спортивные соревнования и там проиграл иностранцу на ледовой дорожке, то тем самым унижил страну, поставил под сомнение её величие и славу, за чем должны следовать обязательные карательные санкции. С соизволения вождя, СССР только тогда решил участвовать в Олимпийских играх, когда были просчитаны гарантии общекомандной победы. И это не было исключительным решением вождя, его прихотью или капризом. Оно целиком и полностью соответствовало настроению народа. Великий народ не мог себе позволить проигрыша, пусть даже и на спортивных аренах, какому-то ещё народу. Сталин лишь всячески способствовал выражению народных чаяний и притязаний. Тем более что это неизменно импонировало и ему самому. Сам патологически честолюбивый, он чрезвычайно умело играл на чувствах гордости и ранимости русских. В русском народе господствует мысль, что проигрывают только слабые. Могучие и великие обязаны добиваться исключительно выигрышей, постоянно подтверждать свои мощь и **величие**. Это исходное экзистенциальное правило и для личностей и для народов, провозглашающих своё **величие**. Олимпийский девиз «Главное - участвовать, а не побеждать» - написан для кого угодно, но только не для русских. Русские нацелены только на победу в силу осознания своего **величия**. Проиграть – это означает поступиться этим величием, испытать жутчайший позор. **Величие** превышает всего. Его надо постоянно подтверждать и демонстрировать. И если **величию** нет подтверждений, то их надо придумать или создать условия и предпосылки для их появления, а, в крайнем случае, избежать участия в тех делах, которые не обеспечивают гарантий «гигантского успеха» и демонстрации триумфальных достижений, даже если для кого-то они и носят химерический характер.

Поэтому в народе почитается такой лидер, который обеспечивает народу подтверждение его исключительного **величия**. Во имя признания своего **величия** народ готов переносить любые тяготы и лишения, идти на неисчислимы жертвы. Великая жизнь предусматривает и великую гибель. С этим вольно или невольно приходится соглашаться. В СССР героическая смерть, соотносимая с национальным **величием**, всегда была ожидаемым подспудным фоном бытия. Умирать миллионами – это ведь тоже признак величия нации. Потому-то высшей точкой как российской, так и советской истории была война, война с внешними врагами и война друг с другом внутри страны. Война – очень доступное средство для доказательства **величия**. За ней не требуется далеко ходить, война всегда под рукой.

С упрочением власти Сталина начинается эпоха грандиозных свершений. Всё, что ни происходит в стране, всё объявляется великим и небывалым. В свете объявленного **величия** совершаемых в стране экономических

пертурбаций оправдываются громадные людские жертвы. Всё мелкое, ничтожное и подленькое заглушается бравурными мелодиями, которые неудержимыми волнами льются из репродукторов, заполняют улицы, подхватываются марширующими колоннами. Невольно приходят на память слова знаменитой глинковской песни, поправленные коммунистическими редакторами: «Веселится и ликует весь народ». Пафос овладевает всем населением страны. Упадочные настроения отдельных людей приравниваются к уголовно наказуемым преступлениям.

Осознание собственного глобального величия рождает небывалое по накалу страстей искусство страны Советов, все жанры которого ставятся на службу достижению величайшей человеческой цели – созданию земного рая в том виде, как он был представлен в коммунистической идеологии. Справедливо будет сказать, что все жанры искусства берутся партией под строгий и неослабный контроль. Созданные союзы писателей, композиторов, художников, архитекторов неусыпно и бдительно следят за тем, чтобы все появляющиеся в стране Советов художественные произведения максимально служили «мобилизации всех не только социально-экономических, но и духовных, нравственных ресурсов общества для интенсификации социального, научно-технического и культурного прогресса». Авторы, позволяющие себе «уклонение от линии партии», подвергаются жестоким преследованиям и в лучшем случае отлучаются от творческого процесса. Художественная деятельность становится возможной только в организационных рамках созданных государством творческих структур. И такое положение закрепляется в Советском Союзе на долгое время. Никто не имеет права называть себя ни писателем, ни композитором, если не является членом соответствующего объединения. К примеру, Иосифу Бродскому, проходящему по делу о тунеядстве, судья отказывает называться поэтом, поскольку он не состоит в Союзе Советских писателей. И это не вызывает сколько-нибудь заметного протеста в народе. Массами принимается только такое искусство, которое организуется и направляется свыше. Песни о любимом Сталине становятся самым популярным в народе видом искусства и поются вдохновенно, при любых жизненных обстоятельствах, и, что надо ради справедливости отметить, без всякого принуждения со стороны. Такие поэты, как Лебедев-Кумач и Исаковский, прославлявшие любимого вождя, достигают такого уровня народной популярности, какой не снился и самому Пушкину. Потому у нас нет никаких существенных оснований заявлять о том, как это делают многие исследователи, что дух сталинизма был чужд русским. Можно сказать, что товарищ Сталин положительно воспринимался умом и сердцем народа. Народ пылко любил своего вождя, хотя, может быть, не совсем такого, каким он был на самом деле. Да и любовь к нему была настолько сильной, что она позволяла прощать, а точнее, не замечать любые недостатки в действиях и характере любимца.

Великая цель оправдывает любые средства, применяемые для её достижения. Всячески подчёркивается сверху и с радостью воспринимается снизу мысль о передовой миссии русского народа в судьбе других народов

планеты. Интенсивно начинает пропагандироваться и осуществляться заложенная в русском Православии идея о мессианской роли русского народа, хотя сама эта религия, как, впрочем, и другие, в советскую эпоху формально отвергаются и даже подвергаются жестоким преследованиям. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» становится основополагающим для международной политики советского государства, практическим смыслом всего большевизма. Надо заметить, что на государственном гербе СССР изображается не сама советская держава, а весь земной шар, как знак будущего господства на планете пролетарской идеологии. И, конечно, главный груз объединительных забот ложится на плечи великого русского народа. Убежденность в правоте страны Советов, великого русского, или советского народа, что практически одно и то же, весомо подкрепляется появлением на востоке в результате Победы над Германией и Японией нового социалистического Китая, а на западе – «стран социалистического лагеря». Казалось, что уже полмира встали под «обагрённые кровью знамёна». Как тут не поверить в богоизбранничество русского народа, призванного прокладывать пути человеческого прогресса, быть впереди всей планеты! И, тем не менее, мир продолжает восприниматься русскими, прежде всего, как арена, на которой можно померяться силами и снискать славу, но не как почва, на которой возрастают проблемы, требующие прагматичного, но не самонадеянного подхода. Побед хотя и много, но не хватает побед. Вот, казалось бы, и Африка уже включена в общее коммунистическое содружество, но до мирового господства ещё далеко. Капитальная и окончательная победа всё ещё впереди.

Но сначала Советский Союз объявляется первым социалистическим государством. И хотя никакого социализма, как он описывается в литературе и представляется в народном сознании, не наблюдалось и в помине, картинка была нарисована. И она становится выразителем националистической идеи. Самое передовое общество на планете создают не кто-то, а именно русские. Они выступают в роли Мессии. Всем остальным этносам ничего не остаётся, как брать пример со старшего брата и подтягиваться до его уровня в своём историческом развитии и самоопределении. Государство присваивает себе монопольное право на национализм. Кому бы то ни было ещё проявлять национальные чувства не разрешается. На просторах громадной территории рождается единая генерация «советский человек». Человек любой национальности должен соответствовать требованиям этой генерации. И это удаётся. Происходит нивелировка культур, ведущей из которых становится традиционная русская культура. Остальные национальные культуры ей вынуждены подчиняться. Идеологема «советский человек» становится базой для создания эталона гражданина в СССР. Выход за его пределы возбраняется вплоть до уголовного преследования. Быть узбеком разрешается, но в определённых рамках, не нарушающих установленного эталона «советскости». Все «маринуются» в одном советском рассоле, и все, естественно, приобретают одинаковый вкус. И белый гриб и сыроежка теряют свои отдельные вкусовые

качества. Общая пропитка делает их неразличимыми, уподобляет друг другу. Представить себя тем же узбеком, вне русской общности, становится практически невозможно.

«Вдохновителем и организатором всех побед и достижений» русского народа неизменно остаётся мудрый и непогрешимый Сталин. Именно при нём, благодаря его «чуткому» руководству, русское государство утверждается в таких территориальных размерах, каких оно не знало на протяжении всей своей многовековой истории. С ликвидацией Британской колониальной системы сталинский Советский Союз по своей территории, становится самым крупным государственным образованием на планете. Это ошеломляет. «Широка страна моя родная!» Ранее никто из русских царей не мог и близко мечтать о том, что получила страна при генсеке Сталине. Конечно, ослепительное укрупнение государства льстит национальному самолюбию русских. Советский Союз, хотя формально и считался многонациональным образованием, но русскими воспринимался, прежде всего, как русское государство. Всё, что входило в состав Советского Союза, получало печать русской принадлежности. С той лишь оговоркой, что русские благородно, по своему усмотрению, делились своим достоянием с другими народами и народностями, вовлечёнными в сферу русской государственности. И случившееся в дальнейшем отделение территорий было воспринято ими как потеря личного достояния, как кровоточащая, незаживающая рана. Русское национальное сознание трудно соглашается с тем, что Грузия, к примеру, это грузинская, а не русская территория. Что касается Крыма, или Курил, то по вопросу их принадлежности русских переубедить ещё сложнее. Господствует одна мысль: что когда-то у русских побывало, то и должно принадлежать им вечно.

Величие народа вступает в зависимость от **величия** вождя. В сохраняющемся возвеличивании Сталина проявляются болезненные комплексы, связанные с утратой народом отдельных признаков собственного **величия**. В народе, как обратная сторона медального **величия**, ощущаются беспомощность и разочарование. Не последнюю роль при этом играют территориальные потери. Сталин приобретал имущественные богатства для русских, а другие их расточают. Наблюдаемое противоречие, заключающееся в том, что **величие** народа, траектория его надежд ставятся в зависимость от случайных обстоятельств и фактически от одного человека, в национальном сознании не принимается в расчёт. Не осознаётся в той же степени, как и тот жутчайший вред, принесённый стране и народу большевистской системой правления. Это лишь в творчестве отдельных отщепенцев-интеллигентов вождь всех народов приобретает образ усатого и страшного «Тараканища». Но с ними разговор короткий. В восторгах толпы их голос бесследно глож. Попытки удерживать величие в новых исторических и политических реалиях ведут к агрессивным националистическим выходкам, типа того, что можно было наблюдать на Манежной площади в Москве со стороны разбушевавшихся юнцов.

У Михаила Лермонтова есть примечательные слова: «Русский народ, этот сторукий исполин, скорее перенесёт жестокость и надменность своего повелителя, чем слабость его... Он скорее простит в нём излишество пороков, чем недостаток добродетелей». Фигура Сталина, как нельзя точнее, вписывается в это правило. Сталин становится незаменимым орудием подтверждения и возрастания **величия** народа, этого главного условия существования русских. Всё сопутствующее – вопиющая бедность, полное бесправие, постоянная угроза смерти – ничто, пока подтверждается твоё **величие**. Личное ничтожество перестаёт приниматься в расчёт, когда ты являешься членом великого сообщества. Принадлежность к великой нации и тебя делает великим. А великому человеку уже не страшно и умереть. Люди умирают и убивают за ложь. Жертвенное геройство становится способом повседневной гражданской жизни. И если героев не хватает в реальной повседневности, то их выдумывают. О них, мнимых и действительных, складываются душещипательные песни. Поэтому «Сталин – наша слава боевая, Сталин нашей юности полёт, с песнями, борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идёт». Сталин – это и есть великая Россия. Велик Сталин – велики идущие за ним люди. Представления народа о собственном **величии** материализуются в конкретных подтверждениях, пусть и надуманных, **величия** вождя. Отрицание **величия** Сталина подразумевает отказ от собственного **величия**. А это нож по собственной плоти. Устойчивость авторитета вождя вполне согласуется с правящим национальным интересом.

Не исключено, что Россия в силу своей территориальной громадности, уникальных природных богатств и человеческого потенциала просто обречена всеми возможными способами постоянно оспаривать и утверждать своё **величие**, особые позиции в мире. При этом происходит и фабрикация представлений о **величии**. В привычку русских входит воспринимать Россию (Советский Союз) как центр всей людской цивилизации. Все другие страны должны ей кланяться, как хлебные снопы из сна ветхозаветного Иосифа. Государственным гербом страны становится изображение всего земного шара. Такое представление о **величии** объединяет русских людей, возвышает их в собственных глазах перед другими народами. Гражданская принадлежность к советскому сообществу становится «дубликатом бесценного груза». Сталинско-большевистская идеология как нельзя лучше способствует развитию в народе националистических настроений превосходства над другими народами. С той лишь разницей, что акцент в этой идеологии делается не на какой-то одной нации, а в целом – на общности «советский человек». Но русские от этого нимало не страдают, понимая хорошо, что под понятием «советский человек» они сами и в первую очередь и подразумеваются. Одновременно с понятием «русский человек» существовало такое понятие как «великоросс». И естественно, что к великороссам могли относиться только этнические русские.

Поскольку **величие** в народе понимается главным образом как сила и мощь в их самом расхожем и доступном представлении, возникает народная

убеждённости в том, что все возникающие в государстве проблемы можно эффективно решать только «сильной рукой». И этой «сильной рукой» в наибольшей степени на Руси обладали Иван Грозный и Иосиф Джугашвили. Возможно, ещё и Пётр I, если бы не его, мягко говоря, не во всём и не всегда одобрителное отношение к Русской Православной Церкви да неоправданные, с точки зрения русского человека, реверансы в сторону Запада. По мнению русских, «имеющие место быть» недостатки может устранить личность типа Сталина. Не имея достаточного общественного опыта в решении возникающих жизненных проблем, русские люди склонны свои надежды связывать с вождями. Оттого так сильна в народе ностальгия по России прошлого времени, по фигурам «сильных» правителей типа Ивана Грозного (Рюриковича), Петра 1-го (Романова), Иосифа Сталина (Джугашвили). Отказаться от Сталина – это равнозначно отказу от славного прошлого, вершиной которого явилась объединяющая народ Великая Победа. Русские люди фетишизируют государство. Они не мыслят своего существования вне государства сильного, государства, побеждающего всегда и всюду. Самими по себе в отдельности русские готовы быть слабыми, но пусть сильным будет государство. Ради этого не следует жалеть никаких человеческих жертв. Людские потери только сеют семена будущего величия. Русские желают побеждать на государственном уровне даже в ущерб своим личным интересам. Они хотят вернуть стране тот масштаб побед, который, как им подсказывает национальная память, был достигнут при Сталине. Пусть даже на основе господства политики лжи и насилия.

Русские в массе своей, хотя и хаотично государство, твёрдо полагают, что только государство, возглавляемое «правильным» лидером, может выволить народ из любой беды. Вера в государство сродни вере в бога. И Сталин, как идеальный государственный, для русского человека живое олицетворение такой веры. Он живой бог. За божественного Сталина, как и за государство, не страшно и голову сложить. И если прокрутить назад, как киноплёнку, всю историю России, то можно увидеть, что крупные перемены, которые принесли какие-то ощутимые плоды стране, фактически обеспечивались реформами сверху.

Отсутствие демократических традиций, что бы там ни говорилось о новгородской республике и её идеализированном вече, не позволяли нации успешно самоорганизовываться. Во имя единства государства и равного подчинения его частей единой власти пресекалась любая вольница. С укреплением Москвы Новгород теряет права на вече и колокол. Демократические принципы социального жизнеустройства всегда принимались русскими в штыки. При стихийных сплочениях всегда находился главарь, подчинявший народ своим личным интересам. По представлениям русских, при демократическом лидере не может быть сильного государства. Над ними должен обязательно находиться могучий диктатор, наделённый неограниченными властными правами. Без него – никуда. Он и воздух, и вода, и пища. Это надчеловек, какого не видел в идеале и Ницше. Инстинкт государственного самосохранения у русских

связан с монструозными образами единовластного правителя. Чем страшнее, тем и лучше. Все наиболее почитаемые властители имели устрашающие характеры. И в этом заключалось их **величие**. Сталин, в данном случае, не исключение. Симпатия и страх у русских проявляются в неразрывном единстве. Сталин тем и симпатичен, что ужасен. Носитель каинова тавро, он чем-то сродни Чудищу из сказки писателя-славянофила С.Аксакова «Аленький цветочек». Главная героиня этой сказки обеспечивает спасение себе и своей семье тем, что проявляет любовь и послушание к страшному, звероподобному уроду. Недаром сказка пользовалась большим спросом в Советском Союзе, изучалась в школе, издавалась миллионными тиражами, в инсценированном виде шла во множестве театров, долгие годы была любимым фильмом советской детворы. Да и самим русским чрезвычайно нравилось, когда им говорили, что их всюду боятся. Лучшей характеристики для себя они и не ожидают. Страх перед личностью и уважение к ней они привыкли сводить к одному смыслу. Если человека не боятся, то это значит, что и не уважают. И то, что в последнее время русских, и правда, стали меньше бояться, действует на них удручающе.

Признавая себя великим, а точнее величайшим народом, русские, естественно, не могут мириться с таким положением, когда в решении исторических судеб им начинают отводить второстепенную роль, перестают с ними считаться на международной политической арене. Не устраивает русских, разумеется, и то, как складывается их собственная жизнь, по сравнению с жизнью граждан других стран. Если, конечно, они получают возможности проводить такое сравнение. При закрытости сталинского режима таких возможностей практически не было. В результате пропагандистских измышлений в народном сознании запечатлевалась прочная картина, согласно которой жизнь советских людей выглядела самой счастливой и самой обеспеченной с материальной и культурной точек зрения. Да и подсознание советского человека ничего иного ему не подсказывало. Государство и население служили друг другу хорошими партнёрами. «Всё хорошо, прекрасная маркиза», как пел Леонид Утёсов. Советская идеология обладала свойством усыплять, одурманивать сознание действительно благородными идеалами братства и справедливости. Сталинисты с особым умилением вспоминают о том, что при Сталине ежегодно проводилось снижение цен на насущные продукты питания и потребительские товары. В средствах массовой информации этому событию уделялось первоочередное внимание. По единому штампу писалось, что жители того или иного села или города «с огромным воодушевлением встретили радостную весть об очередном снижении государственных розничных цен». И это соответствовало действительности. В честь такого события организовывались митинги и собрания трудящихся. Но при всём том игнорировался очевидный факт, что с каждым очередным снижением розничных цен на магазинные товары, количество этих самых товаров на прилавках резко уменьшалось, а то и вовсе наблюдалось их исчезновение. Тем не менее, в этих демонстративных актах виделась и продолжает видеться

отеческая забота вождя о нуждах простого человека. Со смертью Сталина снижение цен в государственном масштабе прекратилось и никогда больше уже не возобновлялось. Люди наглядно видели, что цены на привычные для них товары, хотя и не так заметно как в последнее время, но, тем не менее, приобрели тенденцию к неуклонному росту. Как же тут не помнить, что при вожде, цены снижались, а зарплаты и пенсии повышались.

Получив с устранением так называемого железного занавеса шансы убедиться в том, что средний уровень жизни россиян по многим показателям, мягко говоря, уступает мировым стандартам, русские стали испытывать обострённые обиды по отношению к тем народам, которые сумели добиться более высоких жизненных показателей. Это был обескураживающий удар по национальному самолюбию. Выяснилось, что русские уступают другим нациям по основным жизненным показателям. И живут-то они поменьше, и доходы на душу населения у них ниже, и производительность труда имеют невысокую, и в потреблении, что ни возьми, за исключением спиртовой продукции, уступают почти всем народам. И другие сферы жизни у русских, как оказалось, далеко не в порядке устроены. Поначалу в это не верилось. Такая доля не может быть желанна великому народу. Положение, при котором русские кому-то вдруг уступают, представляется им неожиданным и крайне несправедливым. Тут же возникает вопрос: «Кто виноват?» Винить себя **величие** не позволяет. «Сваливать» всю вину на вождя, всё равно, что самих себя винить. Проще всего всю вину за допущенное отставание возложить на нынешних руководителей государства, не придерживающихся сталинских методов управления, потакающих внутренним и внешним врагам России, не желающих признавать её **величия** и особого места в мировом сообществе. С позиции утраченного по чьей-то вине бывшего могущества все крупные и мелкие жизненные неприятности переживаются русскими, несомненно, более обострённо, чем это могло бы быть при ином самосознании. И это поддерживает у людей убеждение в том, что Сталин никогда бы не допустил такого унижения великой нации. Сталин олицетворял **величие** и могущество как возглавляемого им государства, так и его населения. Народ от такого государства и от такого лидера в одночасье не может отделаться, как скелет не может сбросить с себя мышечную массу. По отдельности ни скелет, ни мышцы не могут существовать. Сталинизм – это органическое сращение вождя и народа.

Признавая за собой исключительные таланты делать «всё» («мы рождены, чтоб сказку сделать былью»), русские, вместе с тем, не осваивают простые мелочи, которые другие народы делают ежечасно и автоматически. Для великой нации рутинная, черновая работа представляется слишком мелким и не масштабным занятием. Побеждая других, русские оказываются не в состоянии победить себя, свою немереную гордыню. Поэтому причину сопровождающих их неудач они видят не в собственных недостатках, а в чьих-то непрестанных враждебных кознях. И критику в адрес любимого вождя они воспринимают как один из способов, которые применяют враги с

целью опорочить, унижить нацию. И хотя, как отмечают отдельные головы, процесс постижения вины в раскольниковском (по Достоевскому) смысле виновности всех в печальных событиях и начался, но говорить о его массовости не приходится. По-прежнему русские выступают в роли прокуроров, когда речь заходит о внешних силах, и адвокатов, когда нужно признавать собственную вину.

И это естественно. Люди, считающие себя великими, всегда теряют нравственные ориентиры. У них атрофируется чувство собственной ответственности и собственной вины. Они способны хорошо видеть чужие недостатки, но собственные грехи ими не замечаются. Так происходит на личностном уровне. И то же самое мы можем наблюдать на примере наций. Великая нация не может согласиться с тем, что её успехи были достигнуты с чьей-то посторонней помощью, пусть даже и великого вождя. И в этом нет противоречия. Почитая своего вождя, народ тем самым не отказывает и себе в заслугах. Таким образом, осознание собственного величия создаёт сложную психологическую структуру отношений русских со своими вождями. Русским, более чем какому другому народу, свойственно органическое слияние со своим вождём. Любое его отторжение вызывает у русских болезненную реакцию. Великий народ не мог терпеть у руля власти слабого человека. И в соответствии с этой же логикой сильный вождь не мог бы появиться у слабого народа. Если при Иване IV происходит на Руси приращение территорий, то хороши и царь и народ, а если при Горбачёве территории теряются, то плох один лишь царь. Сталин хорош тем в народном сознании, что он как нельзя лучше соответствовал народным чаяниям.

О РУССКОЙ ШИРОТЕ ДУШИ

При определении русского национального характера очень часто приходится сталкиваться с понятием «**широта души**». Как клише, данное понятие призвано положительно характеризовать нацию. И оно прочно закрепилось в самосознании русских. Однако у многих иностранцев существует полярное, не без доли иронии, мнение о том, что русские часто склонны отмечать у себя. Приписывание русскими себе отдельных качеств рассматривается сторонними наблюдателями не иначе, как самобахвальство или бессмысленное жонглирование красивыми словами. Справедливости ради отметим, что и другим народам свойственно приукрашивать самих себя без должных на то оснований. Но нам важно определить, что именно русские имеют в виду, когда они заявляют о наличии у себя **широты души**, как уникального по своей ценности дара, и как эта самая **широта души** влияет на отношение народа к личности Сталина и его политике.

Учитывая расплывчатость понятия «**широта души**», попробуем обратиться к отдельным его «расшифровкам». Чаще всего в разговоре о «**широте души**» упоминается удаль русских. Тоже не вполне ясное психологическое качество. Можно сослаться на часто употребляемое в

русском фольклоре словосочетание «удаль молодецкая». По Ожегову, оно обозначает безудержную, лихую смелость. Само собой возникает желание обратиться к такому свойству русских как лихачество. Лихие тройки, лихие водители-автомобилисты, «какой же русский не любит быстрой езды», лихие эскадроны, лихие парни. Можно привести множество словосочетаний со словом «лихой», и все они, действительно, соотносятся с характерными поведенческими чертами русского человека. Само слово «лихой» определяется как двусмысленное. С одной стороны, лихой – это молодецкий, хваткий, бойкий, проворный, щегольской, удалой, злой, злобный, мстительный; а с другой – это, прежде всего, смелый и мужественный человек. И именно вторая сторона подразумевается русскими, когда они характеризуют себя как нацию. Петру 1-му приписывается следующий указ: «Подчинённый перед лицом начальства должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». В лихачестве проявляется склонность «рубить с плеча», поступать не раздумывая, опрометчиво. Лихачество можно рассматривать как определённый вид экстраверсии. Человек выражает себя что называется «на миру». Он красуется, куражится перед людьми, в переносном смысле, а часто и натурально «рвёт на себе рубаху», дабы привлечь к себе внимание людей, что называется высветиться в толпе. Толпа его возбуждает и вдохновляет. Страсть берёт верх над разумом. Тогда ему и смерть не в смерть. Приходит время подвига. И лихачу позарез требуются зрители, соревновательная ситуация. «Размахнись коса, раззудись плечо!» Душа становится настолько «широкой», что она уже не считается ни с чем и даже с самой собой. Душа смелеет и, «закусивши удила, с прикола рвётся...на безрассудные дела». Тогда она становится готовой «за крохотную малость сгореть на огне». Знаток русской народной души Некрасов отмечал: «Мужик что бык: втемяшится в башку какая блажь - колом её оттудова не выбьешь». В этом случае он готов упрямо идти напролом. И всё-таки, чаще всего **широта души** русского человека напоминает такое психологическое свойство, как импульсивность, порывистость. Русские очень быстро зажигаются, но столь же быстро гаснут, столкнувшись с первыми сколько-нибудь значительными препятствиями.

У русских никогда не ценились люди, склонные всё основательно продумывать. Симпатию и восхищение русского человека вызывают быстрые и решительные действия. Сошлись – и по рукам! Продумывание и планирование – не в характере русского человека, хотя при Сталине и был создан, не имевший аналога в других странах Госплан, и советская экономика, в противовес западному рынку, горделиво величалась плановой экономикой. Как со временем выяснилось, никакой разумной плановостью хозяйственная жизнь страны при Сталине не знаменовалась. С обеспечением населения жизненно важной продукцией государственная машина не справлялась. Голодомор следовал за голодомором. Доминировал волюнтаризм в руководстве экономикой, а большинство планов носило так называемый шапкозакидательский характер. Государственная мощь страны

росла за счёт громадных человеческих жертв, в ущерб жизненным интересам населения. Но что удавалось сталинскому руководству, так это поддерживать в самосознании народа, несмотря ни на что, чувство его величия. Всё компенсировалось ощущением собственной уникальности. «Можно всё терпеть бесслёзно, быть на дыбе, колесе», если твоя жизнь оценивается как величайший подвиг. По мнению русских, при Сталине существовали условия для героических проявлений. Теперь они утеряны, что не может не вызывать сожалений в народной массе, чья активность во многом побуждалась внешними эмоциональными факторами и особой ролью товарища Сталина в жизни каждого советского человека.

Люди обычно идеализируют тех, на кого они сами похожи. Обладавший непревзойдённой лихостью в карательстве, Сталин у лихих людей вызывает чувства восхищения и солидарности. А поскольку и сейчас в народе бытует такое мнение, что русские живут в кольце сплошных врагов, то с ними под силу справиться лишь лихому человеку наподобие величайшего генералиссимуса.

ОТКРЫТОСТЬ

В качестве несомненного достоинства русские отмечают у себя **открытость**. О том, что такое **открытость** в психологическом смысле вряд ли стоит много говорить. Современные психологи это свойство чаще всего называют по-другому – экстравертностью. Но как раз утверждение о преобладании в психологии русских именно **открытости** (экстравертности) вызывает серьёзные сомнения. Не от имени ли своего народа один из наиболее русских поэтов и мыслителей Фёдор Тютчев призывал сомышленников: «Молчи, скрывайся и тай и чувства и мечты свои». Эти слова являются своеобразной поведенческой программой русского интеллигента. Сами по себе они едва ли известны народу, но народные настроения отражают адекватно. Весьма популярна русская пословица, в которой обозначен запрет на вынос сора из избы. Этой пословицей русские люди пользуются широко, как общенациональным кредо. Человека, рассказавшего посторонним о неурядицах в своей семье, принимают за морального урода, подлежащего суровому наказанию. Если же человек допускает критику внутренних государственных порядков, то он объявляется государственным преступником и никогда не получает оправдания в своём народе. Русские вольнодумцы и советские диссиденты прочно заклеены как первые враги нации. Никакая формальная реабилитация не меняет отношения к ним как к предателям и отщепенцам. И самая главная их вина, по мнению народа, заключается в том, что они посмели вынести правду о российской жизни за пределы страны. Никакие заслуги Андрея Дмитриевича Сахарова перед народом не могут сделать его героем в глазах этого народа. То, что он посмел поведать миру о творящихся в Советском Союзе беззакониях и обратиться к мировому сообществу за помощью, надолго в народном сознании будет восприниматься как акт прямого изменничества. С

позиций разума трудно объяснить, почему и сегодня не рассекречиваются многие материалы о сталинских репрессиях. В частности, исследователи лишены возможности заниматься сталинскими преступлениями, не имея в своём распоряжении следственных дел Ежова, Берии, Абакумова, Фриновского, Меркулова, Шварцмана и их подручных. Запрещена к показу почти вся личная переписка Сталина с карательными органами, ведомствами обороны, иностранных дел. Грифы секретности снимаются лишь с малозначительных дел. Безусловно, что у власти имеется свой особый резон к сохранению ряда тайн. Возможно, отказывая раскрывать дела о сталинском терроре, чиновники тем самым сохраняют за собой право на сокрытие нынешних собственных нарушений. Но и у народа не проявляется достаточно сильного желания узнать правду о своём прошлом. Тайна неотделима от государства. Какое учреждение в России ни возьми, у каждого есть свой набор дел, на которые наложен, пусть и условно, гриф секретности.

Если рассматривать нации как разобщённые сообщества, то степень их «открытости – закрытости», как социально-психологическая характеристика, будет проявляться в том, насколько раскрыты, или проницаемы границы между ними. При этом следует учитывать и уровни обострённости национального чувства «мы» и жёсткости противостояния нации другим сообществам. Степень жёсткости противостояния нации внешнему окружению обуславливает также и характер внутригражданских отношений на уровне каждого с каждым. От англичан пошло выражение «мой дом – моя крепость». Но это утверждение относится к условиям семейного существования. У русских, вроде, всё открыто, всё просматривается, просвечивается как на экране, прослушивается, каждый вздох слышен, поскольку всё или за ситцевой занавесочкой или за фанерной перегородкой по бедности происходит, но в целом каждая отдельная жизнь за семью замками таится. Внутри каждый друг за другом наблюдает и следит за тем, чтобы вовне ничего не выносилось. Недаром на Западе родилось такое анекдотичное высказывание: «В России не существует несчастий, потому что их научились тщательно скрывать». Ещё в эпоху Николая I иностранными исследователями отмечалось, что российский император боится гласности в той же степени, как сама огромная Россия боится императора. Таким образом, в России с давней поры сложилась круговая порука воспрепятствования политике гласности. И надо отдать должное Михаилу Горбачёву, решившемуся вступить на эту зыбкую, не свойственную российской природе почву, которая зовётся гласностью. Ложь и умалчивание правды составляют плоть и кровь российского общества на различных уровнях и находят в нём моральное оправдание. Мол, все вокруг врут, а нам-то что остаётся делать. С волками жить – по-волчьи выть. Существование закрытых государственных архивов – не советское и даже не русское изобретение, но именно в России оно прижилось основательнее, чем, где-либо. Государство в представлениях русских – это, прежде всего, тайна. И эта простая формула занесена в скрижали народной памяти.

Всё тайное в России существует как бы в двух измерениях. В одном измерении пребывает святая государственная тайна. То, что она существует и должна существовать, все хорошо знают, и никто, за исключением верховных иерархов власти, на обладание ей не претендует. Более того, посягательство на государственную тайну – тягчайшее уголовное преступление. Тех, кто много знает, - шутят в народе – пора расстреливать. И в этой шутке присутствует огромная доля правды. Носители многочисленных государственных тайн, в силу выполнения ими служебных обязанностей, находились под неослабным наблюдением специальных служб, единственной заботой которых было предупреждать излишнюю болтливость. А часто бывало и так, что люди, причастные к той или иной тайне государства, этим же государством и уничтожались, хотя и не думали делиться с кем-то своими знаниями. Таким образом, на тайну не только навешивался неподъёмный амбарный замок, но во многих случаях принимались самые эффективные меры по её уничтожению. Нет человека – нет и тайны. Сегодня стало известно, что Сталин поочерёдно уничтожил тех людей, в том числе и своих близких товарищей, кто был осведомлён о его неблагоприятных делах в прошлом. Самые главные революционеры, герои подполья и гражданской войны, если они не своей смертью ушли из жизни, были обвинены в тяжких преступлениях против государства и различными способами умерщвлены. Более чем наполовину был уничтожен состав XVII-го съезда ВКП (б), названного как бы в насмешку съездом победителей, уничтожен по той причине, что он, не столько подозревался в каких-то злонамеренных действиях, сколько, как кому-то думалось, имел неподтверждённые сведения о чьих-то кознях против Генерального секретаря, коим являлся вождь. Тайна, таким образом, распространялась не только на факты, но и на намёки о них. Хранение государственной тайны считалось священным долгом каждого советского человека. Его нарушение каралось самым суровым образом. Но в то же время, никто не имел права иметь свою личную тайну. Любая личная тайна с государственной, как и общенародной, точки зрения считалась вообще сомнительной. Её существование рассматривалось как намёк на возможность иного жизненного выбора, отличного от того, которому следует весь советский народ. Вообще-то талантливые, эмоциональные натуры от такой рабской жизни накладывают на себя руки, сбиваются с круга, уходят в скиты, начинают бунтовать или сходить с ума. Но не таков русский народ. Русские люди с лёгкостью отказывают самим себе в праве иметь личную тайну, но свято берегут государственные тайны, за которыми скрываются миллионы и миллионы человеческих жизней. Люди соглашались с тем, что никто из них не вправе убить кого-либо по своей инициативе, но государство, по своему усмотрению, может расправляться с людьми, как ему угодно. Государство и Сталин были едины. И сталинские приговоры оформлялись как приговоры государственные.

Российское общество веками развивалось в таких государственно-политических условиях, когда пресекались или предельно ограничивались

какие-либо неконтролируемые контакты как на международном, так и на внутреннем уровнях. Даже «Наше всё», наш непревзойдённый национальный гений, не обладал выездной привилегией и был вынужден скрытно готовиться к побегу на Запад кружным путём через Кавказ и Персию.

Характер русской государственности, проводимая столетиями политика изоляционизма и взаимной слежки не могли бесследно сказаться на психологии народа. Любая промашка, неосторожно произнесённое слово могли печально отразиться на судьбе человека. Люди это понимали. Желанной свободы можно было добиться только путём побега. Но на это решались немногие смельчаки. Да и куда бежать, когда вся страна – тюрьма! Из огня можно было попасть только в полымя. Привыкшие долгое время жить в окружении реальных и надуманных врагов, русские люди выработали настороженную, недоверчивую манеру общения с посторонними лицами и, прежде всего, с иностранцами. Ими было усвоено твёрдое поведенческое правило: никогда и ни с кем из посторонних «лишнего» не говорить. В обиходный язык советских граждан, правопреемников Российской империи, органически вплелась фраза: «Болтун – находка для шпиона». А со шпионами, известно, что делают. Парадоксально то, что советские люди считали себя самыми свободными и самыми счастливыми людьми на свете. И это иллюзорное ощущение счастья закрепилось в народной памяти и связано оно в первую очередь с именем кремлёвского единоначальника.

Царившая в стране атмосфера заячьей настороженности наилучшим образом побуждала тирана Сталина проявлять свои зверские повадки. И вместе с этим укрепляла его авторитет, способствовала рождению героических мифов о нём, нашедших прочное закрепление в народной памяти.

При объяснении особенностей русского характера нельзя сбрасывать со счетов географические факторы проживания русских. Разъединённость, разорванность земли, клочковатость расселения ограничивали контакты русских. Новгородские крестьяне не знали, как живут крестьяне архангельские, поскольку от одной архангельской деревни до другой по сотне непреодолимых вёрст. И каждая деревня если не враждебно, то уж точно настороженно относилась к соседям. О какой тут **открытости** можно говорить? Каждая деревня старалась держать в строгой тайне свои домашние секреты по устройству быта и жизнеобеспечения. Даже уж такие мелочи, как рецепт приготовления кваса, хранились в глубокой тайне.

Выезды русских (советских) людей за рубеж строго ограничивались в силу нескольких причин. Важнейшая из них заключалась в том, чтобы не выносился свой родимый сор за пределы общероссийской избы. И следует понимать это так, что люди, по мнению властей, всё-таки, знали, что такое хорошо и что такое плохо и при каких-то обстоятельствах могли не держать, как говорится, язык за зубами. Кто-то возразит, что такова была политика руководства страны. И деваться было некуда. Но эта же политика находила

одобрение и поддержку у народа. Существовало молчаливое согласие, обоюдный договор, между массами и властью. Стало быть, политика большевиков, по своей сути, была органичной, близкой народу. Да, действия государства на разных этапах его существования и в дореволюционное время, и в советский период, и в постсоветские годы, хотя и в разной степени, но направлялись на ограничение личной активности человека. Тем не менее, она не встречала заметного сопротивления со стороны советских граждан. И даже когда Коммунистическая партия провозгласила курс на проведение политики гласности, он не встретил энтузиазма у населения страны.

В российской истории, как не в какой другой, скопилось множество тёмных пятен, запретных зон. И сейчас ещё существует ряд законных и противозаконных ограничений по раскрытию архивов, в том числе и тех, что относятся к сталинской эпохе. И у людей не наблюдается жажды получить правдивые сведения о своём прошлом. Более того, попытки отдельных людей это сделать наталкиваются на массовое осуждение: «А зачем? Себя позорить по белу свету? Признание только приведёт к новым проблемам. Стой до последнего и не признавай вины, даже если тебя поймали за руку». Следует с горечью признать, что народ ещё не готов воспринять правду о тех процессах, в которых и сам был активным участником. Так, раскрытие правды о катынском преступлении сталинского руководства не нашло одобрительного отзыва в народном сознании. И лишь страшная транспортная трагедия с польским лайнером позволила привлечь внимание россиян к событиям довоенной поры. Да и то, нет-нет можно было услышать разговоры такого порядка, что Бог метит шельму, и крушение Ту-154 под Смоленском – это Божье возмездие полякам за их усердие в раскрытии давно минувших дел. Стремление таить правду закреплено и в русском фольклоре. Народные пословицы призывают не ворошить прошлое. «Кто старое помянет, тому глаз – вон», говорит очень популярная русская пословица.

Да, сама жизнь принуждала русского (советского) человека вполне обоснованно быть воздержанным на слова, вырабатывая у него чуть ли не навязчивый страх не только перед просыпающимся от перепоя соседом, но и перед самим собой: «А вдруг, если не по пьяному делу, то во сне проболтаюсь, а жена услышит». Неосторожно брошенное им слово, даже на супружеском ложе, могло обернуться страшной бедой, достаточным основанием для обвинения в тяжком преступлении. «Хороший» срок грозил любому, не воздержанному на язык русскому человеку. Доносы при Сталине становятся нравственной нормой советского населения, что идёт в разрез с моральными принципами, выработанными человечеством за тысячелетия. За доноительство на соседа, замешанного якобы в контрреволюционных мыслях, не говоря уже о каких-то действиях, расстреливали. И такая политика населением поддерживалась. Общепризнанным героем становится Павлик Морозов, донёсший на своего отца за укрывательство хлеба. Представление о жизни как о тотальном заговоре заставляло людей жить в постоянном напряжении, в состоянии повышенного самоконтроля.

Сокровенным знанием было опасно делиться не то что с соседом, а даже с близким родственником. Ни в одной другой стране, как в России, не было создано столь мощной системы секретного слежения за собственными согражданами. Вряд ли был бы смысл тратить на неё громадные материальные и человеческие ресурсы, если бы русские проявляли ту наивную **открытость**, которую они себе ставят в заслугу.

Многие важнейшие события, происходившие в стране, оставались за чертой известности. Понятие «политики под ковром», хотя и было изобретено за пределами России, но именно внутри неё нашло наиболее последовательное применение. Какого исторического российского события и персонажа более-менее выраженной степени важности ни коснись, на всём лежит плотная пелена секретности. Можно сказать, что существовала квота, план, на выдачу информации, её регламентацию, на то, что, в каком объёме и как говорить. Что касается репрессий, то по отношению к ним сохранялась строжайшая тайна. И хотя говорят, что, заперев все двери, не закроешь крови, сведения о кровавых расправах держались под строгим секретом. А те, кто был о них достаточно хорошо осведомлён, упорно и надёжно молчали. Стало быть, существовала психологическая почва для поддержания строгого режима молчания. При достаточно большом количестве открытых по своему характеру людей сохранять молчание было бы невозможно. Факты, так или иначе, выходили бы наружу. Никакая фальсификация их не смогла бы скрыть. И сейчас многие люди ещё не верят в то, что происходило при Сталине, поскольку, с одной стороны, не обладают всей полнотой правды, а с другой, - заслоняются от тех очевидностей, которые им нежелательны. И это обстоятельство служит основанием считать наветом на вождя появляющиеся документальные свидетельства о его личных преступлениях. Используемая при этом логика строится по простому принципу: «Этого не могло быть, потому что не могло быть». Страшно верить в то, во что не хочется верить. Организм вырабатывает иммунитет против усвоения и закрепления в сознании нежелательной информации. А вот утопии типа «Незнайка в Солнечном городе» легко воспринимаются в качестве реально осуществлённой идеи в отдельно взятой стране развитого социализма. В своём подавляющем большинстве советские люди были убеждены, что в мире нет ни одного народа, живущего лучше их. Эта вера подкреплялась необходимой иконографией, всей жанровой полнотой искусства, призванного служить народу.

Итак, **открытость**, отмечаемая русскими в качестве своей национальной психической черты, не находит фактического подтверждения в их жизни. И такое несоответствие между тем, что есть на самом деле, и тем, что себе приписывается, само по себе о многом говорит и может служить материалом, объясняющим устойчивость отдельных психологических свойств русского народа. Русские склонны воспринимать себя обособленной фигурой на фоне недоброжелательного к ним окружения, страдающего от того, что русские являются народом-ресурсодержателем. Материальное и духовное величие русских, по их мнению, не даёт покоя другим народам. Причины

возникающих сиюминутно проблем русские видят в злостном вмешательстве со стороны внешних враждебных сил. Отсюда возникает стремление изолироваться от «врагов», обезопасить себя от сближения с ними. Русские очень часто заявляют о том, что их излишняя **открытость** приносит им вред, поскольку враги пользуются простодушием русского человека. Изоляционистская политика Сталина как нельзя лучше удовлетворяла людей с точки зрения имеющихся у них опасений. По мнению русских, вождь был абсолютно прав, вводя строжайшую цензуру на распространение любой информации. Таким образом он оберегал народ от грозящих ему отовсюду неприятностей. Отдельные, даже робкие попытки последующих за Сталиным руководителей советского государства расширить рамки информационного поля, создать более благоприятные условия для самораскрытия нации встречали в массах неодобрительную реакцию. Замечено, что чем больше тот или иной генеральный секретарь КПСС шёл на расширение внешних и внутренних контактов, тем меньшей популярностью он пользовался у русского человека. Никита Хрущёв воспринимается резко отрицательно в народе не столько из-за своей активной роли в разоблачениях Сталина, сколько по причине сделанных при нём существенных шагов по снятию железного занавеса. И уж с большей степенью неприязненности воспринимается народом фигура Михаила Горбачёва, чья политика характеризовалась значительным улучшением отношений Советского Союза с Западом. Такая, несомненно, более открытая политика расценивается в народе как уступка врагам, как непростительная слабость, и даже как свидетельство прямого предательства интересов советского и, прежде всего, русского народа. С другой стороны, Юрий Андропов, стремившийся распространить методы управления родной ему и чрезвычайно закрытой системы госбезопасности на управление всем государством, пользуется у народа высочайшим авторитетом. Во всяком случае, за ним не закрепилось ни одного оскорбительного прозвища, как это мы наблюдаем на примере последнего советского генсека. И конечно Иосиф Сталин, как основатель «железного занавеса», воспринимается народом в качестве эталонного политика в отношениях с враждебным Западом. Ведь чтобы обезопасить себя от врага, в первую очередь нужно от него закрыться. Такая политика была традиционной для старой России, а при сталинском режиме она преемственно нашла наивысшую степень выражения. Внешне это зачастую выглядело так, что всемогущее советское государство скрывало информацию само от себя, от своего народа. И узнать её можно было лишь из зарубежных источников. Так о катастрофических масштабах радиоактивной заражённости, случившейся в результате проводимых на Урале испытаний атомного оружия, стало известно по опубликованным в западной прессе данным французского спутника, сфотографировавшего территорию Челябинск-40. Государством постоянно предпринимались беспрецедентные меры по лишению населения источников нежелательной информации. На глушение «вражских голосов» тратились громадные государственные средства. Их слушание каралось в уголовном порядке.

Атмосфера таинственности окутывала всю страну, «от Москвы до самых до окраин». Население поголовно ощущало необходимость сохранения какой-то одной главной общей тайны и её частных элементов. Разрушь, разоблачи эту тайну, раскрой её народу – и всё будет разрушено. Для сохранения великой тайны и возводится так называемый железный занавес – наружное укрепление или оплот кремлёвского режима. Бесконечные условности и преграды, установленные в отношениях со всем миром, воспринимались в стране победившего социализма естественно и с пониманием. Закрытость политического режима обеспечивалась самим населением. Эти факты не позволяют говорить об **открытости** русских, как об их основополагающем психологическом качестве. Вместе с тем, упорное приписывание его себе может свидетельствовать об их стремлении, исходя из позиций своего величия, компенсировать дефицит рассматриваемого качества путём декларативных заявлений и всё того же самовосхваления, как признака ущемлённости. Чем больше возникает поводов говорить о закрытости жизни сообщества со стороны, тем больше внутри этого сообщества появляется желания представить положение вещей в ином свете. Так люди очень часто излишне много говорят о наличии у себя именно тех качеств, которые у них на самом деле или совершенно отсутствуют, или выражены слабо, но которые пользуются одобрением в обществе и которые, в принципе, им бы хотелось иметь. Не бывать калине малиною, но похвалить себя можно. Но такая похвала не безобидна. Закрытость истории делает её безымянной, что, в свою очередь, не позволяет сформироваться зрелому национальному самосознанию, сохраняет инфантильность общества, его пристрастность к мифам. Фигура Сталина во многом обязана в своём появлении отсутствию **открытости** общества. И сохранение её в положительном качестве также говорит о тенденциях скрывать подлинную историю.

ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННОСТЬ

Заявляя о своём величии и открытости, русские одновременно видят себя нацией с высокой степенью **индивидуализированности**.

И вновь мы сталкиваемся с феноменом содержательного расхождения между тем, что характерно для русских думать о себе, и тем, как они проявляют себя в действительности.

Сегодня **индивидуализированность**, в психологическом плане, оценивается положительно. Быть индивидуумом и желательно и лестно. При этом подразумевается, что человек обладает свойствами самостоятельности и личной ответственности. Это значит, что он в состоянии противостоять авторитетам и стайным инстинктам. Такое качество приветствуется как на уровне отдельной личности, так и в характеристике того или иного сообщества. Чем силён коллектив? Прежде всего, умением аккумулировать, соединять в единое целое различные мнения и способности его отдельных

личности. И если отдельный человек бывает рабом какого-то отдельного человека, то теперь вся масса превращается в коллективного раба, подчиняющегося единственному верховному господину, батюшке царю с нагайкой.

Вместе с тем, владычество гения облекается в форму коллективности (партийности, народности). Всё, что бы ни совершалось вождём, делается от имени народа, получает народное согласие и одобрение. И народ ни разу не противится совершаемым преступлениям. Приверженность коллективу заставляет каждого русского действовать вопреки тому, что он мог бы делать в одиночку. У нас нет достаточных оснований говорить о том, что все русские поголовно кровожадны и жестоки. Думается, что очень немногие из русских одобрили бы политические кампании по борьбе с «врагами народа», с троцкистами, с кулачеством, дали бы поодиночке согласие на расстрел польского офицериата, полное уничтожение состава монгольского правительства. Но коллективная воля в конечном итоге оказывается сильнее воли индивидуальной. Коллективная воля заставляет проявлять классовую непримиримость по отношению даже к своим близким и родственникам. Выстраивается иерархия коллективности, на низшей ступени которой оказывается семья, а на самой высшей – государство. Низшие коллективы можно приносить в жертву ради более высоких. Любимейшим народным героем становится Павлик Морозов, разоблачивший отца и его сторонников. Что касается отдельной личности, то её значимость приближается в этих построениях к нулю. И такое положение в народе не встречает сопротивления. Таким образом, **индивидуализированность**, отмечаемая русскими в качестве одного из своих основополагающих качеств, не находит жизненного подтверждения. Скорее всего, это дань установкам показать себя в выгодном свете. Ещё Достоевский, например, справедливо отмечал, что русских отличает «стыд собственного мнения». Подчиняясь общепринятым решениям, русские люди очень часто подчёркивают, что они это решение приняли сами по себе, руководствуясь исключительно личными соображениями. Однако по прошествии времени, когда выясняется, что принятое решение оказалось ошибочным и принесло тот или иной общественный вред, они говорят, что лично были против него, но кто ж их тогда мог послушаться.

В целом укладу русских свойственна соборность, при которой те или иные жизненно важные решения принимаются лидирующей личностью, но облекаются при этом в форму коллективного согласия. Такая форма правления очень удобна и привлекательна для лидеров, поскольку вся ответственность за совершаемые ими деяния полностью перекладывается на коллектив. От имени народа, от имени фантомных коллективов лидерам было очень удобно совершать желаемые ими действия: исключать, запрещать, расстреливать. Реальный лидер избегал ответственности, прячась за фантомами коллективности. Ведь всех не осудишь. Таким образом, возникала неискоренимая круговая порука безответственности, удобная и лидерам и их подчинённым. В случае неправильного решения лидер

ссылается на коллектив (собор, собрание), а каждый из рядовых членов коллектива всегда может заявить, что он не мог выступить против всех. Действовать по принципу «как все, так и я» присущ русскому человеку. В сталинскую эпоху произошло его дальнейшее укоренение. Жить принципиально по-другому было опасно. Россия умела съедать своих людей. «Индивидуалисты» неизменно оказывались в числе первых врагов народа. Они истреблялись в первую очередь. Остальные привыкали жить, «не высываясь» из коммунальной среды. Отказаться от этой органической привычки в одночасье невозможно. У Аркадия Райкина была интермедия, в которой рассказывалось о человеке, уподобившемся листочку на дереве. Человек почувствовал, что ему выгодно и комфортно прятаться на дереве за другими такими же листочками. Так люди приспособивались выживать в условиях существования постоянной угрозы для их жизни. Многие листья летели с древесной кроны раньше времени, но многие и сохранялись. У «листьев» выработывался главный закон самосохранения: быть как все. Выделился – пропал. Многие и многие гибли при таком устройстве своего жития, но многие и многие выживали. Недаром «пряталки» были любимой игрой русской детворы. Социальный дарвинизм находил подтверждение на примере советской действительности.

Правила соборного построения светской жизни на Руси выводились из принципа церковной соборности. Свет равнялся на Церковь как на идеал жизнеустройства. Церковь же строилась по системе строгой соподчинённости, как сейчас принято выражаться - на основе вертикали власти. Младшие были обязаны строго подчиняться старшим. Иерархи Церкви в пределах того или иного её подразделения были безусловными монархами. Какую-либо демократию невозможно было и представить. Собор существовал лишь для того, чтобы утверждать решение главного лица, чей авторитет считался непререкаемым. Индивидуализм пресекался на корню. Да ему и негде было проявиться. Отрицалась сама возможность «личного счастья» на индивидуальном уровне. Считалось, что быть счастливым в одиночку просто невозможно. Все, кто проявлял несогласие с этими правилами, изгонялись из общества как «заблудшие овцы». Изгнание же было равносильным смерти. И православная традиция за долгое время своего господства сумела выработать стандартные приёмы, позволяющие с чувством заведомого превосходства оправдывать всё, что её вполне устраивало. В жизни утверждалась единая теологизированная этика, которая предписывала людям действовать в едином потоке, как должно на основе веками выработанных ценностей. Лишнее и мешающее должно подвергаться немедленному уничтожению. Индивидуальное самоопределение никак не устраивало церковь и потому объявлялось областью «бездуховности», а чаще всего «сатанинским наваждением». Начинания отдельных монархов, направленные на расширение связей с миром, наталкивались на помехи русского духовенства, полагавшего, по мнению Карамзина Н.М., что «Россия благоденствует в мире единством закона и языка; что разность языков может произвести и разность в мыслях».

Но поскольку архаичная соборность фактически вступает в очевидное противоречие с современным уровнем общественного сознания, то в поддержку ей выдвигается тезис об особой, неспецифической, **индивидуализированности** русских. Происходит подмена понятий. Нечто подобное наблюдалось и наблюдается при манипулировании политиков с понятием «демократия», когда существовавшая в Советском Союзе политико-идеологическая система объявлялась не просто демократией, а демократией социалистической, а в дальнейшем, в связи с отказом государства от социалистической ориентации, демократией суверенной.. При сохранении всех атрибутов веками утвердившейся соборности происходит её декорирование чертами индивидуализма, что можно рассматривать не иначе как красивую мину при проигрышной игре. Чего-чего, но именно **индивидуализированности** и недостаёт русским, хотя она и отмечается широко в национальном самосознании ведущей психологической чертой. Что при этом наблюдается, так это фрустрированность советской коммунальностью. Люди жалеют о том, что их когда-то связывало: и общая кухня с одним туалетом, и тесный дворик, где соседи встречались друг с другом. Все знали, у кого какой сегодня суп варится на обед, кто что купил, и как складываются отношения в семье за стеной. Человеческая память закрепляет те жизненные моменты, которые когда-то доставляли мимолётную радость бытия. «До чего же было хорошо!» - думает русский человек и привычно связывает природу своих ощущений с прежним правителем страны. И действительно, сталинская коммунальная радость сегодня исчезла и попытки её ренессанса пока успеха не приносят.

РУСКИЕ И ПРАВОСЛАВИЕ

Исторически Россия – это страна, принявшая восточный обряд христианства. Долгие века Православие, приспособленное к местным условиям, служило цементирующим элементом российской государственности. Теснейшим и причудливым образом переплетаясь с государством и культурой народа, эта религия оказала громадное влияние на жизнь и нравы русских. Издревле, наравне с гражданскими законами, в России действовал церковный кодекс, регламентирующий правовые отношения в обществе. Церковь не только осуществляла исполнение религиозных обрядов, но принимала самое активное и непосредственное участие во всех государственных делах, служила главной объединяющей силой русского народа, фактически являлась непререкаемым идеологическим инструментом государственной власти. Предметом особой заботы и попечительства церкви на протяжении всей её истории служило российское образование. «Закон Божий», представляющий собой православное вероучение, был обязательным предметом на всех этапах обучения, включая его низшие и самые высшие ступени. Можно без преувеличения сказать, что все русские воспитывались в православном духе. А те, кто избежал такой участи, хранят генетическую память о вере своих предков. Церковь, наряду с

чиновничеством, выполняла властные полномочия в государстве. На этой исторической базе в настоящее время наблюдается восстановление власти церкви, происходит её сращение с государством.

Большевицкая власть ставит на своё вооружение правила и принципы построения церковной власти, существовавшей при монархическом режиме. При этом сама церковь убирается из властных сфер на переживаемый исторический период как бесполезный и, более того, как крайне опасный для государства и общества элемент. Что называется для отвода глаз, оставляется лишь её послушный и полностью контролируемый осколок, своеобразное и ограниченное в своих правах подспорье отказавшейся от библейского бога советской власти. Таким образом, светская советская власть, или что одно и то же, сталинская, становится абсолютной правопреемницей, наряду с монархической властью, и власти церковной, особенно в вопросах духовного влияния на население. Православный народ, если этому и противится, то очень незаметно. «Свобода совести» и внезапно протрезвевшее национальное сознание подсказывают ему наотрез отказаться от православия как от «опиума для народа». Часть духовенства пробует оказать какое-никакое сопротивление действиям власти, поскольку ему, духовенству, было что терять на грешной земле, но не найдя поддержки у населения, быстро капитулирует.

Большевики отвергают церковь в её содержательной части, но копируют с поразительной точностью методы церковного управления паствой. Происходит только одна существенная замена, заключающаяся в том, что достижение христианского рая большевики переносят с небес на землю. Но как цель, земной рай остаётся таким же призрачным, как и небесный. К нему можно идти и идти, как к горизонту, не достигая его. Если для достижения небесного рая надо обязательно умереть, то для того, чтобы оказаться в земном коммунистическом рае, надо в первую очередь иметь счастье относиться к определённому социальному классу, а во вторую – работать, работать и работать. Сохраняется с известной долей упрощения христианское правило, согласно которому, чем хуже здесь сегодня на земле, тем больше шансов на добрую жизнь завтра. Ради рая, что небесного, что земного, коммунистического, следует жертвовать. В назидательной притче Иисуса не богачи наследуют Небесное царство, а бедняк Лазарь, всю жизнь страдавший на земле. В соответствии с коммунистическими правилами богатым так же не находится места в будущем земном рае. Он уготован только для пролетариев, беззаветно служащих достижению высшей человеческой цели, понимаемой с марксистско-ленинских позиций. Кто сам собой не жертвует, того принудительно приносят в жертву. В кровавый алтарь, а можно сказать, в реальную геенну огненную, превращается вся страна с её всепоглощающей борьбой за светлое будущее. По образу и подобию православных монастырей на селе создаются колхозы, жизнь и труд в которых полностью подчиняется задачам строительства земного рая. Как и монастырские насельники, колхозники лишались права покидать свои обители. Как и монахи, они фактически были лишены гражданских прав и не

обеспечивались даже паспортами. Оплата труда колхозников не регламентировалась никакими юридическими документами. Им, как и монахам, можно было что-то и выплачивать за их трудничество, а можно было ограничиваться выставлением «палочек» в учётные тетради. Дескать, придёт время – вы заплатим. Поскольку результаты коммунистического «ударного» труда и борьбы за построение нового строя постоянно оказываются недостаточными, то наступление земного «Царствия Божьего» то и дело откладывается на сроки, соотносимые с политико-экономическими задачами государства. Виновниками же того, что устанавливаемые планы вовремя не выполняются, становятся противники революции, враги народа и просто нерадивые люди. Мало работающие и не жертвующие собой люди – это, если рассуждать на церковном языке, те же самые маловеры, а то и совсем не верящие в коммунистическое завтра лица. Естественно, что они подлежат суровому перевоспитанию или выбраковке. Вчера надо было обязательно быть православным верующим человеком, а сегодня пришло время называться коммунистом. Уклонение граждан от установленных государством работ объявляется тунеядством, караемое самым суровым образом. Работой считается только такая деятельность, которая освящена государством. Иные занятия заносятся в разряд тяжких государственных преступлений. И такой взгляд на жизнь и труд человека имеет церковное происхождение. Духовенству жизненно важно утверждать, что только оно владеет истиной о Боге. В противном случае народ не ходил бы в церковь и не кормил их. И что интересно, не народ считался кормильцем жреческой касты, а именно жрецы величались кормильцами народа. Что же касается попов сталинско-ленинского призыва, то им жизненно важно было объявить о строительстве коммунизма – общества всеобщего благоденствия на планете. Иначе бы их действия однозначно воспринимались бы как обыкновенные грабежи и убийства.

Безусловно, новая российская власть вынуждена обновлять свой фасад, менять терминологию и внешнюю атрибутику. Но сущностное сходство просматривается невооружённым глазом. На роли прежних, небесных богов выдвигаются реальные земные люди. Повсеместно размещаются сходные с иконостасами портретные галереи руководителей Коммунистической партии и советского правительства с безусловным соблюдением установленной иерархичности. Главные боги – Ленин и Сталин – преобладают и количественно, да и изображаются гораздо монументальнее. Одним из первых декретов советской власти был ленинский декрет о развитии монументального искусства. Первоочередной задачей художников и скульпторов становится изображение вождей народа. И эта задача решается более чем успешно с использованием государственных ресурсов. Склонность Православия к благолепию храмов и пышности ритуалов перенимается новой властью безоговорочно и естественно. Новые боги не только не должны уступать старым, но и превосходить их силой своего воздействия. Иначе кто же их будет почитать, кто им будет поклоняться? Под лозунгом «искусство должно служить народу» осуществляется тотальное привлечение

художников всех жанров к служению интересам маниакальных вождей, отождествляющих собой одновременно и государство, и народ, и высшую духовную силу.

Население, бывшее, за минимальным исключением, моноправославным, в кратчайшие сроки переходит, «перекрещивается» в неоязыческую, коммунистическую, веру. И хотя эта вера на словах отвергает любые существующие религии, каких бы то ни было богов, фактически же становится одной из самых фундаменталистских и фанатичных религий, которые когда-либо исповедовало человечество. Отметим попутно, что спустя не слишком длительное время произойдет обратный реверс к православию. Но это всё явления одного психологического свойства. Сравнительная лёгкость, с которой народ переходит от одной религии к другой, может свидетельствовать, с одной стороны, о психологической неустойчивости народа, а с другой, о такой укоренённой его психической черте, как послушание, безоговорочная подчиняемость устанавливаемым сверху идеологизированным формам общественного жизнеустройства. Так или иначе, но просматривается общая закономерность: удобные для государственной власти идеологические концепции тут же подхватываются всем народом, становятся его собственным достоянием. Переходы от одной идеологии к другой осуществляются в громадных масштабах и в достаточно сжатые сроки. В христианстве глубокое погружение в веру называется воцерковлением. В коммунистическую эру происходит, по сути, не только поголовное обращение людей в коммунистическую веру, но и их поголовное погружение в марксистско-ленинское учение. Кем бы не были пастыри, люди послушно следуют за ними. При большевиках народ и Партия обретают неразрывное единство, которое наблюдалось совсем недавно в отношениях того же самого народа с Церковью. При этом интересно, что ни христианское учение как таковое, ни марксистско-ленинское народу известны, по сути, не были. Русские, по воле Православной церкви, не знали Библии и своих лютеров. Так же они не были осведомлены во всех философских премудростях марксизма-ленинизма. «Мы философию учили не по Гегелю». В том и в другом случае народ лишь знал определённый набор обрядово-ритуальных действий, с помощью которых обозначал свою приверженность к принятой на данное время в государстве идеологии. В советское время фактически вся страна становится единой церковью, которая означает собрание людей, верующих в торжество коммунистического учения на всей Ойкумене. Самой же церкви в её традиционно-русском виде тоже находится, пусть незначительная, но всё-таки роль в системе государственных управленческих органов.

Коммунистические вожди народа, в своей иерархической совокупности, представляли собой идеальную, совершенную церковь. Это были заведомые небожители, если раньше времени им не приходилось впасть в немилость у главного земного бога. Предусматриваемое для них бессмертие увековечивалось в особых коммунистических скрижалях, выпускавшихся миллионными, если не миллиардными тиражами. Наиболее же выдающимся

фигурам устраивались великолепные пантеоны славы и мавзолеи. Менее значимые составляли святые ряды поместных церквей, которым предстояло бороться за решение главной мировой проблемы – освобождение человечества от ига капитала. Домостроительство марксистско-ленинских приходов по всему миру становится главной задачей не только коммунистов, но и всех членов советского общества. «Иного нет у нас пути, в руках у нас винтовка!». Словами популярнейшей в своё время песни подтверждаются враждебность всего окружающего мира по отношению к русским и их готовность вести смертный бой с врагами. Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» становится мессианским призывом ко всему миру следовать примеру русских. И не только призывом, но и основанием для оказания братской, в том числе и вооружённой, помощи другим народам. Русские коммунисты берутся спасти «весь мир голодных и рабов». И исполнителем этой великой задачи становится весь народ. Перед своим окончательным вознесением на небо Иисус говорит ученикам: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что я повелел вам». В несколько переиначенном виде русские берут на себя миссию учить другие народы правильной жизни.

В христианской догматике церковь рассматривается как вся паства Христа, все верующие в него люди. Тот же «собор», если обращаться к чисто русской лексике. Христос – добрый Пастырь паствы. Он Сам отыскивает заблудших овец. Он сам берёт найденных на мощные плечи Свои и несёт с радостью в Своё Царство. Ясно, что роль верховного пастыря в громадном Советском Союзе достаётся вождю. Паствой же становится всё многомиллионное население страны. Никакой альтернативы этому не предусматривается. Как Иисус Христос является основанием, краеугольным камнем всего церковного дома, так и вождь строит чудесное здание светлого коммунистического завтра. Церковь, паства, а ещё говорят невеста, должна любить своего пастыря-жениха горячей любовью. Он один должен занимать сердце невесты. Быть центром жизни каждого человека. О чём-то другом нельзя и мыслить. Воздвигаемый храм требует полного отделения от всякой нечистоты. Все непослушные осквернители храма подвергаются либо выбраковке, чаще посредством расстрелов, либо прохождению через чистилища, преимущественно через систему ГУЛАГа. Перестрелять лишних людишек «во имя вселенского счастья», поджечь мир во имя какой-нибудь высшей цели и потом развесить флаги – самое что ни на есть святое дело. И Иосиф Сталин в этом плане весьма схож по своей жестокости с ветхозаветным Иеговой, каравшим богоизбранный народ за малейшее отклонение от установленных правил. Вздумал собирать хворост для замерзающей семьи в субботу – смерть! Так поступал Иегова во времена Ветхого Завета. Сорвал несколько колосков в поле для голодных детей – отправляйся в тюрьму. Это уже у Сталина. Наступил в предбаннике на его портрет в газете – получи без всякого снисхождения двадцать пять лет того же кондея. Да, сурово! Но зато какой был порядок! Тоска старшего поколения россиян по железному порядку – результат неизжитой им

психической травмы, название которой «сталинский СССР». Сталинские суровые меры отождествляются с церковным понятием о неотвратимости Божьего наказания. Сталин был не только живым и единым богом, но и иконой, небрежное отношение к которой в Православии приравнивается к покушению на того, кто на этой иконе изображается. Сталин был вездесущ. О нём не следовало забывать, где бы то ни было.

Этим не ограничиваются примеры тесного родства между церковным учением и большевистской идеологией социального жизнеустройства. И сегодня можно наблюдать, как с началом нового тысячелетия православно-коммунистический дух оказывает доминирующее влияние на возврат страны к её ленинско-сталинскому состоянию. Наиболее активные в прошлом коммунисты стали в числе первых заявлять о своей вере. Церковь вновь вписывается в светскую жизнь как её неотъемлемый, органический элемент. Россия переживает своеобразную эпоху православного ренессанса. Прошлое возвращается в виде симбиоза православия и системы «вертикали власти», во всяком случае, при попытках создания такого симбиоза на законодательном уровне. Повсеместно строятся новые и восстанавливаются старые храмы. Открыто и продолжается открытие множества монастырей, завоёвывающих статус центров русской духовности. В армии введён институт капелланов. Во многих школах начато изучение «Закона Божия». Произошло огосударствление религиозных праздников. Хорошим тоном считается в светских учреждениях открыто исполнять различные церковные обряды и ритуалы. Церковь во всеуслышание призывает ввести «дресс-код» для всех граждан Российской Федерации. И уже не в диковинку во многих православных храмах увидеть иконы, изображающие Сталина. Причём, в нарушение всех православных канонов, фигура вождя изображается гораздо значимей, чем фигуры расположенных рядом с ним канонизированных святых и даже наиболее почитаемых верующими Богородицы и самого Иисуса Христа. Переходы от Православия к коммунизму и обратно - от коммунизма к Православию для русских не представляют особых трудностей, что во многом объясняется сущностным сходством этих направлений человеческого существования.

Чуткий по отношению ко всякой народной стихии, Александр Александрович Блок первым уловил сущностное сходство между коммунистическим и православным взглядами, хотя большинству философов и мыслящих интеллигентов они представлялись противоположными друг другу. Художническим языком поэт показал, что Иисус, отвергаемый на словах как воитель, на деле возглавляет бесчинствующую матросню. Ругали поэта многосторонне за его «Двенадцать». Но пока художественней и ясней, чем он, никто не сказал о преемстве большевизмом сущностных принципов православной системы жизнеустройства:

... Так идут державным шагом,
Позади - голодный пёс.
Впереди - с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,

И от пули невредим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной
В белом венчике из роз -
Впереди – Иисус Христос.

Трудно оспаривать то соображение, что русские, а с ними и другие народы России выращены и напитаны Православием – чрезвычайно гуттаперчевой, конгломератной мировоззренческой структурой, в которой уживаются элементы язычества, христианства и бытового приспособленчества. Условия их существования можно сравнить с броуновским движением частиц. Каждый из этих элементов актуализируется в зависимости от возникающих жизненных задач, от той ситуации, в которую попадает русский человек. Причём, любой из элементов может сравнительно легко приноситься один другому в жертву, когда это вдруг становится нужным. В какой-то момент можно наотрез отказаться и от христианства, если оно становится препятствием на пути к достижению той или иной государственной цели. Но так же легко к нему можно и вернуться, если под рукой не находится какого-то иного надёжного инструмента воздействия на народные массы. Но вот, что всегда, при любых политических режимах, остаётся в русском Православии, так это курс на монархическую систему управления людьми. И пусть государство именуется демократическим союзом республик, но монархизм в нём будет сохраняться как устойчивая форма существования нации. Названия меняются, но содержание остаётся неизменным. Борец-повстанец за народное счастье, выходец из народных глубин, Емельян Пугачёв выдаёт себя ни за кого-нибудь, а за императора Петра Фёдоровича. И, похоже, что сам в это искренно верит. Да и как иначе? Если собираешься управлять Москвой и Россией, то надо быть только царём. Формальные названия должностей самодержца (Председатель Совета народных комиссаров, Генсек, Президент, Премьер-министр) – дело вторичное, не меняющее содержательной сути.

На словах русские люди могут выступать против монархизма, сталинизма, но на самом деле они остаются приверженцами «сильной руки» в управлении страной. «Сила Государя – в верности Богу, сила государства – в преданности Государю, - пишет святитель Филарет Московский и добавляет – блаженно Отечество, которое помогает гражданам достичь Отечества Небесного». И не надо думать, что это сугубо личное мнение религиозного деятеля. Оно почерпнуто из недр русской жизни и передаёт глубинные представления русских о социальном мироустройстве. Аморфные, синкретичные мнения русских о Боге и «Отечестве Небесном» служат очень удобными путеводителями, направляющими население то и дело туда, не знаю, куда и за тем, не знаю за чем. Угодным же для Бога (богоугодным) становится всё, что в данный исторический момент выгодно государственной чиновничьей власти, а в конечном итоге – земному государю, представляющему собой высшего властного иерарха. Всё, что он

здесь свяжет на земле, то и будет утверждено на Небесах. Сегодня идеологические почитатели Сталина откровенно называют вождя «народным монархом», что, в общем-то, близко к истинному положению вещей. Остаётся лишь добавить слово «абсолютный». И хотя при Сталине, в соответствии с его руководящими указаниями, шло широкомасштабное разрушение православных храмов, и был провозглашён государственный атеизм, сегодня в церковных кругах, на разных уровнях, поднимается вопрос о канонизации личности одного из самых воинствующих богоборцев в истории человечества. А как же иначе? У ставшего вновь православным народа безмерно любимый человек не может быть не православным. Он должен быть таким же, какими они являются сами. Православными, как и весь народ, становятся и современные руководители российского государства. Национальное сознание ищет соответствующую фигуру, которой можно отдать власть. И хотя во всём мире наблюдается процесс отмирания монархии как таковой, в России живёт мечта об её возрождении в худших средневековых вариациях. Густые тени Сталина, православного фундаментализма и монархии висят над страной. И, может быть, как раз по этой причине попытки создания в современной России гражданского общества и национального парламента терпят поражение за поражением. Конечно, ни верховные советы СССР, ни современная Государственная Дума ни в коей мере не могут называться парламентами, являясь декорирующими органами авторитарной, а по сути монархической власти.

О МИРОЛЮБИИ РУССКИХ

Кто в советские времена не знал и не пел с воодушевлением песню со словами «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути»? Пафосные, громкие песни о необходимости «беречь и крепить мир во всём мире» были едва ли не самыми популярными у советских людей. На каждом шагу звучало:

Мы за мир! И песню эту
Понесём, друзья, по свету.
Пусть она в сердцах людей звучит.
Смелей вперёд, за мир!..
Не бывать войне-пожару,
Не пылать земному шару!
Наша воля твёрже, чем гранит!

Среди черт своего психического склада русские в первостепенном порядке называют «**миролюбие**». Соответствует ли это действительности? Так ли уж однозначно отрицателен ответ на вопрос, вошедший в знаменитую песню «Хотят ли русские войны?» Не сталкиваемся ли мы вновь с явлением, которое в современной психологии называют «когнитивным диссонансом»? И заключается оно в приписывании себе того, чего на самом деле нет и в помине, в неистребимом стремлении казаться лучше, чем есть. Порой это делается сознательно, но чаще всего в соответствии со сформулированным

Пушкиным принципом: «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман». Самовозвышающее, мягко говоря, лукавство стало характерной чертой национального менталитета. Объективно, русские предпочитают сладкую иллюзию горькой правде.

Есть прямой смысл обратиться к толковым словарям и посмотреть, что же обозначает слово «**миролюбие**», пытаясь тем самым уяснить для себя, присущи ли принципиально русской нации психологические свойства, им обозначаемые.

Миролюбие – это готовность любую ситуацию, и жизненную и политическую, разрешать без применения насилия.

Миролюбие – это способность спокойно и терпимо принимать существование других точек зрения.

Миролюбие позволяет противостоять злу, не прибегая к насилию.

Миролюбие проявляется не в словесной риторике, а в конкретном поведении по отношению к разным людям.

На поверку исторические события не подтверждают наличия у русских, в целом как у нации, отмечаемых ими самими психических свойств. Войны, бунты, революции, кулачные разборки, драки «стенка на стенку» сопутствуют жизни русского человека. Скорее, можно говорить о присущей русским буйной вольнице, легко превращаемой вожаками-атаманами в организованную и направляемую волю. Но признаваться в своей воинственности никому не хочется. Русские воюют, и им, чтобы оправдаться, ничего не остаётся другого, как сослаться на существование постоянных врагов у России, коварных планов и заговоров по её уничтожению. Защитники миролюбивости русских пишут и говорят о том, что на Россию постоянно или кто-то нападает, или она сама оказывается вынужденной делать превентивные шаги с целью обеспечения собственной безопасности. Обвинения в агрессивности, выдвигаемые в адрес русских мировым сообществом, публикуемые рейтинги воинственности, или игнорируются, Или, что чаще всего, объявляются злобным наветом со стороны враждебных кругов. Оно и понятно: каждый агрессор ищет оправдание своим действиям. «У сильного всегда бессильный виноват». И Гитлер находил одобряемое массами объяснение своим агрессивным действиям и очень часто играл на низменных интересах толпы, прикрывая свои военные планы маской **миролюбия**. Но нет-нет и у агрессоров случаются откровенные циничные признания. Политики, что называется, проговариваются. Вот, к примеру, слова русского самодержца Николая-I: «Россия не есть страна торговая, промышленная или крестьянская. Россия есть страна военная, и назначение её быть грозой мира». Другие политические деятели менее откровенны. Председатель Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества Московского патриархата, инициатор военно-патриотического воспитания молодёжи в лоне РПЦ отец Всеволод Чаплин заявляет следующее: «Миролюбие русского православного человека не знает границ». Но вскоре из его уст по центральному российскому каналу телевидения звучит буквально следующее: «Православной Церкви нужна сильная армия. И

церковные приходы призваны заниматься военно-патриотическим воспитанием ». И это не какая-то «отсебятина» – пастыри выражают неистребимо живучее мнение народа.

Но если публичные политики, в силу известных причин, всё же вынуждены проявлять хотя бы какую-то сдержанность в своих высказываниях, то в народе такие барьеры отсутствуют. И народу, наоборот, нравятся, прежде всего, те из политиков, кто в максимально возможном приближении передают народные настроения. Политики-миротворцы отвергаются народом и воспринимаются им с чувством омерзения и сурового осуждения. Такие политики объявляются не просто слабыми, а предателями, вражескими пособниками. «Бороться до последней капли крови», «Умирать, но не сдаваться» - самые популярные девизы русских. Везде и всюду нужно добиваться побед, не обращая внимания на то, какой ценой они достигаются. И если враг не нападает, то следует наносить упреждающие удары. Подобные подходы характерны для русских не только в отношениях с внешним миром, но и между собой. Русские много говорят о своём миролюбии, громче всех поют «В защиту мира вставайте, люди!», но такого явления, как бои «стенка на стенку» нет больше ни у одного другого народа. Культ грубой силы, агрессивной, перемалывающей жерновами судьбы и жизни людей, издавна процветает на российских просторах. И он проявляется на всех уровнях: от верхов до низов. Проявляется в презрении к слабым и трусам, инвалидам и ветеранам, детям, животным, всем, кто слаб и лишён, в силу каких-то причин, способности эффективно защищаться. Это проявляется в массе всего населения. Россия – чемпион по части восстаний, бунтов, крестьянских войн. Военные бюджеты Советского Союза и современной России, в сравнительных показателях, значительно превосходят расходы других государств. И Сталин, своей последовательной жестокостью, сумел выразить с наибольшей полнотой то, что в народе пользуется особым почитанием, воспринимается как проявление наивысшей доблести и человечности. И хотя в популярной песне конца сороковых годов пелось: «Все мы Сталиным воспитаны», справедливости ради, следует петь, что не он всех воспитал, а мы все воспитали вождя в соответствии со своими душевными запросами и ценностными ориентирами. Такой родной, «свой в доску», вождь не забывается, он становится легендой и живёт в веках, подобно Прометею-освободителю. Такому герою и Бог – не бог. Все его насилия не принимаются в расчёт. Его нерассуждающая, немилосердствующая сила становится главным нравственным началом для всего народа.

О САМОКРИТИЧНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Конечно, в самосознании любого народа прослеживается тенденция к самовозвышению. Тем не менее, существует и некая мера собственного возвеличивания. При этом важно установить, каким уровнем самокритичности обладает нация. Способна ли она признавать за собой

ошибки и дефекты развития? В каких общенациональных недостатках признаются русские, за что себя корят? Нет ли в отдельных их признаниях определённого лукавства?

Как ни странно, в качестве своего основного недостатка русские признают доверчивость. Ту доверчивость, которой, по их мнению, хорошо умеют пользоваться враги русского народа, объединённые в мировом заговоре против России. И большинство других своих недостатков, с которыми они соглашаются, русские рассматривают через призму взаимоотношений с другими народами. С ними надо держать ухо востро. И когда какие-то народы опережают в чём-то русских, то они видят в этом не ум этих народов, а их коварство и хитрость. Отсутствие такой хитрости и выдаётся русскими за свою слабость. Тульский Левша, безусловно, по мнению русских, превосходит любого англичанина в знаниях и умениях, по крайней мере, «и у нас дома своё не хуже есть», но он не может извлечь пользы из того, что знает и умеет. Он простофиля, как и все русские, с позиции национального самосознания. И потому-то хитрые англичане и американцы пользуются тем, что лопухий русский придумал и изготовил. Остаётся лишь одно для достойного ответа – срамить заносчивых англичан, подковывая их блох.

Личность Сталина вполне согласуется с русским национальным самосознанием. Каким народ видит себя, таким он желает видеть и своего лидера. У великого народа и лидер должен быть великим, должен быть такой вождь, кому можно всецело отдать власть над собой. Не важно, кем вождь является на самом деле, пусть даже полнейшим ничтожеством. В представлении русских, считающих себя великими, Сталин был им соразмерен. С ним можно жить и побеждать, первенствовать везде и во всём. Он был русским из русских, и лучшего не пожелаешь. Даже грузинство не помешало, его оказалось в нужную меру. Не будучи миролюбивым человеком, он снискал славу миротворца, и именно при нём русские объявляют такую борьбу за мир, которая в своём логическом завершении не должна была оставить камня на камне в целом мире. Сталин был, как и должны быть все русские, добрейшей души человеком, потому что ежегодно проводил снижение цен на товары первой необходимости, проявлял отеческую заботу о своём народе, даже не спал ночами. И не беда, что этих товаров катастрофическим образом на всех не хватало. Не беда, что значительная часть этого народа была ликвидирована с позорным клеймом «враг народа». Не беда, что хлебородная житница – Украина – вымирала от голода. Не важно, что все богатства страны при жизни вождя были в его полном распоряжении. Запоминается другое: после смерти Сталина в опись его личного имущества попали всего-то два-три костюма, шинель, его знаменитые курительные трубки да с десяток других малозначащих вещей. Никакой недвижимости, никаких банковских счетов! Гол, как сокол. Чего же лучше? В самосознании русских очень многое не сходится с реальностью. И у Сталина – тоже не сходится. Главное – изображать благополучие и превосходство над другими. Худо-бедно, но Сталину это удавалось. И «даже

в области балета мы были впереди планеты всей». Скорое первенство в космосе тоже заслуга вождя, умевшего выжать из народа всё, что ему было нужно. Русский человек, в силу того, что склонен жить больше идеализированным прошлым, чем настоящим и будущим, помнит об этих достижениях, забывая, какой ценой они добывались.

Незрелое самосознание обманчиво. Под вопросом находятся многие приписываемые русскими в свой адрес качества, в том числе и сформулированная Достоевским их всемирная отзывчивость. Вправе ли мы безоговорочно согласиться с великим писателем? Эту формулу он выводит опять же, основываясь на мнении народа о самом себе. Но исключительно по одному самосознанию нельзя судить в целом о нраве нации. Чтобы избежать серьёзных искажений, резонно остановиться и на других системообразующих компонентах национальной психики.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ЛИДЕРА

В чём заключается русский **национальный характер** и как он, собственно, влияет на выбор народом своего лидера и отношение к нему в дальнейшем? Почему русские, прошагав несколько десятилетий по пути к демократии, ныне одержимо рвутся в «светлое» тоталитарное прошлое.

В попытках характеризовать национальное самосознание, мы обязаны учитывать содержание тех мнений и заключений, которые исходят непосредственно из недр самой нации. Но, как мы уже отмечали, самосознание, если его воспринимать буквально, что называется «за чистую монету», истинной этнопсихологической картины не создаёт. Нации склонны, приукрашивая самих себя, преувеличивая собственные достоинства, а то и просто их сочиняя, поставлять в исторические анналы светлые триумфы и героизм и игнорировать тёмные стороны своей прошлой действительности. Ни одна нация на свете, не имеет права называть себя ни святой, ни всемирно отзывчивой. А если это наблюдается, что мы видим на примере русских, то исследователь вправе делать соответствующие выводы. Надо непременно различать, **что** та или иная нация говорит и думает сама о себе и **что** о ней говорят и думают представители других наций. Пытаясь объективно отразить исторически сложившуюся совокупность устойчивых черт какой-то нации, мы в меньшей степени должны ориентироваться на собственное её мнение, на её фольклор, а принимать в первоочередном порядке независимые и многосторонним образом полученные данные. Нельзя самих себя посвящать в святые. Другое дело, когда это делают соседи, как ближние, так и дальние. Хотя ясно, что и мнение соседа ни в коем случае нельзя принимать за «истину в последней инстанции». При всём прочем следует категорически перестать априорно думать о русских, что они образцовый народ, что они лучше всех, выше всех, всех духовней, что у них есть такие природные данные и начала, которых нет ни у какого другого народа. Самовосхваление неминуемо искажает действительность и создаёт

отрицательное впечатление о нации у других народов. Более верный способ судить о нации – исследовать тот вклад, который она внесла в сокровищницу мировых достижений. «Всякое дерево познаётся по плодам», - гласит библейская мудрость. «Доброе дерево приносит добрые плоды, а худое дерево приносит плоды худые».

Предварительно условимся, что под **национальным характером** мы будем понимать исторически сложившуюся общность устойчивых психологических черт нации, особенностей эмоционально-чувственного восприятия ею окружающего мира и форм реакций на него, её отношение к труду, к другим народам и культурам. Условимся придерживаться той широко распространённой точки зрения, что **национальный характер**, выражающийся в чувствах, эмоциях, настроениях, темпераменте, обуславливает способы эмоционально-чувственного освоения людскими массами политической реальности, скорость, содержательную окраску, интенсивность реакций политических субъектов на политические события, формы и методы представления ими своих политических интересов, способы борьбы за их реализацию. При вычленении той или иной черты **национального характера** русских нам, в соответствии с принятыми на себя задачами, потребуются соотносить её с утвердившимся в народе отношением к фигуре Сталина и олицетворяемой им политике. Для достижения наилучшего понимания будем ориентироваться на научное положение, согласно которому **национальный характер** рассматривается в сравнении с базовой структурой отдельной личности. Это очень удобный способ, который позволяет увидеть, как отдельные личностные черты характера доминируют в психологии всей нации в качестве уникальных типов. Есть, к примеру, немало людей, проявляющих устойчивую зависть по отношению к другим людям. Но зависть может быть устойчивой чертой характера как отдельного человека, так и больших групп людей. Если ненависть к богатым свойственна подавляющему числу представителей того или иного народа, то мы вправе отмечать её в качестве одной из черт **национального характера**. Если народ имеет навык бедной жизни и длительно мирится со своим положением, то и в этом случае ссылка на **национальный характер** оказывается вполне оправданной и логичной. В конечном итоге, раскрытие **национального характера** русских позволяет получить ответ на вопросы: «Что они собой представляют как нация?» и «В чём сущность личности русского человека?»

Уяснить особенности конкретного **национального характера** помогает его сравнение с чертами других национальных характеров. Поэтому, характеризуя какой-то один большой народ, следует обращаться к другим крупнейшим нациям современности, стремясь к соблюдению принципа соотносительного анализа. Ясно, что Китай, Испанию и Россию «одним аршином не измерить». Разная история, разные национальные характеры, разное отношение к жизни и, конечно, разные национальные лидеры. Но сравнивать (соотносить) их всё-таки можно и даже необходимо для понимания исследуемого феномена.

Сначала остановимся на краеугольных чертах **русского национального характера**, прибегая к часто применяемому в этнопсихологии сравнению их с чертами западноевропейского национального характера, считающегося, в соответствии со ставшими уже хрестоматийными представлениями, антиподом рассматриваемого явления. Без сомнения, не плод воображения то, что первые московские князья резко противостояли типу христианского средневекового князя-рыцаря. И эта разница объясняется тем, что русский этнотип формировался в рамках отличной от Европы социальной организации, когда и власть, и всё общество, и сообщества, и личность развивались в принципиально отличных друг от друга условиях.

РУССКИЙ МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ТИП

Постараемся, в первую очередь, начертить главную рамку всей мыследеятельности и жизнедеятельности русских людей, используя уже называвшуюся методологию соотносительного анализа. Если западноевропейским народам присуще рационалистическое мышление, то русских характеризует их отчётливо выраженная антирационалистичность. Это очень важно учитывать при восприятии и оценке нацией того или иного политического события или явления и специфических общенациональных реакций на них. Говоря точнее, характерными чертами западной ментальности являются рационализм, упорядоченность, склонность к формальным, чётко очерченным, внешне организованным структурам. «Человек латино-романской культуры, - писал П.Е. Астафьев, - стремится и всегда готов организовать, кристаллизовать в твёрдых, точно определённых формах и экономических различиях и человеческое братство, и любовь, и уважение».

Русское же мышление, по констатации С.Л. Франка, «абсолютно антирационалистично». Антирационализм русских выражается в неподчинении нравственному пределу, норме, в неприятии внешних форм, «органической нелюбви ко всякой законности», равнодушии к благам, результатам своей жизни и деятельности. Одновременно философ отмечает антипатичность русского человека к культуре. По его мнению, «историческая, бытовая непривычка» русских к культуре и «метафизическое отталкивание национального мирозерцания от идеи культуры сплетаются в одно целое и сотрудничают в увековечении низкого культурного уровня всей нашей жизни». Сформулированные Аристотелем правила и категории мышления для русских так и не стали инструментом в их практической жизнедеятельности.

Иррациональное сознание склонно определять истину по критериям регулятивно установленных норм морали, эстетичности, справедливости, долженствования, а то и просто веяний моды, не обращая внимания на частое несовпадение того и другого. В таком сознании обычно используется принцип бивалентности, который эквивалентен принципу исключения третьего и который приводит к фанатическому мышлению. Люди допускают,

что какое-то явление может существовать или не существовать. Вывод же о том, что же есть на самом деле, делается на основании утверждённой начальственной установки – «понятия». Можно в какой-то период допустить, что бог есть, а при изменившихся обстоятельствах - что бога нет. Одними и теми же людьми в одном случае, утверждается, что бог должен быть, а в другом – его не должно быть. «Должен» и «есть» сливаются воедино и принимаются за истину, не подвергаемую логической сверке, анализу и рефлексии. Таким образом, в системе иррационального мышления истиной признаётся то, на что имеется руководящее указание или господствующее на данный момент представление. Потому у людей с таким мышлением сегодня бог может быть, потому что он должен быть, а завтра его может не быть, потому что его не должно быть. Большинство всегда право. Партия велела, комсомол ответил: «Есть!». Лишённое рационального зерна мировоззрение легко изменяется под воздействием внешних обстоятельств. Русского человека легко уговорить на что угодно. Люди могут учиться высшей математике, физике, биологии и началам генетики, теории относительности, политэкономии, психологии, физиологии высшей нервной деятельности, основам государства и права... Но в одном случае, при соответствующей идеологии, они будут заявлять, что бог есть, а в другом, при тех же самых знаниях, но при иной идеологии утверждать, что бога нет, поскольку для людей с иррациональным мышлением для составления мировоззренческих заключений решающее значение имеют не знания, а соблюдение принципа долженствования, принципа равенства на массу, на введённые для всех регулятивы.

Антирационализм русских нашёл яркое выражение в их устном народном творчестве. Образ дурака, столь типичный в народных сказках, олицетворяет вызов твёрдому расчёту. Дурак, по замечанию Е. Трубецкого, является любимым сказочным героем именно потому, что в человеческий ум он не верит. Его поступки противоречат житейским расчётам, на первый взгляд кажутся глупыми, но в конечном итоге именно дебильный Емеля или простодушный Иванушка-дурачок оказываются счастливее своих братьев, действовавших расчётливо, продуманно, хладнокровно, спланировано. К почитаемому типу «дурака» очень близки и всякого рода юродивые и бесноватые, к которым на Руси издревле привыкли относиться как к глашатаям божественных откровений. Кроме того, как выясняется, дураками проще управлять, и они не представляют существенной угрозы установленному порядку. В случае чего от них легко избавиться.

Люди иррационального склада первостепенно руководствуются в жизни эмоциями, подвержены страстям, и менее всего действуют по рассудку. Таких людей легко спланировать в различные коллективы и ими легко манипулировать. Булат Окуджава пел: «Дураки обожают собираться в стаю, Впереди – главный во всей красе». Иррационалы живо откликаются на всякие модные идеи и посулы, исходящие от авторитетных лиц. При обыкновенно формальной принадлежности к монотеизму, религиозность иррационального человека характеризуется конгломерацией богов и лёгкой

их заменяемостью. По этой части Россия является абсолютным чемпионом. И верно замечено, что именно для таких людей религия существует как «опиум для народа». Иррационализм русских с яркой очевидностью выражается в их приверженности именно к православию, религиозному течению, предоставляющему широкий простор веры во всякого рода нелепости и глупости, ориентированному на соборные, примитивно-архаичные формы социального устройства, на буквальное толкование новозаветной формулы: «нести бо власти аще не от бога, сущие же власти от бога учинены». В то же время, русский человек, не задумываясь, легко отказывается от этого правила и встаёт на путь бунтов против власти, когда власть теряет свою карающую силу. Рабская покорность в сочетании с потенцией к бунтам и погромам ещё одно свидетельство в пользу заключения об иррациональности мышления русских людей. Непредсказуемость их реакций подтверждается массой фактов и примерами из художественных произведений. В своих поступках русский человек руководствуется не умом, а сердцем. Разумное поведение не приветствуется в народе и служит у него предметом жестокого осуждения. Рациональный управленец в условиях господства иррационального мышления обречён на провал.

Иррациональные люди не склонны различать и согласовывать обязательные созидательные категории, употребляемые в ходе принятия крупных решений (например, категории цели, ограничений, средств и критериев). Они затрудняются рассчитать меру – прикинуть в уме «вес» разных явлений, масштаб проблемы и наличие ресурсов для её решения. Им свойственно переплетение разных форм сознания (например, научной с религиозной), что ведёт к непродуктивной эклектике, зависимости от закреплённых суеверий, к подрыву обоих главных способов освоения мира, неустойчивости мировоззренческих позиций. Советизм советского человека совсем не обязательно заключал в себе веру в советские принципы и так называемые «светлые идеалы коммунизма». Со временем достаточным становится пассивное, ритуализированное одобрение им существующего политического диктата.

Все важные дела иррациональными людьми, собранными в большие коллективы, решаются отчасти стихийными настроениями толпы, подстрекаемой активными вожаками, либо с привлечением армейских сил, всегда имевших в России огромный вес и решающее значение в политической жизни страны. У русских принято считать, что, чем больше людей будет привлечено к той или иной задаче, тем будет больше гарантий её успешного разрешения. Лозунг «Массы решают всё» рождается как раз в системе антирационалистического подхода к разрешению гражданских задач. Что не сделает один, выполнят двое – трое. Но если этот принцип оправдан и приемлем для переноски бревна из одного угла в другой, то для решения задач интеллектуального свойства он, чаще всего, не только не срабатывает, но и становится существенной помехой в деле, а, скорее всего, – непреодолимым барьером. Доведённый до абсурда, коллективизм, когда

нужно собираться просто так, становится для русских самоценностью. Никакими ссылками на евангельскую мудрость «Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» русская соборность не оправдывается. Она имеет смысл, когда люди собираются во имя исповедуемого ими Бога, а не для выполнения конкретных дел. Но толпа оказывается нужна для демонстрации единения масс и, вместе с этим, она создаёт у людей иллюзию причастности к созидательным процессам, демократичности общественных отношений. Как же! Ведь «мой голос вливается в голос моей республики». Память подсказывает человеку, что он был участником грандиозных свершений, и вызывает у него сочувствие к исчезнувшему режиму. Штамповое представление о том, что вождь постоянно советовался с народом, оказалось закреплённым в национальном иррациональном сознании на долгие годы с той лишь разницей, что вождь неизменно оказывался в своём безумии изощрённее толпы. И надо отметить, что данный штамп не лишён определённого смысла. Безумный вождь шёл на поводу у безумной толпы, как и безумная толпа шла на поводу у безумного вождя. Порочный круг. Другое дело, если бы в стране существовали демократические институты, когда власть вынужденно советуется с народом на индивидуальном уровне, а не сразу со всей толпой, индуцированной вброшенной в неё идеей. Мнения же отдельного человека в России, тем более России советской, никогда не было принято спрашивать. Если русский человек что-то и как-то выражал, то только в толпе, мышление которой носит преимущественно иррационалистический характер. Толпе не свойственны милующие альтернативы. Её доминирующий императив можно выразить одним словом: «Распни!» Сталин и толпа в этом сходились как нельзя теснее.

Признание русских нацией антирациональной по своему мыслительному складу уже само по себе во многом объясняет тот факт, что Сталин, как очевидный виновник миллионов жертв народа, этим же самым народом воспринимается как наиболее гуманная и плодотворная личность во всей российской истории. Иррациональный ум не затрудняет себя охватом всего события. Ему одинаково чужды как анализ действительности, так и вынесение обобщающих суждений. Русский человек удерживает в памяти лишь те из трансформированных особым образом фактов, которые получили положительную эмоциональную подпитку, вошли в национальное сознание как свидетельские доминанты величия русского народа. Двумя наиболее значительными примерами таких, во многом мифологизированных доминант, безусловно, являются индустриализация страны и победа в войне с гитлеровской Германией. Эти два исторических события в сознании народа прочно связаны с именем вождя, его исключительными личными заслугами. Мощная государственная машина обрабатывала народное сознание, акцентируя внимание на победах. То, что многие из них следует считать пирровыми ввиду неисчислимости людских жертв, народ в расчёт не принимал и, по сути, не принимает и сейчас. Народ был готов отказать себе во многом в эмоциональном порыве, но он не мог позволить себе единственного - запятнать имя дорогого и любимого вождя. Так и на

личностном уровне происходит. Большая любовь носит жертвенный и оправдательный характер. Люди склонны не замечать дефектов, имеющих у их любимых. И это характерно для людей иррационального психического склада. Здравомыслящим людям ясно, что со смертью Сталина жизнь в России и Центральной Европе улучшилась. Люди же иррационального мышления, какими и являются русские, думают по-другому. И переубедить их в этом практически невозможно.

Сталин приобрёл в массовом сознании русских сакральный образ. И его оценка массами лишена рациональных оснований. Сталин в глазах русских – одновременно и субъект и объект веры. Он – то же, что и чудотворная икона в храме. Отношение к нему строится по принципу: «Верую, ибо это абсурдно». Глубоко верующий человек оправдывает любые действия освящённого лица или предмета, в которые он верит. Он никогда не согласится с тем, что бог когда-нибудь мог поступить неверно. Грубую ошибку совершают те из атеистов, кто пытается вести атеистическую пропаганду на основе рационального анализа действий Иеговы, описанных в Ветхом Завете. Любые ссылки атеиста, придерживающегося рациональных позиций, на то, что Господь в своей ветхозаветной истории действовал жестоко, непоследовательно и неразумно, будут стойко и решительно отвергаться верующими, стоящими на иррациональных позициях. Согласование этих позиций невозможно. Речь может идти только об уступках, необходимых для обеспечения взаимного существования. Акцент на одном из подходов может лишь катализировать агрессивные чувства той или иной стороны. Попробуйте внушить верующему человеку, что библейский Бог проявил неоправданную жестокость в отношении городов Гоморра и Содом, а уж тем более, когда подверг всю планету губительному потопу. Глубоко верующие люди - ни евреи, ни христиане, ни мусульмане – никогда с вами не согласятся и приведут множество аргументов в оправдание Бога. То же самое мы наблюдаем, когда ссылаемся на жертвы сталинского режима. Обожествлённый Сталин оказывается вне какого-либо разумного анализа совершённых им действий. «Бог поругаем не бывает». В крайнем случае, вину за него принимают другие лица (сатана, враги, предатели). Что же тут удивительного! Ведь даже среди учеников Иисуса Христа нашлись отступники от его учения. По «сердечным» убеждениям сталинистов, если в сталинское время и случались несправедливые жертвы, то отнюдь не по вине изначально непогрешимого вождя и учителя. На нём не было и не могло быть принципиально никакого греха. По крайней мере, не будь Сталина, этих жертв, по их мнению, могло быть гораздо больше. Ностальгическое отношение народа к фигуре вождя снимает с него всякую ответственность за любые кровавые безумия. Сталин – бог. И этим многое сказано.

Иррационализм русских делает крайне затруднительными попытки историков, психологов, других учёных-специалистов дать адекватную характеристику личности Сталина и оценку его роли в мировой истории. Любое исследование, посвящённое Сталину, если оно построено на научных, рационалистических основаниях, встречает мощное неприятие со

стороны массового сознания русских, отличающегося непоследовательностью и склонностью оценивать действительность с преимущественным подключением чувственных, подсознательных механизмов психики. Недостаток фактической аргументации в защиту Сталина с лихвой компенсируется фантастическими, и даже мистическими умозаключениями, а при слабости воображения апологетов - откровенной ложью, оправдывающейся тем, что в представлениях приверженцев Сталина он был Мессией, а не обыкновенным земным человеком, какими мы все другие являемся. Мессии же разрешается творить всё, что угодно. Да и не приходит мессия сам по себе и неожиданно. Его появление обуславливается ожиданиями, широко распространёнными в массах. Массы, выражаясь современным языком, легитимизируют действия Мессии, позволяя ему сотворить государство и ассоциировать себя с этим государством, в котором безнравственность и антигуманизм становятся нормой. Но с другой стороны, эта же самая бесчеловечность становится тем моральным эталоном, который массы принимают и с которым они соглашаются. Уникальность Сталина и его оправдание произрастают из признания русскими себя самобытным народом и потому имеющим право действовать исходя исключительно из своих интересов. Готовивший революцию Ленин признавал претензии русских на исключительность как национальный недостаток. Но в ходе государственного строительства потребовалось вновь говорить о самобытности русских и их особой миссии на планете.

Продолжая сравнивать особенности психологии русских и западноевропейцев, следует обратить внимание на характер восприятия теми и другими действительности. В отличие от своих западных соседей русским свойственно недифференцированное восприятие мира, характеризующееся целостным охватом объектов, неприятием плюралистической картины мирового устройства. Остановимся на этом подробнее.

В последнее время в политической сфере утвердился термин о многополярном мире. Политическая Россия сегодня является как раз сторонницей идеи, скрывающейся за этим понятием. Смысл её заключается в противодействии Западу, и в большей степени Штатам, которые, по мнению сторонников данной идеи, делают всё возможное, чтобы навязать миру свои принципы жизнеустройства. Не в силах оказывать достойную конкуренцию западной цивилизации в борьбе за мировое влияние сегодняшняя политическая элита России заявляет о том, что мир не должен строиться по однополярной схеме, ориентируясь исключительно на западные модели. И с этим можно было бы согласиться, если ещё недавно сама Россия в лице Советского Союза, будучи уверенной в своих силах, не выступала яростной сторонницей двуполярности политического устройства. И такой политический взгляд в большей степени соответствует национальному складу русских, склонных делить человечество на два строго разделённых лагеря. Принцип деления предельно прост: наши – не наши. Друзья – враги. Красные – белые. «И тот, кто сегодня поёт не с нами, тот против нас».

Эти особенности массового мышления и мировосприятия нашли выражение в политике государства «рабочих и крестьян», безоговорочно поддержанной советским народом. Мысль о том, что жить приходится среди врагов, постоянно владела миллионами простых русских, объединяла их. Население земного шара в массовом сознании русского делилось на два непримиримых между собой политических лагеря – социалистический и капиталистический, между которыми должна происходить жестокая борьба за существование. Высшей формацией, естественно, признавалась коммунистическая система общественного устройства. В конечном итоге она и должна была одержать победу над капитализмом. Иная картина русскому человеку и не представлялась. О том, что у народов могут быть какие-то иные, оригинальные пути развития, никогда не было и речи. Марксистско-ленинская теория классового развития, дополненная сталинской практикой коммунистического строительства, говорила о том, что человечеству уготован лишь один путь, конечной точкой которого должен быть коммунистический рай. Не сегодня-завтра все народы неминуемо придут к коммунизму. Кто-то - раньше, кто-то – позже. Но зачем ждать завтра, когда процесс можно ускорить. Ускорение происходило с помощью не слишком хитроумного сталинского инструментария - подрывной работы в странах, проявляющих нежелание развиваться «прогрессивно». Огромные средства тратились Кремлём на поддержку во всех странах мира коммунистических партий, призванных ускорять процессы загнивания капитализма и его трансформации в коммунизм. И бедствовавший русский народ не возражал против громадных валютных ассигнований на содержание этих партий и в несравненно более зажиточных США, и в Англии, и во Франции, а, собственно говоря, во всех больших и малых странах, за малым исключением, когда правящие режимы отдельных стран (Турция, Греция, Индонезия) пресекали у себя политическую деятельность коммунистов. Но в основном сталинские миссионеры действовали широко и легально, а где-то под их руководством велись при переменных успехах кровопролитные войны с «прогнившими» режимами. Обманывался не только народ, но с ним и сами вожди. Побывавший с визитом в Швеции Никита Хрущёв был несказанно удивлён и обескуражен высоким жизненным уровнем жителей северного королевства. То, что он увидел, намного превосходило его личные представления о будущем коммунизме, окончательное построение которого в Советском Союзе он запланировал на начало восьмидесятых годов XX-го века.

Со скрипом и драматически произошедшая ликвидация железного занавеса, воздвигнутого усилиями обеих сторон, как восточной, так и западной, позволила вооружиться более разносторонними представлениями о мире. Однако русские упорно предпочитали сохранять те представления, что закрепились в их сознании со сталинской эры. Возникшие чуть позже попытки самой Партии, заигрывавшей с народом, ознакомить советских людей с плюралистическими моделями взаимодействия с действительностью не встретили у них широкого одобрения. А само слово

«плюрализм» воспринималось в народе в лучшем случае насмешливо, а то и враждебно. В плюрализме, в толерантности усматривалось стремление коварного врага (а какими ещё бывают империалисты) притупить бдительность советского народа и склонить его к согласию с западным образом жизни.

Такой взгляд оправдывал в представлениях русских существование однопартийной системы. Если КПСС сосредоточивает в себе всю полноту знания и истины, то с какой стати нужно ещё создавать какие-то партии, наличие которых будет только лишней обузой государственному бюджету? Зачем «разуму и совести эпохи» вступать в спор с самим собой? Нет необходимости и в проведении каких-либо выборов власти. По убеждению русских, они лишь неизбежный, не столько деловой, сколько игровой и праздничный, ритуал одобрения тех, у кого в руках эта власть находится, свидетельство нерушимого единства Партии и советского народа. Общая утеха по правилам игры в кошки-мышки с заранее известным исходом. Кого Партия назначит, за того и проголосуем. Ни о какой легитимной смене руководителей и речи не велось. Их власть нерушима. Не зря за ритуалом советских выборов закрепился соответствующий им содержательно термин «голосование». А как ещё точнее можно назвать выборы без выбора? Голосование – это правильно. Голосование – это хорошо. Придя на так называемый избирательный участок, можно было чем-то поживиться из продуктов питания или ширпотреба, чего в обычной жизни, как правило, не удавалось. А тут Партия мало, но что-то подбрасывала. И эту, даже крохотную малость, народ принимал за щедрый партийный дар.

Порой даже соглашаясь с тем, что в функционировании партийного механизма накопилось много недостатков, люди, тем не менее, не видели смысла в многопартийности. Они готовы были согласиться и с ликвидацией компартии, но при том условии, что на её место встанет более надёжный и могучий рулевой, способный вновь вести за собой сплочённые воедино массы, так же, как это когда-то делали «озарённые сталинским гением» большевистские кормчие. В итоге дело к этому и идёт. Государство создало под себя новую «общенародную» партию «Единая Россия», которая, по существу, является организационной копией КПСС и нацелена на реализацию одной заветной задачи – обеспечивать единообразие социальных интересов и преданность народа генеральному государственному курсу. Источники различий подвергаются беспощадному уничтожению. Государство предпочло скопировать прежнюю управленческую модель, проявив, как сегодня говорят административный ресурс. Многопартийность, о которой мечтали либералы, оказалась загубленной в самом зародыше. И опять, в народе эти действия государства, действовавшего исключительно в интересах бюрократии, не получили должного отпора. Государство бюрократов, несколько пошатнувшееся в период нахождения у власти Бориса Ельцина, воспользовалось тем, что общество категорически отказалось признавать внутри себя многообразие (плюрализм) интересов, и вновь по исторически печальной традиции взяло на себя все управленческие

функции. Высоко разыгравшись, волна демократии, разлетелась мелкими брызгами по гранитным бастионам выстроенной вертикали власти. Остались же, как всегда, неудовлетворённые чаяния. И упование на мудрых, справедливых вождей сталинского типа, которые смогут обеспечить процветание родины и её передовые позиции в мире. Никакая демократия при этом не предусматривается. Отвергаются либеральные ценности и концепция прав человека. Произошёл фактический отказ от провозглашённых поначалу Горбачёвым и поддержанных Ельциным выборов власти, заменённых прекрасно срежиссированными шоу единства партии и народа, существовавшими в коммунистическую эпоху. Слова «демократия», «свобода», «гуманизм», «толерантность» в бытовом употреблении у русских приобрели отрицательное лексическое значение. Их использование в разговоре сопровождается не иначе как экспрессией раздражения и брани. Демократия, как таковая, получила обвинение не только в развале страны, но и во всех негативных сторонах новой жизни. И сегодня, по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), 70% населения России вообще не готовы воспринимать либеральные и демократические ценности. Те же, кто склонен придерживаться демократических взглядов, характеризуются в народе не иначе как чужеродные элементы, «засланные казачки». Правозащитники заняли привычное для себя место изгоев общества, тех же самых диссидентов, известных нам по советской эпохе. Приходится констатировать очередное поражение рефлектирующих либералов. Героическая правозащитная деятельность таких фигур нашей отечественной истории как Даниэль, Синявский, Солженицын, Сахаров, Людмила Алексеева, Анна Политковская, Галина Старовойтова, Ирина Хакамада не заслужила народного признания. «Вы всегда плюёте люди в тех, кто хочет вам добра».

Сталину удалось на базе национального иррационализма создать в своих интересах такую реальность, которая русскими оценивалась положительно вопреки тому, что им приходилось видеть собственными глазами, что они чувствовали, что узнавали. Люди привыкали и привыкли жить, не веря своим глазам и ушам, считая за великое счастье одно то, что они живут в первой стране победившего социализма, что они являются собственниками, ресурсодержателями несметных богатств России. И не беда, что от этой победы на их головы сыпались одна беда за одной. Свойственным русскому человеку искажениям действительности кремлёвский владыка сумел придать характер тотальности, всеохватности, культовости, магизма, безумия, отказа от остатков здравого смысла, фанатизма, красиво называемого «энтузиазмом». При отсутствии элементарных свобод советские люди с искренней уверенностью пели: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Или: «Создан наш мир на славу, за годы сделаны дела столетий». «Всё хорошо, прекрасная маркиза!», - иронизировал народный артист Утёсов. В представлениях большинства оно так было ещё и потому, что сравнивать окружающую действительность с чем-то ещё не представлялось возможным. Собственное, закрытое видение мира, не

позволяло русским развивать свои сравнительные способности. «Советский человек» был положительной мерой всего сущего на планете. Других мер ему не дано было знать. Сегодня ретроспективно эта установка оказалась нарушенной, что вызывает глубокую фрустрацию в народе: «Как было хорошо раньше! Мы жили лучше всех!» В результате появляется и растёт ощущение витальной катастрофы.

«МЫ» И «ОНИ»

В восприятии действительности русским свойственно проводить жёсткую границу между собой и остальным миром. Иллюстративным выражением этого противостояния может служить социально-психологическая оппозиционная пара, выражаемая местоимениями «мы» и «они». В ней просматриваются атрибуты интолерантности, конфронтационности и конфликтогенности, проявляемые русскими в различных системах взаимодействия как внутри своего этноса, так и вне его пределов. Под понятием «они» в сознании русских присутствуют обширные людские сообщества (государства, нации, политические силы, религии), которые или активно, или потенциально настроены против России. Можно сказать, что «они» рассматриваются как не просто «другие», но как «чужие». Противопоставление «нас» и «их» в действительности отождествляется с антагонизмом «своих» и «чужих». «Они» - это разнообразное множество, не исключая и самих русских, поскольку и среди них образуются группы, не соответствующие народному понятию «русский человек» (предатели, диссиденты, враги народа, паразитирующие элементы и другие категории российского населения). Такое отношение к окружающему миру напоминает, в индивидуальном плане, состояние человека, одержимого бредом отношения, временами переходящего в манию преследования. Большинство русских уверено в том, что вся окружающая действительность имеет непосредственное враждебное отношение к ним. Поведение всех других народов, по их убеждениям, обуславливается особым, совершенно беспрецедентным, отношением к русским и к России, как государству: «Весь мир о нашей гибели судачит; Москве погибель вся земля пророчит». К этим установкам присоединяются сходные так же с бредом акцентуации на переживание нанесённого русским ущерба со стороны других народов. Русские уверенно полагают, что их постоянно кто-то обворовывает, обманывает, одурачивает, поступает по отношению к ним несправедливо. Эти «кто-то» и входят в первую очередь в категорию «они». Если последовательно анализировать ситуацию, «они» - это те, кто против «нас», кто с «нами» постоянно воюет, кто живёт по не принятым у «нас» правилам и понятиям. «Они» занимают важнейшее место в сознании русских, поддерживают у них специфический тип антагонистического мышления, удачно, на наш взгляд, названный профессором Галиной Зверевой «фронтным». «Они» не всегда называются, но всегда подразумеваются. «Они» у русских – важнейший элемент общенационального мышления, на котором строится восприятие всего бытийного пространства, формируются

социальные институты, отношение к власти, обществу, сообществам, личности. «Они» выражают позицию войны, рефлекторную систему реагирования в условиях вечной конфронтации с миром. Укоренённая в сознании оппозиционность по отношению ко всему миру, выражаемая с помощью резко противопоставленных друг другу «мы» и «они», представляет собой пример классической этнической ксенофобии, указание на собственную исключительность в любой социальной ситуации и комбинации. Она представляет собой основу национализма как политического движения, когда слово «национальность» предполагает определённо расистскую версию национализма. Широкое употребление русскими местоимений «мы» и «они» при восприятии окружающей действительности со временем приобрело анафорический (подчёркнуто доминантный) характер. «Мы» и «они» присутствуют постоянно при оценке русскими той или иной бытовой, а тем более, политической обстановки, при выражении ими патриотических чувств, умонастроений. При этом патриотизм русских выстраивается также преимущественно по ксенофобским признакам, свойственных одновременно как воинствующему, так и сходному с ним оборонному мышлению. «Они» - это обобщённое понятие, семантически заменяющее и указывающее на полнозначное слово «враги». В самом обобщённом смысле «они» - это всё то, что не является Россией, русскими и русским. «Блаженны мы и духом нищи...но мир наследуем иной». Вместе с тем, широко указанная оппозиция не может не носить признаков дисперсии. Нельзя одновременно находиться со всеми в ссоре, хотя бы из тактических соображений. «Они» присутствуют везде и всюду и в зависимости от сложившихся условий приобретают конкретное значение. Враги («они») – всюду. Врагов надо только своевременно дифференцировать, разоблачать и давать их «проискам» должный отпор, не отказываясь от союзнических связей даже с заклятыми врагами, в зависимости от политического момента. Так, оказавшись в тяжелейшем положении во время Второй мировой войны, Сталин обращается за помощью к Штатам и Англии, хотя эти страны всегда воспринимались режимом как главные и непримиримые враги Советского Союза. Среди русских довольно прочно утвердилась точка зрения, согласно которой Россия не имеет друзей и, в лучшем случае, может располагать, исходя из тактических соображений, только временными, отнюдь не постоянными, союзниками. В постоянных союзниках у России, по выражению Александра III, только её Армия и Флот. «Холодная война», «железный занавес», «осаждённая крепость», «круговая оборона» - это те понятия, которые для русского человека всегда были родными и близкими по своему духу, хотя сами русские, сказать по справедливости, не всегда были их изобретателями.

Язык войны, безусловно, меняется, как и всё в этом мире. «Ветшают как платье» сочинённые и взятые на вооружение клише и паттерны. Но не вылеченное воинствующее мышление полностью не исчезает, прочно удерживается в коллективной психике и руководит массовым сознанием. Неотрефлексированный должным образом значимый жизненный процесс

служит питательной средой для всякого рода отклонений психики, как на личностном, так и на социальном уровне. Считается, что, одержав победу во Второй мировой войне, российский народ был оттеснён от неё. Плоды победы достались государству и лично генералиссимусу. «Войну для народа выиграл товарищ Сталин». Народу же достались одни переживания. С точки зрения одной из ведущих школ современной психологии, российское население так и не смогло завершить гештальт войны, не получило положенного «трофея», символического справедливого раздела власти, свобод, материальных и культурных репараций. Победив чужеземных извергов, оно сразу же оказалось под «своим» игом. Фрустрация обиды по поводу несправедливого распределения победных плодов окопалась в глубинных структурах психики русских. Желаемого разрыва, то есть снятия проблем, возникших в контексте военных событий и громадных жертв, понесённых в их ходе, у русских не произошло. Война, как устойчивое целостное и многообразное состояние, для них не закончилась и продолжает жить в их сознании латентно. Не случилось и формирования новой семиотики и изменения мировоззренческих подходов в силу особых условий сталинского режима. Великая Отечественная война, подаваемая до сих пор как сочинённый при Сталине к его выгоде миф, генеральным образом управляет самосознанием русских, продолжая оказывать мощное воздействие на их общенациональный характер. Война сопутствует жизни русского человека как непрекращающаяся песнь из новой Илиады, как вечная Троя. Моральные травмы, полученные в результате войны и усугублённые дальнейшими печалью, сохраняют в сознании русских неизгладимую боль, которую они, за неимением других средств её снятия, лечат крепким алкоголем. Именно после окончания войны в России наблюдался невиданный всплеск пьянства. Да и как тут не запить, придя к разбитому порогу с одной лишь ценностью - медалью «за город Будапешт»? «И пил солдат из медной кружки вино с печалью пополам».

Русским порой кажется, что они победили войну, но, в то же время, они неустанно, вновь и вновь, повторяют одну и ту же горестную фразу: «Лишь бы не было войны». Смысл её заключается в однозначном оправдании любых жизненных недостатков боязнью возникновения каких-либо военных событий. Диктатура власти, по убеждённости русских, является наилучшим способом противостояния военной угрозе. В то же время, «внутренняя» война, живущая всегда в русских готовности воевать по поводу и без повода ими не замечаются. Общее чувство, выражающееся в приведённом словесном конструкте и положенное в основу всей гражданской жизни русских, само собой снимает вопросы о построении в России «гражданского общества». Какие граждане, какое гражданское общество, если – ВОЙНА?! Если люди больны ВОЙНОЙ?! Карма русской истории предопределяет ожидание страшного апокалипсического выхода. Освобождение русской души видится в очищающей огненной гибели, в новом всемирном Армагеддоне. Выигранная, но не оплаченная война ждёт в сознании русских

своего исторического момента. Так или иначе, но вопрос о том, «хотят ли русские войны», пока ещё не получил исчерпывающе точного ответа.

Люди с милитаризованным сознанием невольно начинают думать, что все они должны носить военные погоны и в соответствии со звёздами на них выполнять те или иные фронтовые функции. Ареной сражений может стать любое обитаемое пространство, начиная, наверно, уже с детского садика. Никакого исключения не делается даже для членов своей семьи. Потому-то семьи у русских легко разрушаются. Жена командует мужем, а муж – женой. В зависимости от того, кто боевитей. Войны до победного конца у русских – норма их внутрисемейных отношений. Статистические данные свидетельствуют о том, что Россия занимает пальму первенства по числу разводов. Жёны и мужья в России – это два непримиримых лагеря, разделённые в отношениях друг с другом на «мы» и «они». И хотя среди русских принято говорить, что «муж и жена – одна сатана», войны между супругами носят жесточайший характер. Развод, как его ни рассматривай, – это жизненная неудача. А в любой личной неудаче люди склонны видеть некую внешнюю причину. И если число неудачников вырастает, то делается вывод об общем беспорядке в жизни. И если при Сталине разводов было меньше, – что соответствует действительности – то напрашивается простой вывод: при коммунистическом лидере институт семьи ценился много выше, чем при других российских руководителях. Да и то верно: государство держалось за семью, очень часто сохраняя её принудительным способом. Брак не рассматривался как личное дело двух людей. Семья служила опорой тоталитарному государству. Для членов партии развод был чреват крайне неприятными последствиями: за него, по обыкновению, лишали партийных билетов. А что это такое – говорить не приходится. При этом и без того тяжёлая жизнь дополнительно рождала трудно разрешимые вопросы, ощущение полной безнадёжности: где жить, алименты, моральное осуждение соседей и сослуживцев, в лучшем случае – приостановку карьерного роста работника, если, конечно, ему удавалось сохранить работу.

*

Некоторые человековеды настаивают на том, что ни один народ никогда не бывает един, а состоит из несколько групп, мыслящих и чувствующих по-разному. Тем не менее, у русских, относящихся к разным социальным группам, очень часто возникают содержательно сходные диалоги, почти как под копирку:

- Почему они нас не любят?

- Кто «они»?

- Да весь мир!

- Так почему же?

- Да потому что мы – большие и сильные. Мы никогда не были ничьей колонией. А большим, сильным и свободным обязательно завидуют. Так что не любить большую, сильную и свобододлюбивую страну всегда поводы найдутся.

- Какие же, например?

Далее перечисляются все те обиды, которые эти многочисленные «они» таят, как камень за пазухой, против русских.

Какую страну, какой народ ни взять, то у них всегда, как считают русские, обнаруживается обида в адрес России. И не только обида, а стремление за неё отомстить.

Враг номер один – Америка. Она сильнее всех обижается на Россию. Отношение русских к Штатам заслуживает особого разговора, и мы отведём ему в дальнейшем подобающее место. Пока же отметим, что, по господствующему среди русских мнению, Америка обижена на Россию, в первую очередь за то, что именно Россия мешает американцам установить свой миропорядок на планете. Кроме того, американцы злятся на несметные российские богатства. Русские, естественно, не соглашаются с «воротилами мирового бизнеса», за что и не пользуются у них любовью, что тоже представляется вполне естественным и не требующим дополнительных объяснений.

Но и другие народы, по твёрдому убеждению русских, находят причины не только не любить, но и люто ненавидеть их родину и всё её население.

Германия не любит русских за своё поражение от них в 1945 году.

Франция не может простить 1812 года.

Англия не принимает Россию, потому что англичане глядят в рот американцев и не хотят смириться с тем, что русские не признают Права Человека и другие свободы.

Страны карлики, типа Грузии, завидуют громадной территории России.

Вся восточная Балтия не спит и проклинает русских за оккупацию.

Финляндия не может согласиться с отвоёванными у неё землями за так называемой оборонной линией Маннергейма.

Украина помнит устроенный ей Москвой голодомор.

Израиль и евреи не любят русских за бытовой антисемитизм, погромы и сочинение «протокола сионских мудрецов».

Южная Корея таит зло на русских за сбитый «Боинг».

Арабы обижены на Россию за Афганистан и Чечню.

Шведы не могут забыть свой позор под Полтавой.

Китайцы ждут удобного случая присоединить к себе Сибирь и Дальний Восток.

Япония с нетерпением мечтает о возвращении ей Курил и половины Сахалина.

Венгры, чехи и словаки спят и помнят, как жестоко Кремль расправился с их восстаниями.

Польша имеет целый комплекс обид по отношению к русским, а официальное заявление России о прямой ответственности советских спецслужб и лично товарища Сталина за казнь польских военных и гибель президентского авиалайнера только добавили масла в огонь. «Мы, простаки-дураки тянемся к полякам с братскими объятьями, а нам - по морде...»

И даже фанатичные итальяшки припоминают, что русские нет-нет, но всё-таки обыгрывали их в любимый футбол, за что тоже глубоко обиделись на всю Россию.

Ну и так далее и так далее.

В самом общем значении эти высказывания сводятся к тому, что «они» (весь остальной мир без исключения) ненавидят Россию, не ценят её, мечтают унижить каждого русского человека, подорвать её внутреннее устройство и единство. «Россию не любят и не уважают, хотя вся Европа питается нашим газом». За этим обычно следуют утверждения подобного рода: «А нам и не надо, чтобы нас любили. Пусть боятся! Если мы будем экономически сильными, «они» перед нами ползать будут». И если немцы, испытывая чувство национальной вины за гитлеризм, во всеуслышание заявляют, что им хочется, чтобы мир снова полюбил их и признал полезными, то русские с упорством, достойным лучшего применения, размышляют о том, как и чем ещё можно уstrasшить человечество. В отличие от немцев, проявляющих страх перед возвратом шовинизма и делающих всё, чтобы избежать его, русские мечтают о возвращении себе роли «старшего брата». Мировая симфония должна складываться непременно по партитурам Москвы и исполняться под руководством русских дирижёров. Таким дирижёром и одновременно первой скрипкой общемирового оркестра, по мнению русских, как раз и был кремлёвский насельник. Равного Сталину исполнителя после его смерти земля русская ещё не родила. И это не может не угнетать сознание русского человека. Отсутствие в руководстве страны фигуры, хотя бы сколько-нибудь сравнимой со Сталиным в противопоставленности миру, является для народа большим вопросом. В генетической памяти народа в первозданной свежести сохраняются штампы и стереотипы, служившие Сталину основой его государственных отношений с миром.

Товарищу Сталину не составило большого труда убедить советских людей в том, что классы «эксплуататоров», пока они существуют, будут проводить подрывную политику в отношении первого социалистического государства: «Вредители есть и будут, пока есть у нас классы, пока имеется капиталистическое окружение», - говорил вождь, и народ ему свято верил. «Мы так вам верили, товарищ Сталин, как может быть, не верили себе», - писал поэт и был недалёк от истины. Большинство русского народа с радостью и вполне осознанно шло за вождём. Народ даже готов был к ужесточению принимаемых мер и выступал с их требованиями. Каждый надеялся, что он сам не попадёт под всепожирающий молох. Поэтесса Ольга Берггольц публично высказывает сожаление по поводу того, что к членам осуждённой в тридцатых годах мифической Промпартии не была принята высшая мера наказания. Такая критика в адрес руководства страны и лично первого его лица не возбуждалась. На фоне общенародного гнева и возмущения личность вождя обретала ореол доброты и снисходительности. И сегодня люди во многом руководствуются «мудрыми» словами вождя и

его пророческими предначертаниями. Те же, кто мыслит иначе, считаются в народе пособниками империализма, предателями и отщепенцами.

*

Как следует из установок народного сознания, «они» делают всё возможное, чтобы уничтожить Россию. Для русского, чтобы понять Россию и стать её пламенным патриотом, нужно в первую очередь уяснить, кто её враги. Не уяснив этого, русский теряет право называться русским. Так кто же эти «они»? Их - легион! Но в первую колонну выстраиваются: Антанта, Пентагон, ЦРУ, масоны всех мастей, сионизм, «одно из коварнейших мест на матушке нашей, на Земле,» - Ватикан, правозащитники, демократы, НАТО, ЕС, Пятая колонна, вожди-предатели, «вшивые» интеллигенты, Гаагский трибунал, все католики, глобалисты, ООН, «акулы пера» - журналисты. Сюда можно добавить лиц нетрадиционной сексуальной ориентации, многочисленных реформаторов и перестройщиков, таящихся до поры до времени в народе и ждущих, когда иммунитет народа ослабнет и на него можно будет накинуться, используя находящуюся всегда наготове подмогу авантюрного и наглого Запада. Отношение к ним в народе выражается призывами, напоминающими листовки 1917 года.

Поимённо среди демонизированных врагов России, как правило, числятся лидеры крупнейших государств, и, безусловно, все, без исключения президенты США. В «они», также в обязательном порядке, включаются видные реформаторы-политики, такие, как Александр II, Пётр Столыпин, «доведшие страну до развала» Михаил Горбачёв, Борис Ельцин, Анатолий Чубайс, нерусские «олигархи» Борис Березовский, Михаил Ходорковский, Роман Абрамович, правозащитники Андрей Сахаров, Людмила Алексеева, Сергей Ковалёв, независимый радикал-политик Гарри Каспаров, благотворители, оказывающие помощь тем, кто попал в беду (бездомным, калекам, погорельцам, жертвам терроризма). В последнее время, с ростом националистических настроений, наметилась тенденция к расширению круга врагов. К ним всё чаще и чаще обобщённо стали относить «лиц нерусской национальности». Данное понятие из подворотен быта успешно перекочевало в академические сферы и теперь на него можно натолкнуться даже в новейших учебниках по истории для средней школы. Стихийная враждебность народа структурируется, классифицируется и направляется в наиболее выгодное для государства русло. Парадоксально, но в отсутствии врагов русскому человеку живётся неуютно. И поговорить-то вроде не о чем друг с другом. «Враги» - самая популярная тема любого русского разговора. Кто о чём, а русский всё о «них», о врагах своих любимых.

В соответствии с конфронтационным мышлением оформляется разделение населения на народ и власть («государевых людей»). Существовавшее всегда, оно в новой исторической ситуации приобретает особый характер. Можно сказать, что врагом номер один для подавляющего большинства населения, для различных его социальных слоёв, стала родная

власть. Все россияне, каждый по-своему, но все вместе ей недовольны. Каждому чего-то от нынешней власти не хватает: кому – разгульной свободы, а кому – железного порядка, кому – насущного хлеба, а кому – сверхприбылей, кому – покоя, а кому – всемирной славы, кому – национальной независимости, а кому – устойчивого единства. Да мало ли ещё чего? Правящий режим не отвечает ожиданиям людей, заставляя их чувствовать себя «лишенцами». И хотя нельзя потерять того, чего никогда не имел, чувство лишения живёт и укрепляется в населении. Страшнее всего, что многие лишились веры в будущее. Даже чиновничество испытывает громадные трудности. Конкуренция и клептомания в управленческой среде приобрели чудовищный характер. При сравнительно неплохом материальном обеспечении наблюдается нехватка всего и вся. В стране царит атмосфера тотального недовольства. Другое дело, что якобы свойственные русскому человеку долготерпение и ощущение безнадежности («а что мы можем сделать?») не выливаются до поры до времени в мощные социальные протесты. При этом не забывается представление о русских, что они долго запрягают, но скоро едут. И несомненно, что в такой ситуации мифический бессребреник Сталин выглядит ещё роднее и дороже. Всем он был по душе. К тому же, он не распродал Россию, не копил деньги, чтобы рассовывать их по чулкам или рассылать по чужеземью. А вот «они», придерживаясь двойственной политики и роскошествуя, продают, вывозят капиталы за рубеж, держат неправедными трудами нажитые деньги в иностранных банках, обучают своих детей в западных университетах, строят виллы в лучших природных зонах земного шара.

Воинствующее мышление не оставляет места ни милосердию, ни состраданию. Оно нечувствительно даже к своим согражданам. Образ милосердного самарянина-язычника чужд и непонятен русскому человеку. У него чаще слетит с языка: «Собаке – собачья смерть». В категорию «они» у русских легко попадают и российские инвалиды, и бездомные, и больные с отклонениями в деятельности нервной системы. Что уж тут говорить о тех, кто выражает «нетрадиционный» сексуальный интерес. Те русские, кто оказывает помощь людям, попавшим в беду, наталкиваются, как правило, на непонимание основной массы населения, а то и на откровенное противодействие. Считается, что люди, проявляющие милосердие, действуют обязательно из меркантильных или каких-то преступных соображений. И в своих представлениях о христианском боге русский человек оказывается очень далеко от идеи милосердия. Если с кем-то случилась беда, то так ему и надо, это доказательство божьего справедливого наказания. Человек получает по мере допущенных им грехов. С этим следует только соглашаться. Ни один волос не упадёт с головы без ведома свыше. Бог у русских – не Любовь, не Милость, а, прежде всего, Карающая Десница. Так что человеку, получившему наказание от Бога, не следует помогать. Иначе будет богоборничество. Наказанные Богом люди автоматически попадают в категорию «они». Русские привыкли считать наказание главным, если не единственным, средством воздействия на людей, их воспитания. И Сталин,

при таком взгляде, был идеальным педагогом-воспитателем народных масс. Кого люблю, того и наказываю.

*

Отметим, что главным же врагом русского народа и России, как и при Сталине, остаётся «ненавидящий Нас Запад», возглавляемый ненасытной, жадной Америкой, навязывающей Нам свои жизненные стандарты и мечтающей о «сладкой жизни в кредит» за счёт присвоения «результатов нашего труда и наших несметных богатств». И если Сталин спасал русских от злодеев, то теперь они, по их собственным ощущениям, утратили создаваемые властью механизмы защищённости. То и дело можно слышать высказывания такого рода среди русских, что Запад взял их голыми руками. Ну, как тут, скажите, не жалеть о великом вожде?!

По твёрдой убеждённости русских, Запад, который «Нас не Любит», в своей внешней политике руководствуется генеральной идеей сгноить Россию под прикрытием борьбы за демократические свободы и защиты Прав Человека. Возникает естественный вопрос: «С каким умыслом?» Обычно используется объяснение такого рода: «США, Израиль и в целом Западный мир находятся в стадии бурного разложения. Их история приблизилась к закату. И только одна «великая Русская Нация» имеет будущее». В соответствии с этой логикой делается вывод о том, что, агонизируя, Запад, как паразитирующая система, предпринимает ожесточённые попытки спастись за счёт уничтожения «поднимающейся с колен» России. Чтобы ликвидировать государство русских, Запад заносит в неё всяческую «чуму», используя средства массовой информации, пропагандируя низкопробную культуру, подрывая национальные традиции и духовные ценности, пороча репутацию России на мировой арене, навязывая русским чуждые им моральные и культурные ценности, внедряя различные «цветные» революции.

- «Они» программируют «нас» на самоуничтожение.

- Кто «они»?

- Да всё та же Америка с её ЦРУ и окопавшимися в ней сионистами, кремлёвские жидомасоны, затеявшие, к примеру, подорвать лучшее в мире школьное образование с помощью программ Сороса и введения Единого государственного экзамена.

Воинствующее (фронтное) мышление русских заставляет их со злорадством воспринимать любые трудности, возникающие в жизни, как всего Запада, так и отдельно США, в особенности. Террористическая атака на нью-йоркские небоскрёбы большинством русских была воспринята с удовлетворением как акт справедливого возмездия. Самые общие, но далеко не самые дипломатические выражения по их адресу выглядят следующим образом: «Бог шельму метит!», «Никак не могут нажраться!», «Когда же они подавятся только!». Враждебное отношение к Западу очень часто приводит к совершенно нелепым выводам, намертво закрепляющимся в массовом сознании. Так, русские с лёгкостью подхватили пущенную утку о том, что

трагедия, случившаяся 11 сентября в Нью-Йорке, инсценирована и исполнена самими американцами, чтобы оправдать своё вторжение в Ирак. И если это утверждение не укладывается ни в какую здравую логику, то пусть будет хуже для логики. Всё плохое, придуманное о враге, лучше фактической правды о нём. Такова логика, вызревшая на дрожжах фронтового и конспирологического мышления. Согласно ей весь тот негатив, что наблюдается ныне в России, по глубокому убеждению русских, устроен ни кем иным, как только американцами и их пособниками. С полной серьёзностью говорится о том, что русские работают «на толстожопых американских негритосов», что русские дети ругаются матом в результате реализации неких тайных образовательных программ, разработанных в недрах ЦРУ под руководством Сороса, что для русских не предусмотрено места в системе экономических отношений, запланированных западными «банковскими воротилами». Подобным абсурдом заполнены многочисленные патриотические сайты в Интернете, кишит он и в массовой печати, вызывая к себе полное доверие российского обывателя. И не просто доверие, а постоянную и болезненную жажду на всякого рода антиамериканские инсинуации. Абсурд нагромождается на абсурд, рождая миф за мифом. Небывалая летняя жара 2010 года, случившаяся в центральных регионах России, и сопутствующие ей пожары нашли объяснение в том, что всё это устроили американцы в рамках ведущейся зловредным Пентагоном климатической войны против русского народа. Сначала им удалось проткнуть озонный щит над громадной российской территорией, остановить движение циклонов, чтобы добиться долговременной температурной аномалии на поверхности земли, называемой «эффектом раскалённой сковородки». Затем летающий в свободном режиме над Россией то ли специальный спутник, то ли беспилотный самолёт Х37В стал поджигать с помощью хитроумной ионной линзы лесные массивы, выбирая, главным образом, те из них, что расположены в непосредственной близости от важнейших государственных и военных объектов.

Противник коварен, но победы над ним веселят душу. И когда в целом успешная Америка оказывается в беде, то общенациональное сердце народа-богоносца также ощущает окрыляющую радость. С долларом не всё в порядке - и русские громко хлопают в ладоши, хотя это отрицательно сказывается на их личном благосостоянии. Принцип известный: пусть я буду без порток, но только бы корова у соседа сдохла. Эгоцентрическое чувство неприязни к «другому» ставит барьеры перед критическим пониманием современной реальности. Русские не добиваются того, чтобы им самим стало лучше в заданной ситуации, а скорее удовлетворяются от того вреда, который был нанесён мнимому сопернику.

Распад советского социума обнаружил множество неразрешимых национальных проблем. Сегодня Россия по количеству очагов националистического насилия в разы обгоняет все западные, и не только западные, страны. Страна готова разорваться в национальные клочки. Этого факта не скроешь. Опросы общественного мнения выявляют чрезвычайно высокий уровень ксенофобии среди русских. В ней проявляется их недовольство своим экономическим и социальным положением, которое, по укоренившемуся среди населения мнению, могло быть гораздо лучше, если бы не заполонившие страну представители других стран и народов. И хотя при Сталине это положение не было сколько-нибудь лучшим, до явного выражения националистических чувств оно народ не доводило. «Ещё бы! Был порядок!» Сегодня же на выражение националистических чувств отпущено излишне много свободы. И то, что раньше таилось глубоко под сердцем, теперь выливается наружу. Лозунги типа «Россия – для русских!», «Чурок – вон из Москвы», «Жидомасонов – гнать с телевидения и из Кремля!» стали привычными и редко у кого вызывают омерзение и должный отпор. Свидетельством наличия фашистских настроений в обществе явились прокатившиеся по стране выступления футбольных фанатов. С футбольных тем они легко переросли в межэтнические разборки. Потребовались громадные полицейские усилия, чтобы предотвратить угрозу крупных кровопролитий на националистической почве.

Всё шире и шире среди населения распространяются апокалипсические настроения, представляющие жизнь и положение «обездоленных и угнетённых» русских, таким образом, будто им ничего не остаётся, как только лечь и умереть. И единственный способ спасения нации заключается в том, чтобы сплотить все национальные силы против ненавидящего Россию мира, создать чисто русское национальное государство, пожертвовав даже частью российской территории. Для этого надо, в первую очередь, расправиться с так называемой «пятой колонной», окопавшейся в Кремле и продажно выполняющей предначертания «мирового правительства» по уничтожению особой русской цивилизации. В радикальных, но весьма распространённых выражениях это выглядит следующим образом: «Русским должны все, русские же должны только одним себе. Их задача вернуть только то, что они себе должны: Родину». При данной парадигме иных путей для решения этой задачи, как только военных, нет и не предвидится. Ни о какой коммуникации с миром не может быть и речи. Русское общество живёт той верой, согласно которой современное мироустройство устроено несправедливо по отношению к России и её народу. Возникает мысль о существовании у мира единого заговора против русских. Естественно, что к такому миру нельзя проявлять терпимость.

Толерантность, как принцип универсального существования цивилизованного общества на условиях соблюдения каждым его участником коммуникативных прав и обязанностей был отвергнут русскими в угоду воплощения нетерпимости, агрессии, эгоцентризма. Традиционная враждебность по отношению к внешнему миру стала всё больше и больше

подкрепляться нетерпимостью по отношению друг к другу, внутри страны. Явственно наблюдается картина нарастания разлада и хаоса в отношениях между различными социальными группами российского населения. Россия перестала быть единой имперской конгломерацией, в условиях которой она и могла худо-бедно существовать. Происходящее в интенсивном ключе дробление общества вызывает в нём конфликт за конфликтом. Не привыкшие терпимо относиться к «другим», люди не могут найти взаимного согласия. Укоренившаяся установка жить одинаково не позволяет им выстраивать коммуникативные процессы. Кроме того, люди проявляют неуверенность в том, какие моральные и культурные принципы принимать за свои, а какие – за чужие. Те из них, что использовались в едином общественном конгломерате, оказываются непригодными для жизни в условиях общества, разделённого по религиозным и мировоззренческим критериям. При Сталине же не существовало никакого реального деления на православных, мусульман, иудеев, атеистов, либералов, государственников, западников, славянофилов, левых, правых, членов разных партий. Были сугубо одни трудящиеся - рабочие, крестьяне и интеллигенты, сжатые одной партией «в один громающий кулак». Разжимаясь, этот кулак стал воевать сам с собой. Если раньше все безальтернативно, в соответствии с законами марксизма-ленинизма, строили объективно ожидаемый коммунизм, то теперь каждое сообщество имеет собственную программу развития и не находит общего языка с другими своими соплеменниками.

С отсутствием ясных критериев разграничения «своего» и «чужого» происходит потеря кристаллов и собственной культуры, в том или ином виде сохранявшихся даже в самые жестокие периоды деспотии. А если и наблюдается какое-то единение, то строится оно на низкопробных стандартах mainstream(a), или по циничному заявлению дельцов от культуры, на том, что «пипл хавает». И обвинить в этом одну власть, которая якобы специально насаждает бескультурье как на телевидении, так и в целом в национальном искусстве, было бы, по меньшей мере, несерьёзно. Народ сам, не ориентируясь на власть, свободно склоняется к тому, что ему близко и понятно. В чём в чём, а уж в этом он свободой пользуется. Зрелищ – на любой вкус! Частота телепередач с участием клоуна Петросяна зависит не от того, что он навязывается и всячески поддерживается Кремлём, а от того, в первую очередь, что его выступления развлекают широкую публику, удовлетворяют её вкусы и художественные потребности, приносят наслаждение. Каков спрос, таково и предложение. И главное – на всех и для всех. Как при Сталине. Конечно, с учётом технического прогресса. Если при вожде – по репродуктору в каждое село, то теперь – по телевизору на всякую избу. Но как репродуктор со сладкопевцем Левитаном находился в одних руках, так и телевизор вещает народу с одного информационного поля. Не всегда, правда, получается бить точно по цели. Но это уже вопрос профессионального свойства. Если при Сталине нельзя было уловить по репродуктору каких-либо слабостей с его руководящей стороны, то

теперешние руководители нет-нет да и дают повод народу, смотрящему в телевизор, порассуждать об их ошибках и просчётах. Кремль, как видится народу, далеко не всегда работает безупречно. По общенародному мнению, нынешние идеологи, по сравнению со сталинскими чревоушниками, ничего толком не умеют. И самое главное, они не могут сплотить народ под единым знаменем. Простой русский человек говорит, что раньше и музыка была мелодичней, и пели громче, и фильмы с книгами были душевней, и по телевизору можно было что посмотреть. Да и то правда, что государство самым бдительным образом следило за качеством той культурной продукции, что выпускалась на потребу широких народных масс. За лёгкую записку диктора снимали с работы. Ни о каком «прямом эфире» и речи не шло. Но профессионализм озвучивания мыслей и чувств власти достигал чуть ли ни абсолютных высот. В чём в чём, а в этом советскому искусству не откажешь. Красивые мифы мастерски камуфлировали ужасы и уродства реальной жизни. Дефекты наблюдаемой сегодня картины работают на «добрую память» о генералиссимусе. Как бы то ни было, но телевидение при Сталине, которого ещё и не существовало фактически, всё равно, по мнению масс, было лучше, чем сейчас. О склонности народа к такой поразительной логике мы уже говорили.

РУССКИЕ В ОБЩЕНИИ С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ

Посмотрим теперь подробнее, что показательно для этнохарактеристики русских в их **отношении к окружающему миру**. За «окружающий мир» будем принимать и людей, и природу, и объекты материально-духовной культуры. Без сравнения не обойтись. Начнём с общего вывода, заключающегося в том, что, если у западных народов наблюдается рационально-практическое отношение к тому, с чем им приходится соприкасаться, то русские руководствуются, главным образом, эмоционально-чувственными и интуитивно-идеалистическими установками. Это можно проиллюстрировать и на примере выхода СССР в Космос. Ныне он, как полюс притягательности, выветрился из национального сознания. А ведь он был и новым фронтом в «холодной войне», зоной подвигов, нивой рекордов, полигоном державной мощи, дорогостоящим аттракционом, рекламной пропагандистской кампанией. Но только американцам удалось опередить русских в космических исследованиях, как у русских тут же пропал интерес к Космосу. Выяснилось, что он ни к чему полезному не пригоден. А подчинить его советской символике не удаётся. То же самое приблизительно произошло и с фигурным катанием. Пока советские спортсмены доминировали в этом виде спорта, вся страна прилипала к экранам телевизоров, и разговоров в народе только и было, что о Родниной и Уланове. Но с прекращением успехов советского спорта, оказался и исчерпанным интерес и к самому виду. Русские перестали увлекаться спортом номер один, которым долгое время и было фигурное катание.

Фраза «Что имеем – не храним, потерявши – плачем» как нельзя лучше характеризует русского человека. Это правдивое и ценное самопризнание. И действительно, для русского самосознания всегда более важной является какая-нибудь глобальная тема, чем то, что его окружает, что составляет среду его непосредственного обитания.

В поведении русских необычайно велико присутствие черт особого рода романтизма, легко переходящего в буйство, граничащее с хулиганством, бандитизмом, склонностью к погромам. Протестные реакции у них проявляются не цивилизованно, а с излишним возбуждением, с игнорированием компромиссных решений. Рушить, ломать и переделывать мир, не задумываясь о последствиях, – в крови жителей России, кем бы она ни управлялась. Всё, что не нравится русскому человеку, он спешит убрать со своей дороги и из поля своего зрения, «поддать ногой». А не нравится ему то, что не согласуется с принятой в какой-то конкретный момент идеей. Если встречаются на пути предметы, свидетельствующие о жизненности, действенности какой-то другой идеи, то следует уничтожить эти предметы. При Сталине и его приспешниках уничтожается великое множество архитектурных и скульптурных сооружений, поскольку они, служа к сравнению, невыгодным образом характеризовали созидательный потенциал новой власти. Но они уничтожаются ещё и как символы ненавистной идеи, хотя вполне могли быть приспособлены для служения и другим идеям. Взрывается Храм Христа Спасителя на Волхонке, здание которого можно было использовать в каких угодно целях даже при категорическом отказе от церковных ценностей. Но вот приходит другая идея – идея возрождения русского православия. И по всей России чуть ли не в авральном порядке начинают строиться новые и восстанавливаться руины старых храмов. И вновь без учёта целесообразности производимых трат и усилий, без учёта других насущных человеческих нужд. Приходится наблюдать, как тут и там, среди удручающей бедности и беспросветного убожества, вырастают великолепные золотокупольные соборы и монастырские грады-Китежи. Идея прославлять Господа путём сооружения ему храмов овладевает людьми, которые ещё вчера были одержимы идеей разрушения любых культовых сооружений. В результате один «мир насилия» разрушается «до основания», чтобы и «свой...новый мир» со временем «удостоился» той же участи. Идея, легко овладевая массами, так же легко её покидает. Груз ошибок, совершаемых за счёт непродуманных, импульсивных действий, подкреплённых исходящим сверху волюнтаризмом, служит для существования всеохватного незамирённого пространства, в котором происходит постоянная борьба со своим прошлым. Все воюют, каждый с каждым. И требуется мощная насильственная система, способная подавлять эту войну, хотя бы не позволять ей выходить наружу. В представлении русских Сталин как раз и был мощной железной машиной, устранявшей разлад внутри всей нации, приносившей ей видимость внутреннего согласия. Седативный эффект в народе достигался за счёт жесткой регламентации жизни и сублимации агрессивной энергии масс на выгодные для власти

объекты. Продолжая жить при отсутствии мира в своём же этносе, и не надеясь на себя, русские уповают лишь на того, кто этот мир мог бы им обеспечить извне с помощью сильной руки. Никого и ничего лучше Сталина и его системы варварски-разрушительного и грабительского насилия для выполнения этой задачи они не знают и не видят. Демократия же, рассчитанная на собственные народные силы, отвергается ими категорически.

Если на Западе вопрос о том, принимать или не принимать для практического использования ту или иную идею, решается с учётом сравнительной оценки всех последствий её применения, путём глубокой и детальной проработки существующих проектов, то в России какая-либо красивая идея подхватываются, что называется с лёта. Люди берут её на вооружение, потому что она просто им в данный момент нравится, потому что она кажется на первый взгляд продуктивной и перспективной. Власть идёт навстречу пожеланиям трудящихся. И только потом в ходе реализации идеи, когда будет потрачено много сил и средств, оказывается, что идея неисполнима по целому ряду возникающих препятствий. «Прельщаясь возникшей химерой, мы пламенем жарким горим, и вновь ослепляемся верой, что ведаем то, что творим» (Игорь Губерман). Можно, приводя примеры, говорить об идеях глобального масштаба, но можно сослаться и на простой уже упомянутый нами случай. Решили строить на месте взорванного Храма Христа Спасителя грандиозный Дворец Советов со скульптурой Ленина на верху. Возились-строили, пытаюсь, во что бы то ни стало пальцем Ильича упереться в небо, и только через пару десятков лет стало ясно, что данный проект технически неосуществим при имеющихся условиях. Чуть-чуть не начали поворачивать вспять сибирские реки. Но остановились, не разумом руководствуясь, а столкнувшись, как всегда, с непреодолимыми трудностями. И лишь потом появились, не без одобрения сверху, публикации писателя-эколога Сергея Залыгина, направленные против попыток претворения в жизнь гигантского проекта. Стало, по счастью для всех, ясно, что кроме природной катастрофы, он ничего не принесёт. И так во всём, начиная с малого, с детской песочницы во дворе дома, и кончая колоссальными проектами переустройства всей Ойкумены на постулатах марксистско-ленинской теории. Не без самокритики русские часто говорят: «За что боролись, на то и напоролись». Наступать то и дело на собственные грабли, бьющие тебя больно по голове – в характере русского человека. К сожалению, и постсоветская власть берёт на вооружение сталинскую политику пускания пыли в глаза миру. И народу, судя по всему, это нравится. Хотя бы как-то напоминает Сталина.

Современная политическая система сохранила за собой склонность браться за сомнительные с точки зрения экономической целесообразности гигантские задачи типа зимней олимпиады в субтропическом Сочи, проведения футбольного чемпионата мира, возведения километровой высоты зданий или собственной силиконовой долины, проектов «Чистая вода» и «Спасение имиджа России». Русские охотно откликаются на подобного рода

задачи, не очень-то задумываясь над тем, во что они им выльются, какими жертвами обернутся. Вместе с тем, для каждого русского сегодня очевидно, что любой грандиозный план, принимаемый сверху, не является уникальным, что он так или иначе уже осуществлён в других странах. Осознание этого подпитывает чувства ущербности и неполноценности. То ли дело было раньше! При Сталине каждую социалистическую стройку, с учётом закрытости системы, можно было представить народу как до сих пор небывалое, не имеющее аналогов явление в жизни всего человечества. Заслуженная русскими домашняя олимпиада – это, безусловно, привлекательно, на безрыбье, как говорится и рак рыба, но она, тем не менее, ничто в сравнении с неслыханными Беломорканалом, Магниткой, Новокузнецком и другими индустриальными гигантами сталинской «жизнеутверждающей» эпохи. По крайней мере, в нестирающихся анналах народной памяти. И если класть на чаши весов содеянное при Сталине и при его последователях, то в глазах народа обнаружится несоизмеримый перевес в пользу всенародного вождя. И при этом никакие реальные факты не будут приниматься в расчёт. Что там было с каждым человеком, классами и группами людей отдельно – неважно. Главное: было сильным государство, которому давали «дорогу другие народы и государства». Кучером же этого государства-тройки был бравый усатый джигит. Он гнал Русь в известном ему направлении. Такое трудно забывается, если вообще когда-нибудь может забыться. Говоря в ритм и в рифму, «Россия тихо стонет по ночам, а что ещё несчастной остаётся? Ей, гордой, жить невмочь по мелочам, а жить по-крупному никак не удаётся». И причина всех бед видится в том, что нет у властного руля верных ленинцев типа Сталина.

РУССКИЕ И ВЛАСТЬ

Чтобы понять феномен авторитета Сталина, следует в обязательном порядке посмотреть на то, как русские в целом относятся к **власти**, чем они в этом плане отличаются от людей западной цивилизации. Понятно, что Сталин – это, прежде всего, **власть** и только после неё что-то ещё другое. Понять, почему именно Сталин принимается русскими в качестве идеального руководителя, царём царей, нельзя не коснувшись вопроса о том, как они в целом относятся к власти. В отличие от западной модели отношения населения к власти, когда она воспринимается основной массой людей, институализировано как источник или, наоборот, нарушитель разумного порядка и выработанной веками законности, русским свойственно сакрализованное отношение к любой власти как к источнику абсолютной, непререкаемой истины. В этой модели любые действия власти находят в народе оправдание и поддержку. Буквально исполняется уже упоминавшееся нами евангельское правило, согласно которому не бывает власти не от Бога, а все власти Богом учреждаются. Неприязненно русскими воспринимается лишь один вид власти – демократический. Тот вид, который накладывает на народ ответственность за свою судьбу, основывается на сознательном

отношении каждой личности к принимаемым законам и правилам общественного жития. И это разъясняет многие исторические трагедии русского народа. И если в цивилизованных странах власть предусматривает процедуры выборности и смены власти снизу, то в российской реальности власть традиционно сама себя назначает и сменяет, подменяя безвыборные выборы голосованием с заведомо известным результатом. Во власть в России можно выбиться («из грязи в князи»), но не добиться её путём системы процедур, доказывающих целесообразность и уместность нахождения во власти того или иного человека. Отдельные попытки перехода общества на демократические формы своего существования (смутное время после смерти Ивана Грозного, «хрущёвская оттепель», ельцинские свободы) заканчивались скатыванием к привычным, авторитарным, механизмам организации **власти**, выстраиванию жёстких вертикалей соподчинения общественных и государственных структур. «Правильная» **власть** в России всегда ассоциируется с такими понятиями как «тяжёлая рука», «железный кулак». Другой **власти** русский человек не признаёт. Любая **власть**, в представлении русских, должна вызывать дрожь в людях. «Когда идём, дрожит кругом земля».

В соответствии с многовековым опытом всякая **власть** в России органически образуется строго иерархически, по принципу удобства и соподчинённости отдельных её звеньев уже имеющейся верховной власти. Причём выстраивается так, чтобы эти звенья были нейтрализованы от выражения даже малейших покушений на центральную власть самодержца. Всяк сверчок знай свой шесток. Принципы именно такого построения власти не встречают у народа возражения.

О том, совершенна или несовершенна иерархическая модель власти, речи никогда не ведётся. Она не подлежит аналитике. Власть есть власть, и всё этим сказано. Люди в России, что называется испокон веков, наделялись властью без учёта того, обладают ли они необходимыми организаторскими и компетентностными способностями, есть ли у них психологическая предрасположенность к руководству людьми и производством. Так приводится на царство Фёдор Иоаннович, физически и умственно неполноценная личность. Приводится вопреки его желанию царствовать, но в силу того, что он устраивает большинство бояр, как фигура, которой можно манипулировать и держать власть в своих руках. Характер царя замечательно показан в одной из трагедий А.К. Толстого. Фёдор кротко, не стыдясь публичности, признаётся:

Какой я царь? Меня во всех делах
И с толку сбить и обмануть нетрудно.

Здесь царь по своим психологическим характеристикам приближается к человеку и гражданину. И он готов делить власть с теми, кто будет честно служить России. Но не такие цари ценятся в стране и народе. Их склонность к демократии выливается в смуту, анархию, полный хаос. Силы народа, общества на самоорганизацию не выдерживают испытания.

За малейшим движением страны по азимутам демократии и либерализма всегда следовала реакция ужесточения деспотии, возврата к привычным для русских формам правления. Ни одна попытка хотя бы как-то конституционировать монархическую систему власти в стране не увенчалась успехом. Абсолютная монархия, как её в маскировочных целях ни называй, остаётся в России и по сей день наиболее востребованной формой государственного управления. Разговоры о демократии, если порой и ведутся, так лишь, что называется, в «пользу бедных». Есть все основания считать антинародный монархический режим Сталина одновременно и самым народным, потому как самодержавная власть обладает для русского народа притягательной и долговременной силой. Монархия – это привычный, проверенный в веках противовес бунтарству русских, средство достижения маломальского порядка в несговорчивом, неуравновешенном обществе.

Естественно, что не каждый человек, поднявшийся на высший государственный пост, может соответствовать требованиям, которые народ предъявляет к монарху. Так народ не принял Александра II, хотя этот монарх принёс народу освобождение от его крепостнической зависимости. Не все руководители могут быть товарищами сталинскими. Чтобы быть Сталиным, необходимо сродниться с народом в его основополагающих представлениях о власти. Общие же представления русских о том, «что такое хорошо и что такое плохо» не применяются ими по отношению к власти. Любовь к власти поддерживается у русских безотносительно к тому, что этой властью конкретно делается, когда и благо может не восприниматься благом, и зло не злом казаться. Главное условие достижения властью всенародной любви – обладание державной и монолитной силой, приобретаемой в кратчайшие сроки. По заявлению одного из любимейших в народе революционеров, революцию надо делать «поспешая». «Кто делает революцию слишком долго, тот не пользуется её плодами». Под «плодами» подразумевается, прежде всего, власть. Количество жертв для её достижения не принимается в расчет. Великая цель оправдывает применение любых, самых античеловеческих средств. Русские покорно соглашались на роль жертвенного агнца, что характерно для их истории. Н.Муравьев писал: «Народ, сносивший терпеливо иго Батыя, сносил таким же образом и власть князей московских, подражавших во всём сим тиранам». История народа значительной части двадцатого века принадлежала московскому князю Сталину.

Чтобы подчиняться одному главному вождю, вся государственно-общественная машина должна быть хорошо структурирована, сходна с часовым механизмом. Вожаку необходимы вышколенные подручные, вмонтированные в единую систему власти. И от них требуется соответствие строго установленным свойствам. Первостепенными качествами человека власти должны быть безусловное послушание по отношению к вышестоящему начальнику и требовательность по отношению к нижестоящим лицам. На таких условиях происходило формирование типа

человека власти в России. В Советском Союзе происходит дальнейшее закрепление давнего российского правила, согласно которому властью наделялись люди, обладавшие одновременно качествами послушания начальникам и безжалостной требовательности к подчинённым, те, кто на практике доказывал наличие у себя совокупности черт раболепства и командности. Административный стиль управления всей жизнью в стране, отнюдь не только хозяйственной, при Сталине достигает пика своего развития. Его официальное внедрение в жизненную практику не встречает сопротивления в народе. В соответствии с ним выстраивается не уклоняющаяся от генеральной линии Партии вертикаль единой власти. Разрабатывается система отбора в начальники разных уровней. Руководителем затрапезного пошивочного ателье, не говоря уже о начальственных лицах производственных, научных, творческих и образовательных учреждений, можно было стать лишь при условии его утверждения в соответствующем партийном органе. Меньше всего, при этом, партийные комитеты (начиная с районных и кончая центральными, союзным и республиканскими) заботились о компетенции того или иного работника, выдвигаемого на руководящую, властную, должность. В первую очередь, их беспокоила его готовность послушно самому следовать намеченным курсом Партии и Правительства и вести за собой коллектив. Одновременно в государстве происходит комплектование обширной руководящей номенклатуры, оплота бюрократической системы управления, сплющивавшей с большевистским напором всех и вся в одно целое. Формируются особые, номенклатурные, списки людей, подлежащих к руководству в районном, областном, республиканском и союзном масштабе. Попасть во власть, минуя эти списки, было невозможно. С другой стороны, человек, попавший в какую-никакую власть, уже не лишался этой власти. Если, конечно, не случалось чего-нибудь из ряда вон выходящего. Начальническая «номенклатурность», со всеми сопутствующими и вытекающими из этого обстоятельствами, сохранялась за ним пожизненно. Персональная пенсия, во всяком случае, ему обеспечивалась. Даже если номенклатурный руководитель не справлялся со своими обязанностями, о нём не забывали и «перебрасывали» с одного предприятия на другое. Допустим, он мог работать директором бани, которая срывала план за планом. Плохо, конечно, но не беда. В баню посылался новый руководитель, а прежний отправлялся работать заведующим зубоучастком кабинета. Благо, что специального образования для этого вовсе не требовалось. Главный сталинский принцип по отношению к руководителям заключался в том, чтобы они были людьми «проверенными». Только проверенные личности получали право распоряжаться материальными и человеческими ресурсами, так называемым «общенародным достоянием». При Сталине широко практикуется наработанный ещё при Романовых механизм перемещения чиновников в обширном пространстве империи, призванный в теории улучшить управление хозяйством («кадры решают всё»), но на деле ведущий лишь к увеличению чиновничьего аппарата. Посланцы Москвы

руководят созданием колхозов, великими стройками, подъёмом целины. В свою очередь, той же Москвой управляют, уже обязательно, не москвичи, а приглашённые «царёвы слуги» из других краёв и областей великого Союза. Перемещением руководителей по просторам «родины чудесной» решается задача недопущения усиления их влияния на местное население с использованием уже сложившихся связей. Считалось, что приезжее руководящее лицо будет лучше справляться с поставленными задачами, чем тот, кто уже давно пустил корни и обзавёлся кругом помощников и почитателей. Особенно наглядно это проявляется на судьбе партийных деятелей, которые кочуют по многочисленным райкомам, обкомам, крайкомам, а кому повезёт – и по центральным комитетам союзных республик, а то, глядишь, и самого ЦК. Скорее всего, уроженец Житомирщины будет возглавлять какой-нибудь райком не у себя на родине, а где-то, в лучшем случае, в Закарпатье, а то и вообще в Ивановской области. Считалось, что «чужак» в меньшей степени подвержен влиянию нежелательных настроений среди местного населения и более послушно будет выполнять волю центральной власти.

Сохранив, по сути, ту же самую административно-командную систему управления жизненными процессами, новая постсоветская власть не сумела сохранить её прежнюю эффективность, которая была достигнута при Сталине, что позволяет сталинистам не без доли некоторой основательности говорить о выдающихся «менеджерских» способностях вождя. И это, в свою очередь, подпитывает народные иллюзии о том, что Сталин был непревзойдённым хозяйственником, обеспечивавшим неуклонный прогресс России в сравнении с другими государствами. Подобные заявления приобретают дополнительный вес в связи с тем, что современная Россия всё наглядней отстаёт в своём экономическом и культурном развитии от остального мира. Поскольку вождь был коммунистом и его возрождение в новом лице возможно только в условиях коммунистического строя, в народе поддерживаются затаённые надежды на возврат марксистско-ленинской системы государственного управления. Сталин и чаяния коммунизма связываются воедино с привнесением некоторых деталей.

Можно согласиться с теми исследователями, кто утверждает, что Россия является ресурсно-сословным государством, в котором каждый начальник, в соответствии с начальнической иерархией, выступает распорядителем выделенных ему ресурсов и одновременно управляет заводом, регионом, корпорацией, дарованными ему государством за безупречную службу. Быть начальником – это значит распоряжаться какой-то долей ресурсов и фактически на какое-то время ей и обладать. Безресурсная власть в России не мыслится. И хотя при Сталине государство объявляет себя единственным собственником всех богатств, распоряжение этими богатствами доверяется всё в те же частные руки людей, полномочных представителей государства, управляющих фабриками, заводами, земельными угодьями, всем рукотворным и природным достоянием страны. Формально никто вроде бы ничем и не владеет, даже сам Сталин, но пользуется по стихийно

устанавливаемой мере доступности. Понятно, что для главного вождя такой меры не существует. Надо отметить, что высшее руководство страны теряет потребность в зарплате, поскольку имеет прямой доступ ко всем необходимым жизненным благам. От простых людей изредка можно было услышать, что «они (руководители Партии и Правительства) уже живут при коммунизме», поскольку главным признаком наступления этой общественной фазы считалось отмирание денег. Самым главным коммунистам деньги действительно были уже не нужны. Государство сполна удовлетворяло все их потребности. Рассказывается случай о том, как был озадачен Никита Хрущёв, когда у него не оказалось пяти копеек, чтобы попасть в московское метро. Лишь потеряв власть и обеднев, бывший Генсек, установивший конкретные сроки наступления высшей фазы безденежного человеческого развития, узнал цену этим самым презренным деньгам, когда вынужден был неоднократно обращаться в Минсобес за повышением своей пенсии. Создаётся впечатление, что российская власть и основная часть населения страны, как было и раньше и как происходит сейчас, существуют в различных параллельных реальностях, прочно изолированных друг от друга. Но это впечатление кажущееся. По евклидовой геометрии, как известно, параллели не сходятся. Но не зря, видно, Лобачевский - русский человек, и он на примере русской действительности сумел доказать возможности пересечения параллелей. Жизнь одной сословной параллели в России обуславливается жизнью и психологией других параллелей. Пересечение параллелей высшего сословия и рядового населения становится обязательным условием их совместного существования. Написано же, что крошки со стола барина достаются и псам. Низшие, бессловесные и неимущие сословия не протестуют против отводимых им ролей псов-охранников, ворон-санитаров, пчёл-добытчиц, коняг-пахарей. Так уж повелось испокон веков. Жизнь на одной территории заставляет людей соблюдать веками выработанные правила общежития и взаимоотношений. Русский человек, ненавидя власть чиновников на местах, раболепствует перед ними и не мыслит себе жизни без чиновничьей власти. Ругать власть по общим вопросам стало сегодня чрезвычайно модно, где бы то ни было по углам, но только не напрямую и не конкретно. Лишь ленивый не критикует сегодня высшее руководство страны, но редко кто осмеливается выразить слово в свою защиту по месту работы или жительства. При Сталине было наоборот. Трудно себе представить, чтобы в народе мог появиться анекдот про Сталина. Про Ленина анекдотов – множество. Про Сталина – ни одного. И дело не только в страхе. За Ленина тоже можно было «схлопотать» - мало не покажется. Отсутствие анекдотов про отца всей нации – свидетельство особого, сакрального, отношения этой нации к своему главному вождю. Над святынями, известно, не смеются. Нынешние попытки московского театра «Современник» высмеять в одном из своих спектаклей того, кто сам любил жестоко шутить над людьми, у народа не находят одобрения. В лучшем случае актёрам позволяется несколько копировать грузинский акцент. Но убеждённым сталиноидам и это не нравится. Получивший сталинскую

премию за исполнение роли Сталина в фильме «Сталинградская битва» артист Алексей Дикий признавался впоследствии, что он выполнял установку изобразить своего героя русским человеком, передав лишь отдельные внешние признаки прототипа. И Сталину больше всего нравился именно этот образ, когда «товарищ Сталин» передавался таким, каким он представлялся всему русскому народу. Театральные и кинематографические образы Сталина, созданные великолепными грузинскими артистами, вождя не удовлетворяли, хотя им удавалось очень похоже передавать его внешний облик и речевую манеру. Сталин не без оснований считал себя русским человеком и по-своему этим гордился. Остальные русские, в свою очередь, гордились своим национальным вождём.

Что касается центральной постсоветской власти, то, в основном, русские ругают её за то, что она слаба, что она не принимает жёстких мер по отношению к многочисленным врагам, как внутри страны, так и за её пределами. «Раньше никто пикнуть не смел, а сегодня все распустились». В народе растёт убеждение, что все беды России заключаются в том, что она пошла по ложному пути, уклонившись от пути истинного. Правители погрязли в роскоши и коррупции, стали заимствовать чуждые теории: западную демократию, либерализм, плюрализм, толерантность, права человека и так и так далее. Людьми, считающих себя по-прежнему лучшей частью человечества, овладевает повсеместное ощущение исторической несправедливости (мол, мы, русские, живём всё хуже и хуже и всё меньше участвуем в управлении мировыми процессами, чем другие народы). На самом деле за подобными рассуждениями скрывается признание народа в собственной тотальной распущенности и его неверие что-либо сделать самому. Если следовать логике, то станет ясно, что народ жаждет карателя для самого себя, поскольку все «распустились» и нужна особая, стоящая над народом личность, которая казнями и каторгой пресекла бы в стране повальную распущенность. «Сталина-Черномора бы сюда с тридцатью тремя витязями, глядишь, и порядка бы больше было».

Власть, по мнению русских, нужно непременно бояться. Авторитет власти напрямую зависит от того, какой мерой страха она откликается в народном сердце. И что уже совсем парадоксально выглядит, так это то, что и любовь народа к власти зависит от страха. Чем грознее власть, чем она сильнее сковывает всю Россию своей железной рукой, тем больше любви испытывает к ней русский мужик. И если русского человека можно ещё как-то убедить в том, что советское государство сравнимо с «большой разбойничьей шайкой», то и в этом случае он будет склонен считать что одна «шайка», даже если она и очень большая, лучше множества «шаек», появившихся в короткий срок на необъятных просторах бывшей страны Советов. И в этом, по-видимому, есть некая сермяжная правда, работающая на сохранение авторитета крупнейшего разбойника двадцатого века. Руководствуясь справедливостью, можно согласиться с тем, что Сталину удавалось держать отдельные разбойничьи стихии в своих руках. Царствовать «лёжа на боку» ему вряд ли приходилось. Он был тем «вором и

жуликом в законе», которого ценят как сами преступники, так и законопослушные граждане. Его власть воспринималась необходимым условием существования как отдельного лица, так и всего народа. Согласие народа со сталинскими преступлениями можно ещё рассматривать как своеобразную сделку, оберегающую народ от самого себя, как защиту от разгула уголовщины. И надо отметить, что народные опасения не беспочвенны. Народ по справедливости боится самого себя и тех неурядиц, источником которых сам и является. Ослабление власти в России, как правило, влечёт за собой всплеск преступности, тот беспредел, от которого не найти никакого убежища. Узаконенные при большевиках смертные казни сменились формой заказных убийств, в большинстве случаев остающихся нераскрытыми и, по сути своей, такими же, как и при великом вожде и учителе всех народов генералиссимусе Сталине, безнаказанными. И неудивительно, что у отдельной части интеллигенции складывается впечатление, будто бы российский народ, начиная с двадцатого века, несёт на себе неискупленное проклятие. Невозможно иначе объяснить, почему в России число убийств на душу населения в целых три раза больше, чем в США, и аж в десять, чем в Канаде.

Появление достаточно большого количества людей, формально не причисляющихся к власти, но сосредоточивших сегодня в своих руках значительные материальные средства (бизнесменов), вызывает раздражение у населения. Люди сравнительно спокойно переносят и коррумпированность чиновников, и громадные траты на бесполезные, а то и вредные проекты, совершаемые от лица государства, но с крайним недовольством воспринимают хозяйственную деятельность любого частного капиталиста. А всё, казалось бы, должно происходить наоборот. Важно знать в первую очередь, как используются государственные деньги, поскольку они формируются за счёт их сбора с населения под определённые программы. Государственные деньги – это совокупные деньги граждан, и каждый гражданин вправе спросить, как они государством расходуются. Но население следит не за тем, как его фактически собственные средства тратятся государством, а больше наблюдает за тратами, производимыми из личных карманов частных лиц. Русским непривычно ощущать себя налогоплательщиками, за счёт которых и содержится государство. Им удобнее воспринимать государство, как некое одушевлённое существо, на содержании которого они сами находятся и благодаря которому живут. Взгляд русского человека складывается так, что не народ содержит государство, а государство содержит народ. Сфера, в которую русское сознание помещает государство, остаётся вечно удалённым, недостижимым космосом – вместительным чувств, верований, упований и разочарований, обнаруживающим себя отдельно как от каждой конкретной личности, так и в целом от всего народа. Когда дистанция между государством и властью, с одной стороны, и народом, с другой, сокращается, русские начинают проявлять нарастающее беспокойство и неприятие власти. Солнце ведь не только греет, но и жжёт. Сталин же умел держать нужную дистанцию в

отношениях с народом. И вместе с тем, при нём была создана система, предусматривающая демонстрацию «нерушимого» единства народа и власти. Так называемые выборы органов власти проходили почти при стопроцентном участии в них советского населения, безоговорочно отдававшего свои голоса за назначенных в эти органы товарищей из нерушимого блока коммунистов и беспартийных. Одновременно такой родной и близкий и такой недосыгаемо удалённый, Сталин олицетворял и продолжает олицетворять собой в народном сознании идеал человека власти. За таких людей, за такую власть идут в огонь и воду. Кроме того, обывателю думается, что если история повторится в сталинском варианте, то и он окажется в числе «рулителей» жизни. Существовала же в реальности в советское время такая категория граждан как «выдвиженцы». Мечта о том, чтобы выбиться из грязи в князи, с помощью той же власти, владела сознанием миллионов. А чем чёрт не шутит! Так что ещё и по данной причине, когда у народа неуклонно угасают какие-либо надежды на «светлое будущее», призрак Сталина, его культ, сегодня так желанен в массах.

СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ К ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНАМ

При Сталине нарушались все мыслимые и немыслимые человеческие права. Чтобы понять, как это могло случиться, очень важно уяснить характерные особенности отношения русского человека к правилам и законам, обеспечивающим взаимодействие людей в гражданском обществе.

В отличие от западных моделей общественных отношений, в основе которых лежит приоритет **права и закона**, русским свойственно сращивание **права** с моралью, при котором право практически утрачивает своё значение, а действие законов ставится в зависимость от задач и планов власти. В гигантской империи почти во все времена не власть подчинялась закону, а наоборот – закон подчинялся власти. В качестве закона выступала царская воля. Русские ведут много разговоров о законах и необходимости их соблюдения, но они так и остаются на уровне разговоров. Построение правового государства остаётся для России недосыгаемой мечтой, фактически утопией, родственной по своей призрачности идее достижения коммунизма. И сегодня, как показывают наблюдения, происходит процесс «подстраивания» законов под складывающуюся модель власти.

В России издавна утвердилось мнение, что закон существует лишь для того, чтобы его можно было обходить. Следует иметь в виду, что правовая жизнь в России развивалась в условиях существования абсолютной власти, действовавшей в каждой конкретной ситуации по своему усмотрению, беспрепятственно и бесконтрольно. Принимаемые в государстве законы никогда не имели решающей силы, и их применение зависело от воли власть предержащих. Следует также постоянно помнить и о том, что значительная часть населения страны в условиях существования крепостного права долгие

века находилась вообще вне какого-либо правового поля. И это не могло не сказаться в целом на правовом сознании нации.

При Сталине принимавшиеся законы носили ситуативный характер и нацеливались на решение сиюминутной задачи. За выполнением задачи обычно следовала отмена закона. Ни на один закон нельзя было положиться надёжно. Они были лишены стабильности, зато отличались многовариантностью. «Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло». Если закон оказывался невыгодным для государства, то его быстро отменяли и на его место придумывали новый, который обеспечивал выполнение государственных интересов. Да и практика применения существующих законов характеризовалась беспредельной вольностью. За одно и то же преступление можно было получить условное наказание, а можно было угодить и под «вышку». Собственно говоря, сами по себе законы ничего не значили. Ими можно было манипулировать как угодно. Вынесение судебных решений находилось под строгим контролем партийных органов, главенствующих везде и во всём. Интересно, что человека, подлежащего суду, заранее исключали из партийных рядов. Считалось, что «настоящие» коммунисты не могут быть преступниками. Так оно формально и было. Ни один коммунист не был осуждён советским судом. Все подсудимые, если они являлись членами партии, обязательно ещё до суда сдавали членские билеты и за этим следовали решения об исключении их из партийных рядов. Ни о какой презумпции невиновности не могло быть и речи. В редких случаях, когда подсудимого оправдывали, то вставал вопрос о его восстановлении в КПСС, провозглашавшейся как «ум и совесть», ни много, ни мало, всей эпохи.

Каковы же отличительные черты русских, помогавшие им приспособиться к законам тоталитарного режима? В попытках ответить на этот вопрос мы вновь должны обратиться к сравнительным характеристикам наций.

Если граждане западной формации верят в то, что законы создаются обществом и служат для защиты отдельного человека, то русские склонны рассматривать закон как фундаментальное средство защиты государства, его структур, но ни коей мере не отдельного индивида. Какие бы законы ни принимались государством для своего укрепления, они находят безусловное одобрение у народа. «Золотыми буквами мы пишем всенародный Сталинский закон». Так пелось по словам Лебедева-Кумача в знаменитой песне, и так это воспринималось в народе. От такого в одночасье не избавляются.

Что касается сути закона, то в отличие от американцев, которые считают, что на закон может влиять каждый гражданин в целях достижения общего благополучия, русские уверены, что стандарты поведения устанавливаются чиновниками или малыми элитными группами и существуют независимо от отдельного человека. По мнению русских, закон призван осуществлять контроль государства за поведением людей и служить для них дисциплинирующим средством. Если следовать данной логике, то

Сталин не нарушал никаких законов и действовал в правовом поле, руководствуясь высшими государственными интересами.

И если у жителей западных стран в основе соблюдения установленных законов лежит ценностная и целевая мотивация, подчиняющаяся рационалистическим умозаключениям, то русские склонны строить свои отношения с законом на аффективной основе, при приоритете веры и ситуативных обстоятельств.

Таким образом, присущие русским конформизм, послушание, готовность к подчинению высшей власти облегчали Сталину проведение такой политики, которая не знала каких-либо правовых ограничений и противовесов. И строилась эта политика на базе укоренившихся в российском обществе обычаев. А обычаи, в свою очередь, являются не чем иным, как волей народов, имеющей глубокие исторические корни. Сталин хорошо чувствовал нацию. Он был и государством и нацией. Он был национальным лидером в полном смысле этого слова. И нация этого не забыла и не хочет забывать вопреки своему же интересу.

Необходимо отметить, что русским в целом не присуще рассуждать о правах человека. И если разговоры на эту тему всё-таки заходят, то они очень скоро перетекают в русло обязанностей. «Качать свои права» у русских считается зазорным занятием. Уже в школе детям говорят в первую очередь о том, что они должны (обязаны) делать, а не о том, что они могут. Знакомить учащихся с их правами у российских учителей не принято: «Вот ещё! Пусть они знают свои обязанности». Большая часть времени, отводимого школой на воспитание, посвящается тому, что делать категорически нельзя. Считается, что какой-то минимальной свободы ребёнок достигнет сам в процессе своего взросления. Права, если они и даются, по мнению русских, должны следовать за соблюдением обязанностей и служить им подспорьем. Такое отношение к правам сохраняется и в сегодняшней жизни русских и подкрепляется государственной политикой. Интересная деталь: около 90% российских судей - это выходцы из силовых структур. И, естественно, они склонны действовать в соответствии с понятиями армейского порядка, предусматривающего отношение к подсудимым, как к военнообязанным.

Писателем Андреем Битовым метко замечено, что законы в России не действуют, а применяются. Так было при Сталине, так продолжается и в наши дни. Что это значит?

В общих чертах можно ответить так, что российские законы существуют помимо их непосредственного влияния на жизнь. Их применение носит скорее случайный, чем обязательный характер. Законы – сами по себе, жизнь - сама по себе. Закон в России, по существу, не является тем набором правил или норм поведения, который определяет, предписывает или разрешает определённые отношения между людьми. Закон существует в разрыве с принятой этикой и укоренёнными обычаями. Установленные и записанные нормы права не воспринимаются населением в качестве обязательного и органичного поведенческого регулятора. Поведение русских людей в обществе регулируется не правовыми нормами, а сложившимися обычаями и

культурными представлениями. В результате возникает массовое нарушение установленных юридических норм. И если государство заинтересовано в их соблюдении, то оно оказывается вынужденным прибегать к насильственным мерам. Вновь принимающиеся в России законы, как правило, дезавуируются населением путём стихийного неподчинения им. Порой можно наблюдать, как законодатели в Думе или местных депутатских собраниях жестоко бьются за принятие того или иного закона, рассчитывая, что он обеспечит решение важной проблемы. А оказывается, что, будучи принятым, закон на деле не работает. Люди продолжают вести себя по привычке, в соответствии со своими представлениями (понятиями) о нормах поведения.

Иностранцев, посещающих Россию, удивляет в ней несоответствие того, что пишется, тому, что наблюдается на самом деле. Написано: «Выгуливание собак запрещено. За нарушение – штраф». На деле же – хозяева собак на эти строгости не обращают совершенно никакого внимания. И милиция, а ныне уже и полиция, не предпринимает соответствующих мер воздействия. В жестких баталиях депутатов принимается закон о запрете распития алкогольных напитков в общественных местах. Казалось бы – наконец-то будет наведён порядок. Ан нет! Как пили пиво в метро, так и пьют. Это - в малом. Но такая же картина наблюдается и в более крупных делах. Постоянно совершенствуется правовая база для ведения бизнеса. Думцы трудятся в поте лица. Вроде бы – живи и обогащайся себе и другим на пользу. Но бизнес продолжает существовать в привычных для предпринимателей условиях стихийности и беззакония. В противоборстве между коммерческой деятельностью, направленной на получение доходов, и соблюдением законов свободный российский бизнес склоняется безусловно к безудержной выгоде. Этим и объясняется, с одной стороны, сверхприбыли одних, и, с другой - печальные итоги работы множества других искателей счастья на почве частного предпринимательства. Прикрыли игорный бизнес. Это официально. А неофициально, он как существовал, так и существует.

Нарушается на каждом шагу такая важная черта закона как его общеобязательность. Раньше говорилось, что в Советском Союзе можно делать всё не всем. Но при Сталине существовала иллюзия неотвратимости наказания для любого должностного лица. Постоянно то один, то другой крупный государственный деятель подвергался суровому наказанию. Теперь же жизнь даёт массу примеров крайне циничного манипулирования законами в зависимости от того, кому к этим законам приходится обращаться. Люди наглядно видят, что одним можно легально совершать жутчайшие уголовные и экономические преступления, в то время как другие лишаются элементарных прав на юридическую защиту. Обнаружилось и нашло фактическое закрепление такого явления, когда общегосударственные российские законы по-разному применяются в регионах. А в отдельных местах и вовсе игнорируются на официальном уровне. Так на территории Чечни, вопреки Конституции Российской Федерации и её основополагающим юридическим законам, действуют в открытую законы Шариата. Нарушивший эти законы житель республики, может быть, подвергнут

смертельной публичной казни, несмотря на международные обязательства России соблюдать мораторий на исполнение этого вида наказания. Кремлёвская власть ничего с этим поделать не в силах. Что называется «приплыли!». Такая беспросветность не может не подкреплять тоски по сталинским порядкам, по мнению русских, обеспечивавших высшую законность в стране Советов.

Необходимо также отметить такую особенность отношения русских к закону, когда за его буквой они склонны видеть некую одушевлённость, наделённую умом и чувствами. Им чужд такой признак закона как его непрменная формальность. Этим можно объяснить трудности в установлении формальных отношений русских с законом. Русские не считают закон догмой, и им бывает непонятно, почему кого-то нужно обязательно наказывать за то или иное нарушение закона, если из чувственных соображений человека можно простить. В то же время, русские склонны требовать ужесточения наказания, вопреки существующим законам, если человек, по их мнению, нарушил их общие представления о морали и нравственности. Так, по твёрдым убеждениям жителей России, люди, проявляющие нестандартную сексуальную ориентацию, заслуживают самой жестокой кары. И в этом вопросе ни с какими либеральными тенденциями они не желают мириться. И хотя различные формы гомосексуализма имеют давнее и широкое распространение в России, русские проявляют твёрдое упорство в непризнании признаваемых на Западе гражданских прав за лицами с иными физиологическими установками на половые отношения. Законы цивилизованного мира им – не указ. Национальному взгляду гораздо ближе следующая формула: педерасты – не люди, и им не место в нормальном обществе. Ожесточенное сопротивление среди русских получают также попытки легализовать и проституцию. И это, несмотря на то, что она приобрела в стране угрожающие масштабы, и множество известных борделей оказывают соответствующие услуги, не очень тщательно прикрываясь корректными названиями. Понятное дело, что при Сталине сегодняшних проблем с сексом на официальном уровне не существовало. И это ему тоже ставится в заслугу. Народ «распустился», чего, конечно, вождь, по мнению этого же народа, никогда бы не позволил. Тем самым невольно русские признаются в том, что они не способны выполнить поставленную ещё Екатериной II задачу «дать народу управляться самому собой». Слова эти написаны 200 с лишним лет назад. Повторяемые многократно, они воспринимаются в народе не иначе как бред идеалиста. Простые задачи, сформулированные ещё в эпоху Радищева, Карамзина, декабристов, особенно в делах равного доступа к процедурам правопроизводства и правоприменения остаются по большому счёту до сих пор не востребуемыми. При этом сохраняется иллюзия, что при Сталине существовало торжество законности, нарушенное новой властью.

Наблюдаемая сегодня сплошь и рядом картина начальнического самоуправления, всевластия, своеволия, беззакония, «беспредела» и произвола крайне отрицательно характеризует современную власть и заставляет людей

думать, что при Сталине ничего подобного не происходило. И с этим отчасти приходится соглашаться. Советская бюрократическая машина, на отдельных этапах своего развития, действительно, работала слаженней и стояла хотя бы на страже эмоциональных срывов начальников. Директор завода мог кричать «матюгами» и топтать ногами на начальников цехов, не обеспечивающих выполнение производственного плана, но сохранял корректность в непосредственном общении с рабочими. Начальнические «разборки» проходили что называется за закрытыми дверями. От этого «гегемону», конечно, много легче не становилось, но его самосознанию формировалось мнение, что рабочий класс в государстве уважается и ценится, что с ним считаются и готовы воздавать ему почести за ударный и добросовестный труд. Ничего подобного сегодня не наблюдается и близко. Те привилегии и права, которые пусть и формально, но были закреплены за рабочим классом, сегодня оказались им полностью утраченными. Как одно из свидетельств этому – полное отсутствие рабочих и крестьян в законодательных органах власти, не говоря уже об исполнительных. Не мудрено, что, в первую очередь от новой власти отвернулись рабочие и крестьяне. И именно они испытывают сожаление по поводу потери той системы управления, которая хотя и символически, но позволяла рабочему человеку к ней причаститься.

Привыкшие жить по понятиям, русские люди видят, что современная российская власть, в первую очередь, сама нарушает эти коренные национальные понятия. Взять хотя бы такое: «Нужно отвечать за свои слова». Хрущёв заранее ответил за несбывшийся коммунизм к 1980 году. Нынешние же руководители охотно обещают положить свои руки и головы на отсечение, обещая по отдельной квартире каждой российской семье, два автомобиля за один ваучер, преодоление инфляции, коррупции, снижение уровня преступности, переход на контрактную армию, но даже извинения не приносят за неисполненные обязательства. В свете такой необязательности власти фигура Сталина в глазах народа приобретает ещё больше симпатий и притягательности.

РУССКИЕ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ТРУДУ

Известно, что народную жизнь ничто лучше, чем **труд**, не характеризует. И люди познаются по плодам их деятельности. В Евангелии определённо сказано: доброе дерево приносит добрый плод, а худое дерево приносит плод худой; не может доброе дерево приносить худой плод, как худое дерево не может приносить добрый плод. Надо думать, что данное высказывание употреблено по отношению не только к отдельным личностям, но и к людским сообществам, в том числе и к целым народам.

Коснёмся несколько подробнее отношения русского человека к **труду**. Каковы национальные особенности этого отношения? Принято безусловно считать (возможно, из соображений деликатности и политкорректности), что

трудолюбие присуще всем нациям мира. Дескать, в исходном виде человек есть труженик. Все люди исполняют волю Создателя, распространяемую «во все дни», – «в поте лица своего есть хлеб». Вместе с тем, наблюдаются существенные различия между трудолюбием американцев, японцев, немцев, представителей других наций. Трудолюбие японца, к примеру, – это кропотливость, терпеливость, ловкость, прилежание, упорство; немца – аккуратность, основательность, пунктуальность, точность, дисциплинированность; американца – размах, энергичная напористость, неиссякаемый деловой азарт, склонность к риску, инициативность, рационализм, добротность.

Чем же, какими особенностями, выделяется отношение русского человека к **труду**? В русском фольклоре мужик представлен как ленивый, вечно голодный бездельник и лежебока. Ярчайший пример – Иван-дурак из ершовской сказки о Коньке Горбунке. И это не простое кокетство, не самоирония. Лень и нерадивость русского работника отмечаются и иностранными наблюдателями. Сложилось устойчивое мнение, что русские не умеют добросовестно работать. Иногда можно услышать, что Россия стоит на трёх китах, называемых «авось», «небось» и «абы как».

Для уяснения сущности отношения русских к **труду** следует всегда чётко представлять, чем, какой жизненной ценностью, **труд** для них являлся на протяжении всей истории. «От трудов праведных не наживёшь палат каменных», – гласит популярная русская поговорка. И она как нельзя лучше отражает жизнь российского общества. **Труд** для русских никогда не служил основой их благополучного существования. Качество жизни не зависело от результатов **труда**.

Не будем забывать, что для основной массы населения России **труд** был подневольным занятием, неудобноносимым ярмом, чем-то чрезвычайно тяжёлым, изнуряющим, ненужным. Результатами этого труда в основном пользовался кто-то другой. В русском обществе возникло такое понятие как «труд на дядю». Хорошо если бы на одного с сошкой приходилось только семеро таких дядь с ложками. Фактически всегда получалось больше. Не надо забывать, что лишь немногим более 150 лет как Русь простилась с крепостным правом. Простилась в формальном порядке, по высочайшему повелению прогрессивного царя. Но следы рабства, известно, изживаются веками. Сохраняющиеся в национальном генотипе, они, при благоприятных условиях имеют свойство вновь зримо проявляться. Создание сталинских колхозов, как особой формы закабаления крестьянина, не встретило серьёзного сопротивления в крестьянских массах. Значительной части деревенского населения колхозы даже пришлись по душе. Бедняк с радостью принял рабский колхозный удел. Известно, что среди рабов всегда оказывается достаточное количество холопов, довольных своим зависимым положением от хозяина (начальника, директора, председателя, бригадира, чиновника). Кроме того, в колхозе можно было припеваючи устроиться жить за счёт производительной работы других, когда «один пашет, а семеро

кулаками машут». «Сачки», конечно, в народе уважением не пользовались, но попасть в их разряд многим хотелось.

В Советской России де-юре и де-факто провозглашается всеобщая трудовая повинность, под обещание лучезарного будущего грядущим поколениям. Ради достижения великой цели население бросается в жертвенный котёл, вгоняются в трудовые армии миллионы людей, не встречая с их стороны сколько-нибудь серьёзного сопротивления. В стране, одним из первых декретов большевиков, «в целях уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства», фактически воспроизводится отменённое при Александре Освободителе крепостное право, но в неизмеримо более крупных масштабах и при более жестокой исполнительной системе. Одновременно устанавливается и монопольное право государства на присвоение им в законодательном порядке продуктов трудовой деятельности своих граждан. Государство, как полноправный хозяин всех человеческих и прочих ресурсов страны, разрешает самому себе беспрепятственно принуждать людей к любому безвозмездному труду в своих интересах. И оно с успехом пользуется данным себе разрешением. «Великие» сизифовы стройки – примеры вседозволенности государства по отношению к населению и примеры тотального подчинения людей державническим интересам государства.

Все хорошо сегодня понимают, что подневольный труд не обеспечивает высокой производительности. От человека, работающего из-под палки, много не получишь. Тем не менее, крепостной труд служил главной базой ускоренной индустриализации страны, её перевода с преимущественно аграрного производства на военно-промышленные рельсы. Резкие перемены жизненного уклада были осуществлены государством в кратчайшие сроки и не встретили со стороны населения упорного сопротивления. Значительная часть крестьянства была превращена в рабочих, а другая – в колхозников. Одни быстро перестраивались, привыкая к городской жизни, а другие приспособлялись к условиям колхозного бытия. Ничего нового, по существу, не произошло. Как и раньше, люди безропотно отдавали все излишки производимого товара хозяевам, оставляя себе лишь самое необходимое, так и при Советской власти они работали на кого-то другого, а именно на сталинское государство. И оно до поры времени крепко, оставляя при этом своё население бесправным и бедным. Такой порядок неизбежно поддерживался в течение веков. Его неоспоримость, похоже, всех устраивала, как хозяев, так и находящиеся в их владении подневольные души. Труд сам по себе и результаты этого труда существовали отчуждённо друг от друга. Каторга одних сочеталась с имитацией труда другими. И в том и в другом случае трудолюбием не пахло. Труд превращался в некое обязательное занятие, не имеющее твёрдых личностных целей. Главное – не сидеть без дела. В один день перенесём тяжесть из правого угла в левый, а на следующий – положим её на прежнее место. Выходило, что трудиться необходимо во имя труда. И совсем не важно, что в результате этого труда получается. Важно – не производительно работать, а числиться на какой-то

работе. Не числящийся, как бы в поте лица он ни трудился, заносился в разряд тунеядцев. А тунеядство (паразитизм) в советское время считалось одним из тяжких уголовных преступлений, пожалуй, страшнее, чем воровство или даже убийство. Ещё страшнее были только шпионаж и казнокрадство, преступления, направленные непосредственно против самого государства.

Труд был объявлен органическим, жизненно необходимым свойством человека. «Человек рождён на **труд**», «Бог труды любит», - гласят русские поговорки. Особенно почиталось приписываемое Энгельсу изречение: «Труд создал человека». А раз так, то его совсем необязательно оплачивать. Появляются совершенно бесплатные виды общественного труда, как например, субботник или предпраздничная трудовая вахта. Если же человек умудрялся дополнительно работать за что-то, что было совсем не просто, то его труд считался аморальным, унижительным, достойным осуждения. Более того, **труд** за вознаграждение, и трудом-то не считался. Для такого труда-нетруда были придуманы многочисленные названия (извоз, шабашка, халтура, спекуляция, подработка, колым, «халява»). Если человек всё же изловчался подрабатывать, то это вызывало в обществе скорее презрение, чем одобрение. Таких работников называли пренебрежительно халтурщиками, колымщиками, шабашниками. «Отсидка» на службе, имитация трудовой деятельности, со временем, стала обыденным явлением, не получившим морального осуждения в такой степени, как любая попытка работника найти себе дополнительно оплачиваемое занятие. Выходило, что сидеть на казённой службе и ковырять в носу, было, с моральной точки зрения, гораздо правильной, чем иметь для себя дополнительный приработок где-то в другом месте. Только за особые заслуги, по милости начальников, по месту основной работы работник мог получить справку, позволяющую ему трудиться по совместительству. Конечно, люди на производстве получали заработную плату. Но размеры этих выплат не согласовывались с продуктивностью работников. Они были приблизительно одинаковыми и в основном едва обеспечивали установленные стандарты жизни. Что касается тружеников села, то любой их труд не давал им никаких гарантий даже на обеспечение собственного пропитания. Накопление в их рабочих табелях трудодней-палочек подтверждало что угодно, но только не получение каких-либо материальных компенсаций за выполненную работу. Ярчайшим, хотя и не единственным свидетельством этому является голодомор тридцатых годов.

Для русских труд – это труд во имя какой-то идеи. Труд бескорыстный. Труд идейный. Труд во имя победы коммунизма. Сегодня пострадаем, потерпим, но зато наши дети и наши внуки будут жить при изобилии. Утвердилось такое мнение, что если работник хочет денег, это плохо. Прибыль не являлась самоцелью. Задавать вопрос «а что я буду иметь за работу» у советских людей было неудобно да и не принято. Раб довольствуется той милостью, которая ему оказывается. Любой труд на самого себя считался зазорным. Человек, работающий на самого себя,

человек, каким-то образом больше других зарабатывающий, такой же тунядец, как и тот, кто совсем ничего не делает. Зарабатывать много – всё равно, что воровать. В России, а в дальнейшем и в Советском Союзе у населения сложилось прочное мнение, что заработать своим трудом сколько-нибудь значительную сумму денег невозможно. И это было правдой. На человека, имевшего какие-то средства в запасе, смотрели косо, подозревая если не в прямом воровстве, то в хитрости или нечестности. Богатых русские никогда не уважали, воспринимали их с подозрительностью. И не удивительно, что в советское время «лишние» деньги можно было увидеть скорее у лиц других национальностей, чем у русских. Это вызывало у представителей титульной нации чувства зависти и обиды, порождало этническую неприязнь, и убеждение, что русские живут хуже соотечественников других национальностей. И миллионы людей, чтобы выжить, одеться, построить что-нибудь, просто наесться, привыкали «тянуть», «тырить», «коммуниздить», «щипать», «урчить», «фармазонить», «фарцевать», да мало ли ещё каких синонимов можно подобрать для тотально расцветшего в стране криминала. Что касается крестьян, то их просто «гоняли» на работу. Так и говорилось: «Тебя завтра куда погонят? А меня вчера загнали на посевную». И здесь, на самом деле, ничего нельзя было исправить никаким умением, старанием и упорством. Рабочих и даже работников умственного труда «гоняли» на сельхозработы и заготовку продуктов питания. Не в редкость на плодоовощной базе можно было встретить доктора наук, занимавшегося переборкой прогнивших овощей и фруктов.

То, что в России утвердились не материальные стимулы **труда**, а нечто, лежащее по другую сторону материальности, служило основой присвоения результатов **труда** людьми, не имеющими к этому труду абсолютно никакого отношения. Что бы ни произвёл работник как в России старой, а, тем более, в России советской, объявлялось полной собственностью государства. Но при этом создавалась иллюзия, что только государство способно справедливо распоряжаться результатами труда. Всё тобой произведённое ты должен сначала сдать государству, положить в «закрома Родины», а уж Родина сумеет распределить все материальные ценности в соответствии с законами высшей справедливости. Такая распределительная система вполне удовлетворяла население страны. Люди были уверены, что они существуют исключительно по милости государства. И проявляли чувства искренней благодарности к этому государству, считая его в высшей степени гуманным и справедливым.

Игнорирование государством роли материальных стимулов, с одной стороны, обрекало громадные массы населения на подневольный, каторжный труд с минимальным обеспечением какой-то продолжительности жизни работника, а с другой, возвращало отряды паразитирующих на этом труде целых социальных групп, прежде всего, чиновничества. Поскольку такое положение поддерживалось безупречным в глазах советского человека государством, то оно и не вызывало сколько-нибудь серьёзных возражений у

людей. Часть населения начинала понимать, что у государства, проявив ловкость и изворотливость, можно жить как малому дитю у отца-матери за пазухой. С обязанностью трудиться было провозглашено и **право на труд**. И это право давало многим людям гарантии хотя и на жалкое, но всё же существование. Люди начинали понимать, что труд труду рознь. Один труд - на погибель, а другой - во спасение. Люди начинали надеяться, что государство к ним сообразовит и устроит на такую работу, где и утруждаться не придётся и на пропитание себе и семье можно будет что-то получить. Интересно, что заработная плата у русского человека получила название «получка». Стала выработываться своеобразная форма паразитизма, при которой люди принаравливались числиться на работе, регулярно являться на неё, но не работать, а просто «отсиживать», отбывать положенное время. Солдат спит, а служба идёт. И «получка» сохраняется.

Со временем надежды найти такую работу, на которой можно было бы, фактически не работая, обеспечивать себе и своей семье сносную жизнь, стали крепнуть. В трудовых коллективах стала процветать имитация труда, изображение бурной деятельности при отсутствии её полезности и результативности. Там же, где осуществлялось какое-то производство, количественные показатели труда часто возрастали в ущерб качеству производимой продукции. Промышленное и сельскохозяйственное производство ориентировалось главным образом на показатели их валовой продукции. Оценочные характеристики отдельных предприятий выводились из показателей произведённых ими объёмов того или иного продукта. Стояла задача произвести как можно больше металла, электроэнергии, станков, текстиля, калош, валенок, телогреек – всего того, в чём первостепенно нуждался непрехотливый русский народ. И заводы с фабриками, в соответствии с постоянно возрастающими «народно-хозяйственными планами», гнали и гнали «вал». Модернизация производства и обновление продукции, если и осуществлялись, то с всё возрастающим отставанием от Запада. Исключение составлял лишь военно-промышленный комплекс, где, благодаря исключительной заботе государства происходили постоянно и систематически модернизационные процессы на уровне современных достижений мировой науки и техники. Здесь существовал своеобразный военный коммунизм, обеспечивавший относительно сносные условия жизни и труда для работников. Производство же товаров непосредственно народного потребления находилось на крайне низком уровне и год от года уступало заграничным достижениям всё больше и больше как по количеству, так и по качеству.

На словах в стране превозносился рабоче-крестьянский труд, и государство называлось не иначе как государством рабочих и крестьян. Рабочие и колхозники удостаивались высоких правительственных наград, получали депутатские звания. Повсеместно устраивались аллеи трудовой славы, обязательным атрибутом украшения государственных и общественных учреждений являлись так называемые почётные доски, работникам присваивались звания лучших и заслуженных по профессиям, а

для деятелей искусств ещё были введены звания народных артистов, художников. До такого никто в мире не додумался! За исключением подражавшей целиком и полностью СССР Монгольской народной республики. Представьте, народный артист штата Мэриленд Майкл Джексон! Смешно! Однако в России это действовало безоговорочно. Нельзя русским артистам без званий и титулов! До сих пор люди сокрушаются по поводу того, что общенациональному любимцу Владимиру Высоцкому не присвоили звания даже заслуженного артиста. В то же время, официальный народный артист Шаляпин категорически отказался возвращаться после зарубежных гастролей в Советы, сохранив к ним до конца жизни резко отрицательное отношение.

На этом при Сталине дело не застопорилось. Выяснилось со временем, что привязывать интеллигенцию эффективнее не титулами, а материально. Установленные в 1940 году Сталинские премии надёжно работали до смерти великого вождя и учителя советского народа. Однако в целом рабочий и крестьянский виды труда не ценились и не пользовались уважением среди населения. Укоренялось противоречивое, двойственное отношение к труду. С одной стороны, проповедовался официальный взгляд на труд как на добродетель, а с другой стороны, в народе формировалось иное отношение к труду, а именно как к наказанию. Крестьянским детям это было сделать труднее, но потомство рабочих стремилось порвать со своим социальным прошлым, расстаться со званием «гегемона революции». Родители прямо заявляли своим детям: «Если не хочешь всю жизнь «корячиться» у станка, как мы, то учись». И постепенно поколение за поколением свыкалось с мыслью, что учатся лишь для того, чтобы не выполнять тяжёлых работ. И вдруг оказалось, что учатся совсем не для того, чтобы работать, а наоборот - для того, чтобы уклоняться от работы. Такие резкие перемены по отношению к устоявшимся жизненным принципам не проходят безболезненно. Не подкреплённые индивидуальными стимулами широковещательные призывы трудиться рук не покладая всё больше и больше отвращали людей от производительного труда, но в то же время питали иллюзию, что государство, так или иначе, обеспечит их всем необходимым, а при коммунизме создаст даже изобилие жизненных благ. Иждивенческие настроения год от года крепили среди населения «республики труда». Теоретический «Капитал» Маркса не получал практических доказательств. Люди стремительно отвыкали надеяться на самих себя. Перестраиваться, переучиваться им ни по моральным, ни по каким-то иным причинам не представлялось необходимым и справедливым. Привычка сохранять всё, как было в сталинскую эпоху «грандиозных свершений», брала своё. Идеализация прошедшего времени владела умами и чувствами широких масс. Людям стало казаться, что именно отход от принципов жёсткого государственного управления является причиной свалившихся на них бед и несчастий.

Наблюдаемая в современной России ностальгия – это тоска бывших советских граждан не только по былому величию государства, а, прежде

всего, по самим себе, какими они были когда-то в своём нынешнем представлении. Жалко потерянного государства-няньки, но жалко и себя, оставшихся без внятной опеки этого государства. Как тут не вспомнить и сорокоградусную водку по 3.62 и изготовлявшиеся из натурального говяжьего мяса антрекоты всего-то по тридцать семь копеек!

У каждого найдётся повод жалеть потерянный рай по-своему. Писатели тоскуют о миллионных тиражах издававшихся книг и журналов, не имея при этом понятия, как работала вся полиграфическая система, когда потоки бумаги двигались по всей стране эшелонами, типографии печатали тонны литературы, вывозившейся на огромные склады. Никого не волновало, продавалась ли эта литература. Главное: государство платило авторам приличные гонорары. Как тут не затосковать!

Вообще говоря, каждая сказка должна заканчиваться радостным праздником. А получилось так, что сказка о коммунизме пришла к плачевному итогу, который тяжёлым грузом лёг на общенародное сердце. Эту сказку хочется переписать по-новому.

Советское государство и его население испытывали особую гордость за то, что им удалось победить безработицу – этот страшнейший социальный бич капиталистического уклада жизни. В Советском Союзе «трудились» все безотносительно идеи целенаправленности, полезности. Освободиться от работы можно было только с выходом на пенсию или получив первую группу инвалидности. Право на труд рассматривалось как первостепенная обязанность граждан, спаянных в единый трудовой союз. «Мы везде, где трудно, пламень не погас, трудовые будни – праздники для нас», - пелось в популярной песне. Каждый совершеннолетний советский человек, за исключением учащихся и военных, был обязан трудоустроиться. Иначе в действие вступал уголовный кодекс. Утрата в постсоветскую эпоху этого права, пусть и иллюзионного, явилась тяжёлым ударом по массовому сознанию советского человека. Возврат к жизненному принципу, соответствующему старинной русской поговорке «что потопаешь, то и полопаешь» для многих русских пришёлся совсем не по душе. Кроме того, стало возможным писать и говорить о таких неприятных элементах трудовой деятельности советского человека как его низкая производительность, лень, неаккуратность, недобросовестность, неорганизованность (следствием чего были авралы, «штурмовщина», «очковтирательство», «лакировка действительности»), безынициативность, необученность, неумелость, медлительность в принятии рационализаторских решений. Соглашаться с этим не хотелось. Самосознание русских, привыкших числить себя в числе самых трудолюбивых наций, рождает болезненные реакции на очевидные откровения дозволенной гласности. Причина пороков видится не в себе самих, а в смене политического курса, в отсутствии достойного руководства. Почему-то до пресловутой перестройки работали как надо, всех то и дело догоняли и перегоняли, а тут, куда всё девалось? Откуда развал и опустошение? Неужели это результат предусмотренного диалектической наукой перехода накопленного

количества в соответствующее отрицательное качество? Нет, так думать не хочется. Проще обратиться к хорошо знакомым мыслям о заговоре зарубежных враждебных сил и предательстве правящей партийной верхушки. Всему одно объяснение – враги. И тут, как говорится, не добавить, не убавить.

Никак нельзя обходить вниманием и тот неоспоримый факт, что советская экономика носила характер выраженной автаркии. Тяготение хозяйственных единиц и системы в целом к замкнутости, самодостаточности и самоудовлетворённости создавало до поры до времени иллюзию благополучия и прогресса. О существовании европейских экономических стандартов люди не знали. Сравнить качество собственных товаров у них было не с чем. Хотя со временем советские люди получили возможность фактически убедиться в том, что чешская обувь, румынская мебель, болгарская парфюмерия и фармацевтика, польская косметика и гэдээровские мужские костюмы значительно превосходят по качеству советские аналоги. Но у большинства граждан страны победившего социализма складывалось убеждение, что это результат исключительно мудрого руководства экономиками братских социалистических республик со стороны Москвы. Всё, производимое за пределами Совета Экономической Взаимопомощи, советскому человеку было сплошь недоступно. Покупка румынского мебельного гарнитура почиталась в советской семье за великое счастье. То же, что изготавливалось в собственной стране, значительно уступало по качеству товарам из стран соцлагеря. Хотя и эти товары не котировались на мировом рынке.

Советская промышленность ориентировалась на развитие и поддержание военно-промышленного потенциала страны. Подавляющее большинство рабочих трудилось на предприятиях ВПК. Их положение было в значительной степени более выгодным в сравнении с положением рабочих других отраслей промышленности. Рабочие военных заводов, получая более высокую зарплату, могли чувствовать себя наиболее удачливыми членами общества, своеобразной элитой. Помимо этого, военно-промышленные предприятия, как правило, располагали своей автономной системой здравоохранения и отдыха, находившейся на более качественном уровне обслуживания, чем существовавшие системы здравоохранения для основной массы населения. Они имели в своём распоряжении развитую базу для проведения культурной работы как с самими работниками, так и с членами их семей. Были у них свои профилактории, детские сады, пионерские лагеря, природные базы отдыха. Отдельные заводы могли даже содержать дорогостоящие профессиональные спортивные команды. Для них существовали и отдельные спортивные общества («Зенит», СК ФиС) Ликвидация многих заводов за их ненужностью, сокращение военной промышленности, её модернизация привели к высвобождению многомиллионной армии рабочих, не нашедших себе удовлетворяющего их места в жизни. И эти люди, считавшие себя, не без основания, создателями оборонной мощи страны, оставшись не у дел, конечно, почувствовали

горькую обиду и составили огромный пласт населения, сожалеющий об отсутствии в руководстве страны фигуры сталинского склада и масштаба. На их долю выпало больше других горевать об утраченных социальных льготах. Попытки провести конверсию военного производства, наладить на базе бывших почтовых ящиков выпуск мирной продукции потерпели крах. Мясорубки, сделанные наспех в цехах ракетного завода, не приобретались даже не избалованными советскими покупателями. Они чуть ли ни рассыпались в руках домохозяек. Их применение было небезопасным для жизни. В итоге оказалось более выгодным импортировать товары народного потребления из-за рубежа, чем налаживать их производство у себя на родине. Стало ясно, что на базе производства самых лучших в мире танков нельзя наладить нормальное производство мало-мальски пригодных для дела тракторов и комбайнов. А вскоре обнаружилось, что в них нет и особой нужды, поскольку малопродуктивное, высокочатратное сельское хозяйство страны стало рассыпаться прямо на глазах в пух и прах.

К недовольным рабочим присоединились недовольные труженики деревни. Ожидавшийся их переход на фермерские виды труда не состоялся по целому ряду причин, основной из которых следует считать неготовность колхозника взять на себя в полном объёме хозяйственные заботы. Колхозничество сыграло свою отрицательную роль в формировании психологии советского крестьянина. Занимая не так много исторического времени, оно нанесло непоправимый удар по психологии деревенского жителя. К самостоятельному труду – фермерству - российский колхозник, в своей массе, оказался не готов. Худо-бедно при Сталине и его преемниках русское село кормило город (упустим сейчас вопрос о том, какой ценой и какими жертвами это достигалось), но в условиях проводимой перестройки хозяйства оно перестало справляться с этой задачей даже по минимуму. Возросла нужда в заграничной продовольственной помощи. Продовольственная зависимость страны от импорта стала очевидной даже для самого убеждённого российского патриота. В условиях гласности скрывать данный факт было уже невозможно. Однако люди судили о катастрофической ситуации без учёта причинно-следственных связей. Главный урон село получило при Сталине, но констатация смерти пришлась на многие годы спустя, так что виновником окончательной гибели российского сельского хозяйства в глазах народа стал не «отец всех народов», а сменившие его партийные деятели. Получилось почти по пословице – «с больной головы на здоровую валим».

Не вникая глубоко в причины происходящего, люди по воочию наблюдаемой ими картине делали вывод о неспособности и нежелании нового руководства справиться с насущными хозяйственными задачами. Как же так, Сталин сумел восстановить разрушенное войной хозяйство, преодолеть в конечном итоге угрозы массового голода и хозяйственного коллапса, а новые руководители оказались способными только на то, чтобы разрушить сделанное раньше? Вся вина за наблюдаемые события последних лет возлагается исключительно на новых государственных деятелей. Народ

же не менялся. И если при Сталине страна находилась «впереди Европы всей», то при его преемниках скатилась в разряд отсталых и развивающихся территорий. Логика подсказывает, что виновников допущенного отставания следует искать ни в народе, ни в Сталине, а в тех, кто пришёл к власти после него – и в первую очередь, в предателе Горбачёве, «пьянице» Ельцине, «ворюгах» Чубайсе, Березовском, Абрамовиче и иже с ними. Ни народ, ни Сталин, как олицетворение величия и могущества советской державы, здесь совершенно ни при чём. Виноваты лишь реформы и их организаторы.

Общенациональная солидарность всегда существует. Признаться в собственном бессилии, в собственной общей отсталости любому народу трудно. Но много тяжелее это даётся народу, сохраняющему в самосознании груз собственного величия и непогрешимости. Другие народы, не кичась своим величием, с помощью более развитых в техническом и научном отношении стран сумели овладеть современными технологиями производства, наладить у себя массовый выпуск полезной насущной продукции и тем самым преодолеть отставание. России этого, к сожалению, не удалось и не удаётся. И не только по причине допущенных политических ошибок, а главным образом ввиду того, что население не откликнулось на требования времени, не сумело изменить своё отношение к труду, не пошло по пути овладения новыми технологиями и способами производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Рудименты частной экономики оказались под сильным влиянием государства и не получили стимулов для естественного развития. Редкие попытки частника вырваться из тисков чиновничьей зависимости в народе не встретили одобрения. Вопреки действительности, большинству людей кажется, что государство недостаточно контролирует частный сектор и воспринимает его реальное существование как крайне негативное явление. Было бы лучше, если вся экономика находилась в руках государства. Таково народное мнение. Наилучшее решение экономических проблем видится в том, чтобы отобрать у «олигархов» «награбленные» ими богатства и разделить между всеми поровну.

Утратилась, и, похоже, уже навсегда, вера-мечта сотворить из бывшего рабочего совхоза или колхозника работающего хозяина-фермера. Даже у некогда продуктивных бригадиров оказалось мало воли, чтобы без внешнего сторожа, без парткома, без страха получить выговор успешно контролировать себя, нормально работать, ограничиваться в спиртном.

Присущие русскому человеку консерватизм, своеобразная ригидность, пассивность, необязательность, лень-матушка, алкогольная зависимость сыграли свою, вполне предсказуемую, роль. Существовавшие иллюзии на преобразование русского работника рассеялись, как «сон, как утренний туман». Не подтвердились природная коллективность русского племени, его общинность, склонность к так называемой «огульной работе». После распада колхозов и совхозов в российских сёлах не появилась ни одна из форм самочинной кооперации, ни бытовой, ни потребительской, не говоря уже о производственной. А при Сталине они, так или иначе, но существовали. Как

же тут добрым словом о нём не отозваться! Никто же не помнит, что они собой фактически представляли. Только-только по высшей партийной милости стала при НЭПе «оперяться моя кооперация», как тут же была задушена в своей основе, а жалкие её подобию оказались под прессом жесткого госпартконтроля. Тем не менее, если судить объективно, по формальному определению кооперация существовала всё время советской власти, и это сохранилось в народной памяти. А уж что она представляла собой фактически, теперь мало кого интересует. Лишь те, кто постарше, могут помнить, что в немногочисленных коммерческих магазинах без какой-либо очереди можно было по баснословной цене приобрести то, чего и в помине не бывало в обычных торговых точках.

Не оправдались надежды советского человека превратиться в полноправного частника-собственника. Ожидаемого чуда не случилось. Из ничего что-то не выросло. Как говорят в том же народе: «От осины не родятся апельсины». Личность, не созревшая для выхода из родовой зависимости, не сумела обнаружить в себе чисто собственнические инстинкты. Но показательна та лёгкость, с которой люди откликнулись на процесс ваучеризации. Многие сразу поверили, что за одну выданную государством бумажку-ваучер можно получить аж две «Волги». Не вышло – значит обманули. То, что в природе такого количества «Волг» не существует и их не наштамповать за год-другой, в народном уме не укладывалось. Сказалась нерушимая вера населения в государственную справедливость, в его величество государство, которое, если что-то пообещало, то непременно исполнит. Люди старались опередить друг друга, чтобы вложить свой ваучер в наиболее прибыльное производство, в самое рентабельное предприятие, поскольку было объявлено, что предприятия имеют ограниченные возможности акционирования. Все, естественно, жаждали, не прилагая никаких усилий, иметь прибыль, на которую можно было бы шикарно существовать. Хотя, надо обратить внимание, что, многие, не дожидаясь получения несметного богатства, выданные им ваучеры меняли на пару поллитровок самого ходового товара – непревзойдённой прелести мирового винокурения. И как оказалось в итоге - выгадали. Сколько же новых собственников породила приватизация? По утверждениям экспертов, на первом этапе общественная собственность распределилась примерно между миллионом человек. А далее, уже укрупнённая и ставшая частной, собственность сконцентрировалась в руках не более двух тысяч. Остальные граждане остались с носом. По крайней мере, так им казалось. «Несправедливые» итоги приватизации породили ненависть к «прихватизаторам» и реформам и, как следствие, укрепление симпатий к «вечно живому» вождю народов. Сталин, который сам хотя в не меньшей степени обманывал и обескровливал народ, но, в сравнении с рассматриваемой ситуацией, действовал более хитро и тонко. Регулярно проводимые его государством в принудительно-добровольном порядке займы денег у населения через определённое время всё-таки погашались. Да и нереальных посулов от генералиссимуса, справедливости ради отметим, не

исходило. Даже сроки наступления светлого коммунистического завтра в ближайшей перспективе не фигурировали. Это, уже спустя значительное время, Никита Хрущёв, в силу своей бесшабашности, безответственно пообещал построить коммунизм в 1980 году. Так что, в свете действий демократов-реформаторов, сталинская политика в глазах народа выглядит более выгодно. Особенно на фоне ослепляющего богатства отдельных российских граждан, пользующихся любой возможностью похвастать своими яхтами, виллами, частными самолётами, покупками дорогих спортивных и эстрадных звёзд. В стране, где всегда косо смотрели на богатство, такое поведение как нельзя лучше способствует поддержанию тоски по справедливому властителю, коим и представляется вождь.

Замечено, что ностальгия не всегда обязательна, непременным условием её наличия является ощущение отсутствия будущего. Прошлое вспоминается по-хорошему не потому, что оно было хорошим, а потому, что будущее видится хуже этого прошлого. Миллионами людей овладело парализующее, фатальное чувство безысходности, растерянности перед жизнью. Если при Сталине люди думали, что многим мукам когда-нибудь наступит конец, то при новом порядке они окончательно разуверились в сколько-нибудь благоприятном исходе своей судьбы. Для миллионов людей Сталин был надеждой и гарантом их будущих успехов. И сейчас его образ служит единственной надеждой для миллионов бедняков, при всём том, что в целом, гуманистическая среда в России значительно улучшилась, и шансов для благополучного разрешения каждой отдельной судьбы, если смотреть честно, стало много больше.

В последнее время лишь ленивый молчит о захлестнувшей нашу жизнь коррупции. О ней то и дело твердят даже сами коррупционеры, руководствуясь защитным правилом громко кричать: «Держи вора!». Людям кажется, что коррупция является продуктом всех нововведений в политике и экономике. Защитники советской системы хозяйствования говорят, что взяточничество, при Советах, если и имело место, то совсем не в тех масштабах и сурово наказывалось. И эти заявления являются сущей неправдой, искажением реального положения вещей. Другое дело, что картина коррупционности в Советском Союзе обладала несколько иными свойствами и, действительно, в условиях концентрированной централизации власти носила менее зримый характер. Коррупция строжайше дозировалась государством, а поскольку государству позволялось всё, то и существовавшая коррупция не воспринималась осудительно населением. А осуждать было что. Прежде всего, систему распределения, которая целиком и полностью находилась в руках чиновничества. От него зависело, кому и сколько давать, а кому - и отказать. Тотальный дефицит самых необходимых для жизни вещей только повышал роль чиновника-распределителя, рождал его заинтересованность в сохранении дефицита, служил благоприятной почвой для коррупции. На всё существовали официально спускаемые планы, и специальные учётные фонды, обойти которые было совсем не просто. В соответствии с принятым территориально-административным делением

страны, осуществлялось полное распределение финансов, продуктов питания, стройматериалов, количество металла, древесины, текстиля, бумаги, удобрений да мало ли чего ещё очень и не очень нужного для жизни. В соответствии с принятой идеей, ни одна щепка не должна была пропасть. Установленные Госпланом нормы ни в коем случае нельзя было нарушать. Даже если хозяйствующие субъекты и располагали деньгами, то всё равно на них ничего нельзя было приобрести сверх выделенных центром фондов. Люди не могли распоряжаться по своему усмотрению даже тем, что у них имелось под рукой: металлом, строительными материалами, продуктами питания и ширпотреба. Всё это могло портиться и гнить, но не пускаться в дело, если на то отсутствовало разрешение сверху. А чтобы его получить, требовалась особая милость чиновника. Местные руководители ездили в Москву, чтобы добиться разрешения на использование имеющихся у них, к примеру, пиломатериалов. И деньги, и фонды и сами материальные ценности приходилось, по существовавшему в то время меткому выражению, «выбивать». Этим занимались особые специалисты, официально числящиеся в штатных расписаниях на должностях курьеров, инженеров по сбыту, а на самом деле занимавшиеся выбиванием фондов у различного рода начальников по распределению. С одной стороны, кому и сколько давать – решалось строго по вертикали, сверху вниз. Но, с другой, – допускались и исключения. Чтобы получить что-то, а при случае – и больше положенного, нужно было проявить изощрённость и иметь в распоряжении «стимуляторы» желаемого решения чиновника. Большую помощь в решении этих вопросов стали играть созданные при Алексее Косыгине директорские фонды. Часть средств с этих фондов можно было скрытно направлять на подкуп чиновничества.

В представлениях людей государство было не только правителем, но и кормильцем и поильцем. Кормильца следовало благодарить, а во многих случаях и просить о выделении как продуктов питания, так и других необходимых средств существования. При советской власти коррупция обрела статус стабильного условия существования чиновничества. Одновременно она же становилась выгодной и народу, превращаясь в своеобразный откуп от государства. Человеку для решения какого-либо дела было дешевле и проще дать взятку чиновнику, чем преодолевать круг многочисленных бюрократических препон и противоречивых требований. Народ, признающий и боготворящий государство чиновников, в конечном итоге, соглашается и с коррупцией, органическим элементом такого типа государства. В нём люди несут взятку автоматически даже тогда, когда в ней нет совершенно никакой необходимости. Масштаб взяточничества становится так широк, что взятка и не выглядит взяткой, а воспринимается некими чаевыми, которые принято за обычай давать официантам в ресторане. А кто-то не в шутку поговаривает, что уже пора устанавливать госналоги на взятку. И тот реликтовый столоначальник, что вдруг отказывается от взяток, от дополнительного вознаграждения за свой труд, в народе воспринимается недоуменно, если не более того – неприязненно. В конечном итоге такой

неподкупный чиновник исторгается из чиновничьей системы. Но если при Сталине и в меньшей степени при его преемниках коррупция носила регулируемый и контролируемый характер, то последнее время она фактически вышла из каких-либо берегов. И это, как нельзя более, способствует сохранению в народе симпатий к вождю, который, как людям представляется, умел твёрдой рукой пресекать всяческое мздоимство.

РУССКИЕ В ИХ ОТНОШЕНИЯХ С ДРУГИМИ НАЦИЯМИ

Национальный характер хорошо просматривается сквозь призму характерных отношений людей к лицам других для них национальностей. Каковы же эти характерные особенности отношения русского человека к нерусским людям? Можно ли, учитывая их своеобразие, утверждать, что они оказали и оказывают заметное влияние на сохранение среди русских устойчивой привлекательности тиранических фигур, подобных Сталину, Ивану Грозному, Петру Первому?

Ответ - не за семью замками. При всём при том отдельные наблюдения позволяют получить более убедительную картину прямой зависимости отношения народа к вождю от утвердившихся взглядов на «чужаков».

Высшей целью многовековой политики Российского государства считалось приращение новых территорий к России и душеспасительное покорение ей народов, населявших эти просторы. Этот процесс проходил неоднозначно, с разной степенью сопротивления и враждебности со стороны покоряемых народов. Какие-то народы органически вписались в процесс русификации, а какие-то – проявили по отношению к ней жёсткое сопротивление. Со временем определились также государства и народы, преследующие те же экспансионистские цели, что и Россия, имеющие с ней одинаковые территориальные, но различные духовные и культурные притязания. На базе этой конкуренции сформировалась русская национальная идеология, которая, будучи по своей сути этноцентричной, выстраивает другие народы на некой воображаемой линии, обозначающей степени комплиментарности этих народов по отношению к русским: уровни их враждебности или союзничества. Вместе с тем данная линия имеет свойства колебаться и образовывать общественно-исторические зигзаги, то приближая отдельные нации к России, то отдаляя от неё.

Считалось и ещё очень многими уверенно считается, что Советский Союз неуклонно придерживался просвещённой интернациональной политики. В чём в чём, а здесь-то он, дескать, чист. В советских средствах массовой информации, в художественных произведениях широко провозглашались идеи глубокого уважения к правам и национальной независимости народов, необходимости воспитания чувства дружбы, равенства и взаимопомощи между людьми разных национальностей. Даже гимном страны долгое время была песня с красноречивым названием «Интернационал». Но уже слова этого гимна заставляли по-особому понимать провозглашаемую дружбу. Призыв дружить адресовался

исключительно так называемым эксплуатируемым классам, «проклятьем заклея́нному миру голодных и рабов». Интернационализм, как понятие, стал использоваться в сталинской политике для разжигания классовой вражды в тех государствах, которые находились с Советским Союзом в конфликте. Поэтому в советскую риторику о дружбе народов стало неизменно включаться слово «солидарность». Это слово было призвано объяснять оказание действенной помощи тем национальным силам, которые выступали против своих правительств и в будущем, в случае прихода к власти, могли бы проводить просоветскую политику. Советское государство оказывало громадную финансовую поддержку коммунистическим и марксистским рабочим партиям во всех уголках земного шара, руководствуясь теорией неизбежной мировой революции, которая должна была в итоге привести к своеобразному «концу истории» и глобализации на основе коммунистического эгалитаризма. Поддерживались любые социальные процессы, дестабилизирующие «капиталистические страны» и осложняющие общественный консенсус. Одной из основных задач политического руководства страны долгое время было установление советского доминирования над Европой и Азией путём устранения влияния США. И эта политика пользовалась безоговорочной поддержкой населения всего Советского Союза. Люди привыкали видеть в лице Америки своего злейшего врага и конкурента. Международная ситуация рассматривается русскими как позиция противостояния двух сверхдержав, в которой один противник другого должен обязательно положить на лопатки, а потом ещё и придушить.

Ссылки на необходимость солидарного отношения к народам, «борющимся за свою независимость, гражданские права и свободы», служили для советского руководства моральным оправданием вмешательства во внутренние дела того или иного государства. Москвой избирательно поддерживались те националистические движения, в перспективе считавшиеся союзниками советского государства, которых у него набиралось достаточно много в различных частях света. Безусловно, их потеря рассматривается населением страны в качестве существенного минуса в характеристике российских политиков, пришедших к власти на демократической волне.

В ежегодно публиковавшихся в канун Дня Октябрьской революции и 1 Мая обращениях Партии и Правительства к трудящимся СССР и зарубежных стран неизменно выражалась поддержка многочисленных националистических движений в различных уголках планеты, открыто высказывались призывы «крепить интернациональные связи», что означало на деле оказание материальной и военной помощи тем силам, которые боролись против правительств своих стран. Сегодня такая политика признаётся преступной и именуется пособничеством террористическим силам. При Сталине же она фантастически красиво называлась «братской помощью народам, борющимся за свою свободу и независимость». И люди по-детски верили в искренность этих слов, чувствовали себя

непосредственными участниками установления мировой справедливости, одобряли действия советского правительства, тратившего громадные средства на проведение подрывных зарубежных операций.

Старшему поколению памятливы проводимые в СССР массовые пропагандистские кампании «солидарности» с народами Кубы, Анголы, Мозамбика, Кипра, Никарагуа, Панамы, ЮАР, Вьетнама и ряда других стран. Стандартный призыв «Руки прочь!», как правило, звучал по отношению к тем народам и странам, в жизнь которых Советский Союз сам вмешивался активно.

Надо отметить, что интернациональная риторика не мешала сталинским соколам, где и когда это было им по силам, подвергать массовым репрессиям народы, которые, по мнению Сталина, проявляли неблагонадёжность по отношению к Кремлю. Здесь уместно вспомнить и чеченцев с ингушами, и крымских татар, и кабардинцев с балкарцами, и поволжских немцев. Да и другие народы испытали на себе любовь Сталина-отца. Эту отцовскую любовь, со всеми её нюансами и колебаниями, в полной мере испробовал на себе и весь советский народ. «Кого люблю – того и караю». Этим кредо библейского бога Иосиф Виссарионович воспользовался сполна. Государственная машина с невиданным доселе размахом была поставлена на осуществление сталинской национальной политики, заключавшейся в общих чертах в искоренении каких-либо националистических проявлений. Логика данной политики фактически подразумевала уничтожение наций как таковых в обозримом будущем. Считаясь непререкаемым специалистом-теоретиком по национальному вопросу, великий вождь и учитель претворил в практической деятельности свои безумные теоретические представления и идеи о постановке и решении национальных проблем. Понятно, что силы, противодействующие волюнтаристской политике вождя, безжалостно уничтожались. Так называемым «буржуазным» нациям на просторах бывшей России, в конечном итоге, не остаётся места. На их развалинах развиваются новые, «социалистические» нации, представляющие собой принципиально новый, «правильный» тип нации, со сглаженными национальными чертами. Так следовало из сталинских национальных теорий, и эти теории претворялись в жизнь. В силовом порядке, во имя строительства социализма и создания социалистических наций, достижения всеобщего процветания и счастья уничтожаются внутри наций элементы капитализма и национализма. И здесь надо отметить, что сталинская национальная политика осуществлялась при главенствующем участии великого русского народа на фоне небывало интенсивной русификации проживающих на территории Советского Союза народов.

Аттракционные проявления русских к отдельным народам не отличаются устойчивостью. Их чувственное отношение к тому или иному народу меняется в зависимости от складывающейся политической обстановки. Симпатичными русским становятся те народы, которые оказывают им союзнические услуги, проявляют послушание и миролюбие. Такая зависимость вполне объяснима и естественна. Мы не любим, прежде

всего, тех, от кого исходит угроза или, тем более, прямая агрессия. И проявляем симпатии к тем, кто нас принимает такими, какие мы есть. Такая психология понятна и в цивилизованном мире носит доминирующий характер, но у русских она проявляется со многими разновекторными колебаниями. Парадоксально, но русские могут с симпатией относиться к тем, от кого для них исходит реальная угроза, и люто ненавидеть тех, кто фактически не проявляет какой-либо экспансии по отношению, как к самим русским, так и к их владениям. Замечено, что русские больше любят те народы, которые условно относятся к слабым, малоразвитым. И проявляют настороженность к тем, кто обладает той или иной значимой силой, хотя эта сила не представляет никакой реальной угрозы. Нетрудно также заметить, что русские с нескрываемой симпатией относятся к тем государствам, которые находятся в состоянии конфронтации с Соединёнными Штатами. Куба, Северная Корея, Иран пользуются эмоциональной поддержкой у русских только потому, что политика этих стран находится в противоречии с политикой американцев, кого русские привыкли считать своими главными врагами. Принцип ясен: враг моего врага – мой друг. Этим принципом руководствовался и сам вождь. Кратковременную тактическую дружбу с Гитлером он рассматривал в качестве подмоги в борьбе с англичанами и американцами, считавшимися главными врагами СССР.

Не трудно понять, почему люди сторонятся тех, кому они сами доставили неприятность. Обиженный мною человек служит мне невольно живым укором, напоминанием зла, которое я лично совершил, но которого я ни в коем случае, ни под каким предлогом, не хочу признавать. «Вот ещё, перед каждым извиняться!» По-другому выходит, если кто-то из нас проявляет склонность к покаянию. Но такое в нашей «буче боевой, кипучей» встречается не часто и выглядит ненормально, чем-то наподобие шизофрении. Гораздо привычней ненавидеть тех, кому мы сами причиняем вред. Ведь в своих глазах каждый из нас чистенький и пушистенький. Ведь, чтобы как-то оправдаться, я выискиваю вольно или невольно у обиженной мной личности недостатки, заставившие меня действовать с нарушениями принятых норм нравственности. Человек, считающий себя непогрешимым, как правило, ищет причину собственных недостатков в ком и в чём угодно, но только не в себе. Виноват любой, но только не я сам. Великая нация не может согласиться с осуждением в свой адрес. Ей не свойственно искать источник собственных бед в себе самой. Яркий пример тому – Польша, которую Сталин фактически сдал Гитлеру, а затем сделал всё от него зависящее, чтобы ослабить польское национальное сопротивление немецким захватчикам, не пуская, в частности, на фронт армию Андерса, предательски не поддержав Варшавское восстание, несмотря на имеющиеся двусторонние договорённости польской и советской сторон. Что уж тут говорить о массовом расстреле польских пленных в Катыни! Получив неоспоримые доказательства и став достоянием широкой гласности, факты антипольских злодеяний Сталина не вызвали осуждения в народе. Люди склонны искать им оправдание ссылками на национальные пороки поляков и

их потенциальную враждебность по отношению к русским: «Так им и надо!». Оправдывается большинством русских и репатриация Сталиным ряда кавказских народов ссылками на их готовность сдаться немцам и подорвать знаменитые грозненские нефтехранилища. Так, по стандартному мнению русского человека, Родина выполняла суровый интернациональный долг. Руководствуясь этим долгом, она действовала и в Венгрии и Чехословакии, подавляя национальные освободительные движения. Интернациональным долгом оправдывалась и война в горах Афганистана.

Русские не склонны винить себя ни в одном из исторических конфликтов с их участием. Да и как иначе? В собственном представлении русские – это народ святой, народ – богоносец. По выражению С.Н. Булгакова, Россия – «энтелехия мировой истории», заключающая в себе форму и материю, причину и цель всего человеческого бытия. И если и существует впечатление, что русские только что и делают, как гадости, то это впечатление – обманчиво. Его просто опровергнуть. Например, утверждать, что в действительности за этими гадостями стоят евреи и другие инородцы, маскирующиеся под русских. Русские свято верят, что из всех исторических народов, непреложно призванных к будущему, является единственно народ русский. Проблема же заключается в том, что другие народы этого не хотят понимать и стремятся всеми силами помешать русским в осуществлении их праведных планов. И кто же ещё эти народы, скажите на милость, как не враги русских и всей России?

Для русских своя история – это исключительный позитив, в то время как исторические биографии других наций – сплошной негатив. Признать в качестве негодяя Сталина, первого государственника российского, народного героя, равнозначно признанию в собственном негодяйстве. Такое и представить невозможно. Говорят, что осуждение гитлеризма в Германии произошло за счёт того, что очень хорошо поработали в этом плане политики и историки. Но и в России сделано немало для осуждения сталинизма как политиками, так и историками. Официально объявлено о начале процесса десталинизации российской жизни. Предусматриваются даже кары за высказывания, обеляющие деятельность и личность вождя. Тем не менее, в то время как Гитлер для немцев стал, если так можно выразиться, *persona non grata*, Сталин присутствует в жизни русского народа близким и родным человеком. Оправдывается вся внешняя политика сталинского режима. К чему-то у Сталина можно придраться, но только не во внешнеполитических делах. Значит, дело не столько в политиках и историках, сколько в психологических различиях немецкой и русской наций. Как бы то ни было, если такой политик, как Гитлер, немецким народом категорически отвергается, то Сталин остаётся у русских востребованной руководящей личностью. Адаптация к демократическим условиям жизни русскому народу даётся с чудовищными усилиями и потерями. Демократия для него страшнее, чем диктатор с садистскими наклонностями. Русские придерживаются той мысли, что только твёрдой рукой, противостоя всему

остальному миру, можно поддерживать общественное единство и безопасность нации и государства.

При Сталине накал враждебности русских к отдельным народам достигает наивысшей температурной точки. В народе упрочивается мнение, что против России ведётся широкомасштабная, но скрытая война как на внешнем, так и на внутреннем фронтах. И такое мнение служит веским основанием оправдывать проводящиеся репрессии внутри государства и проявлять агрессивные действия по отношению к соседям. В его свете Сталин выглядит народным заступником. Советский Союз уподобляется кораблю, плывущему в условиях непрерывного шторма. Кораблю, который в эпоху войн и пролетарских революций противостоит враждебным стихиям благодаря лишь несгибаемой воле и мудрости гениального и неусыпного кормчего. Враги не дремлют. У них одна цель: захватить и поработить Россию и русский народ. Следовательно, русским самим необходимо проявлять неусыпную бдительность, не поддаваться на вражеские происки, не доверять лживым заявлениям иностранных политиков, крепить оборонную мощь первого государства рабочих и крестьян. Поэтому принятый последующими за Сталиным поколениями советских политиков курс на разрядку международной напряжённости, в свете таких укоренённых взглядов, воспринимался и продолжает восприниматься русскими как уступка силам, противостоящим России. Вот то ли дело Сталин! Он не страдал «добротой» к врагам, которых кругом хоть пруд пруди. Доброта – это всего лишь разновидность слабости. Русский же народ, как народ соборный, коллективный, уважает исключительно богатырскую силу. И такой силой в его глазах обладал дорогой и любимый товарищ Сталин. Его совсем не требовалось склонять к насилию. Он сам шёл навстречу пожеланиям масс. А массы, с удовольствием принимающие от своего господина подавление и сладострастно трепещущие перед ним, уже выработали твёрдое представление об иностранных врагах, ступенчато их выстроили в своём коллективном сознании. Впрочем, оно и понятно: в такой стране, где и самих себя не любят, разве будут любить других? Сердце русского человека подсказывает ему, что одни люди сживают с белого света других людей, тем более, чужих. Ксенофобия, в условиях всё ухудшающейся жизненной динамики, как злокачественная болезнь, метастазирует с нарастающей силой, захватывая всё новые и новые слои населения Российской Федерации.

Прослеживается определённая зависимость, чуть ли ни математического свойства, согласно которой русские проявляют к нациям тем больше неприязни, чем большим влиянием и авторитетом эти нации обладают на мировой арене. И если выстраивается некая иерархия государств по показателям их экономического и общекультурного развития, то ни одно из них не должно опережать Россию. В противном случае эти государства вызывают у русских чувство зависти и неприязни. Традиционно резко отрицательно воспринимаются американцы и англичане, представители мировых держав, давних конкурентов России в борьбе за гегемонию на

планете. Представление о «типичном» американце и о США в основном определяется по укоренённым со сталинских времён пропагандистским штампам. В массовом сознании русских, американцы и их «прихлебатели» англичане преследуют одну генеральную цель: овладеть всем миром. И только Россия противостоит им в осуществлении этих империалистических замыслов. Русские, являясь сами населением и создателями громадной империи и не виня в этом себя, склонны, вместе с тем, упрекать тот или иной народ в имперских притязаниях. И американцы с англичанами больше, чем кто-либо, подходят для такой критики. Они же империалисты! И этим уже как бы всё сказано. Остальные грехи нанизываются, как колёсики на детскую пирамидку. Они всегда под рукой. Американское богатство объявляется нажитым несправедливым путём. «Они только и умеют, что грабить и эксплуатировать другие народы». Их прогресс, по мнению большинства русских, достигнут за счёт присвоения чужих капиталов, результатов физического и интеллектуального труда иностранцев, в том числе выходцев из России и Советского Союза. Долгое время процветание американцев объяснялось тем, что Америка не знала разрушительных войн, что она и от второй мировой войны слишком дёшево отделалась. Кроме того, Америка обвинялась и сейчас обвиняется в целенаправленном проведении подрывной разрушительной работы. Она вместе с другими странами Запада спланировала и осуществила разрушение Советского Союза, подорвала и продолжает подрывать российскую экономику, отрицательно влияет на мировоззрение россиян, разрушает их язык и культуру, оказывает ослабляющее воздействие на российскую армию и народное образование. В национальном сознании русских американцы и сегодня остаются их самыми заклятыми врагами. Вдобавок ко всему, Америка является рукой мирового сионизма, который, по твёрдому убеждению русского типа советского человека, является первейшим планетарным злом. Всё негативное, что проявляется в современной России, является результатом планомерной политики США. По отношению к Штатам и к американцам в психике русских доминируют в тройном сочетании настороженность, пренебрежение и уязвлённое самолюбие. В личностном плане данный набор переживаний свидетельствовал бы о наличии комплекса неполноценности. Нечто подобное можно распространить и на национальное сознание. Упоминание о достижениях американцев вызывает у русских болезненную реакцию несогласия и готовность принизить их значимость, объясняя любой американский успех корыстными устремлениями. Когда материальные и культурные успехи американцев становятся в глазах русских неоспоримыми, используется последний козырь – бездуховность янки. У Демьяна Бедного, всегда чутко улавливавшего настроения самодержавной власти и народа, есть такие строки: «У нас не то, у нас иначе, разорены мы и бедны, но как духовно мы богаче долларизованной страны». Написанные в тысяча девятьсот двадцать девятом году, эти слова и сегодня соответствуют народному мнению об американцах. Из наиболее распространённых, но отнюдь не самых оскорбительных названий США, которыми пестрят ныне

русские интернетовские форумы и сайты, следует назвать «пиндосия», «пиндостан». Жителей же этой страны массовый российский пользователь Интернета именуется «америкосами», «пиндосами», «ипанутыми». В своём большинстве русские полагают, что американцы их люто ненавидят, что, однако, не подтверждается ни житейскими наблюдениями, ни проводимыми социологическими опросами в самих Соединённых Штатах. Можно сказать, что чувства двух народов по отношению друг к другу не находят взаимности. Получается, как у двух молодых людей. Один заявляет о своей любви, а другой её отвергает, не верит ей. Русские не верят и не хотят верить тому, что американцы испытывают к ним добрые чувства, что они внесли неоценимый вклад в победу СССР над фашистской Германией. В то же время и американцы не могут понять той ненависти, что испытывают к ним русские, и склонны не принимать её в расчёт. По американским представлениям, русские – нация страдальцев, которая заслуживает с их стороны снисходительного отношения. Так или иначе, но степень недоверия русских к американцам, гораздо выше, чем обратная степень недоверия американцев к русским. И если американцы постоянно заявляют о необходимости сотрудничества двух народов, то таких заявлений со стороны русских почти не случается. Исключением могут быть отдельные попытки российских руководителей действовать совместно на международном уровне. Но вот эти-то попытки как раз и не получают одобрения со стороны широких народных масс.

Сталинские стереотипы восприятия Соединённых Штатов, как заклятого врага России, сохраняют прочность в национальном сознании народа-богоносца. Говорить об американцах как о тупых, упрямых существах, не желающих отступать ни на йоту от принятых ими норм и установок, стало для русских хорошим тоном. В чём в чём, а по этому вопросу русские находят между собой полное согласие. Но если при Сталине за положительный отзыв в адрес американской нации, можно было «схлопотать» приличный срок, то теперь нет-нет кто-то из интеллигентов и позволяет себе безнаказанно хвалить главного национального врага. Теперь в уголовном кодексе нет такой статьи как «преклонение перед Западом». Теперь за это не сажают. И вот это-то как раз и вызывает возмутительные реакции в народе и возгласы типа «Сталина на вас нет!»

Что, однако, интересно. Ругая американцев на чём свет стоит, русские, одновременно с этим, в массовом порядке и неосознанно заимствуют множество элементов культуры современного американского общества и, что характерно, осуществляя это на фоне умирания и оскудения собственного культурного фонда, в ущерб национальной народной эстетике, вековым традициям и обычаям. Особенно интенсивно процессы аккультурации стали проявляться в последнее время. Будучи сами активными участниками процесса вестернизации национальной культурной жизни, широко пользуясь продуктами американской культуры, русские выражают крайнее неудовольствие сложившейся тенденцией. Ругая в целом всё американское, они легко попадают под влияние американского поп-арта

и среди собственных артистов ценят, прежде всего, тех, кто подражательно и зачастую бездумно копирует образцы американского искусства. Особенно ярко это наблюдается в эстрадных жанрах и киноиндустрии. Многие звёзды американского искусства являются идолами русской молодёжи.

Русские, как это свойственно большинству ревнивых людей, очень болезненно воспринимают чьё-либо сотрудничество с американцами. Те из государств и народов, кто поддерживают дружеские и союзнические отношения с Америкой, как правило, заносятся русскими в число своих недругов. На этот счёт имеется и объяснение: «поющие не с нами - против нас». Можно говорить о том, что американцы и их постоянные союзники закрепились в массовом сознании русских в качестве наследственных врагов.

Соединённые Штаты и американцы воспринимаются русскими с привычных позиций их всемирно-исторической империалистической роли в несчастьях всего остального мира. Антиамериканизм – в крови, в геноме русского человека, в глубинах его герметичной русской души. А всё наследственное и архетипическое если и преодолевается, то, во всяком случае, не на протяжении жизни одного - двух поколений. Радуга Арканзаса на фоне восприятия комариных болот Вологодчины и Брянщины, горящих торфяников Новгородщины и Подмосковья раздражает до глубины души.

Сталинская политика, вполне осознанно, поддерживала и оправдывала органическую зависть русского человека ко всем, кому удалось устроиться в жизни лучше, чем ему самому. «Мы чтим свои суровые законы. Дави других, не то съедят тебя», - поётся в одной из популярных тюремных песен. И всякая попытка взглянуть на положение вещей по-иному воспринимается русскими как удар по основам мироустройства, в котором только они, русские, должны занимать главенствующее место.

Русским свойственно безудержно вмешиваться в чужие проблемы и проявлять готовность в оказании помощи в их разрешении, хотя сами страдают неразрешённостью ещё более насущных жизненных проблем. И этот психологический феномен достаточно хорошо просматривается на личностном уровне. Когда люди не хотят или не способны заниматься своими делами, они вмешиваются в постороннюю для них деятельность. Замечено, что к поучительству и морализированию склоняются именно те лица, кто сами живут с нарушениями тех самых норм, на которых они пытаются настаивать по отношению к другим людям.

Мы уже касались отношений русских с наиболее родственными для них народами – украинцами и белорусами. У русских, живущих в России, ещё сохраняются надежды на возвращение ближайших этнических и географических соседей в одну общую семью, естественно на условиях господства Москвы. И по мере того, как эти надежды иссякают, а проявляемые усилия не приносят желаемого результата, образы украинцев и белорусов в глазах русских начинают приобретать отрицательную окраску. Такой подход характерен для русских по отношению и к другим народам так называемого ближайшего зарубежья и бывших сателлитов по соцлагерю. В их сознании хороши те из них, кто готовы петь по клавирам, написанным на

московском семихолмье. Но таковых остаётся всё меньше и меньше. В свою очередь, намечается нарастание антирусских настроений в славянских государствах, видящих в кремлёвской политике посягательство на их экономическую и национальную суверенность. При Сталине, за счёт проведения им жёсткой национальной политики, эти настроения находились в латентном состоянии. Их внешняя невидимость, при существовании широкомасштабной закрытости всех смыслообразующих сторон жизни, создавала беспечную уверенность отсутствия национальных противоречий в стране, правомерности и благополучия того порядка, при котором русские и Москва, как общенациональный центр, имели определяющее влияние на культурную, экономическую и политическую жизнь народов громадной империи. По мнению большинства русских, при Сталине существовал «порядок», то есть такое положение, при котором каждый народ знал свою роль и место в общем советском строю. «Каждый сверчок знай свой шесток». Без Сталина этот «священный порядок» стал расшатываться, пока не перешёл в стадию жестоких межнациональных столкновений. Самым страдающим народом (без кавычек) в такой ситуации стал, естественно, русский народ. И с этим народное сознание никак не может смириться. Державшаяся в сжатом состоянии пружина, с приобретением народами государственной независимости, резко разжалась и ударила, прежде всего, по тому народу, силами которого эта пружина сжималась. И ударила не одномоментно, а растянув своё действие на сроки с непросматриваемой продолжительностью. Поскольку роль самой России в существовавших межнациональных отношениях остаётся неотрефлексированной в массовом сознании русских, в их психическом статусе сохраняются болезненные комплексы и обиды по отношению к народам, изъявившим жить отдельно от «старшего брата». Более других выражен комплекс переживаний, связанных с утратой былой силы и прежнего влияния на жизнь народов, когда вопрос о том, кому, к примеру, возглавлять Польшу, решался не в Варшаве, не самими поляками, а в московском Кремле - членами Политбюро ЦК КПСС. То, что Москва управляла жизнью других стран и народов, не могло не подогревать патриотической гордости гражданина первого в мире социалистического государства. Потеря Москвой подчинявшихся ей громадных территорий в лице советских республик и стран так называемого социалистического лагеря крайне болезненно отразилась на психическом состоянии русских людей. Считая эту потерю несправедливой и сфабрикованной враждебными силами, русские сохраняют в себе вирусы обид и беспочвенных мечтаний о возврате к былому могуществу над миром. На этой фрустрационной базе фигура Сталина и сталинизм представляются для русского человека единственными возможными путями к излечению и избавлению от гнетущей подавленности, тревожности, разочарованности и крушения существовавших надежд. Непримирённость с действительным положением дел не позволяет русским с достоинством преодолеть болезненные комплексы. И только реанимация прежней государственной силы, способной восстановить утерянное могущество, представляется им как

спасение от общенациональной катастрофы. Большинство так называемых «русских идей», рождающихся в последнее время, базируется на планах возвращения нации к тому устрашающему могуществу, которым она обладала при «великом вожде». Склонность к утопиям остаётся в крови русского человека. Утопическое счастье для Родины выстраивается на маниловских мечтах о Ренессансе в виде представлений о её былом мировом господстве. Вот только укрепим Курилы – и будет полный порядок. Метко выразилась знаменитая русская певица Галина Вишневская: «Русский человек рождается с надеждами, которые не могут сбыться». Можно сослаться ещё и на слова популярной песни: «Надежда, мой компас земной!».

Претензии России на особую, мессианскую, роль мешают русским принять западные демократические ценности. При Сталине этим ценностям противопоставлялась, в качестве центрального идеологического понятия, «диктатура пролетариата». Не имевшее ничего общего с подлинно пролетарскими интересами, это понятие использовалось для осуществления политики возмездия по отношению к тем, кто не желал жить по большевистским канонам. По своим существенным мировоззренческим признакам эта политика напоминает движение моджахедов, провозгласивших главной задачей всех мусульман борьбу за победу ислама на планете. Как и моджахеды, большевики, добивались своего господства, не гнушаясь никакими средствами. И те и другие использовали различные формы терроризма в качестве одного из важнейших путей достижения победы над «неверными». Моджахеды считают, что западная демократия – глупость и ахиня. Миром должен править Аллах. Русские аналогично считают, что демократия – это глупость и ахиня. Она не соответствует родовым понятиям об организации социальной жизни. Править миром, атаманствовать, по их укоренённым представлениям, должны русские, как главная мировая нация, и тот бог, которого они в данный исторический момент исповедуют. Но для этого над народом, для присмотра, должна выситься фигура сталинского типа, не останавливающаяся, в случае чего, ни перед какими жестокостями и человеческими жертвами. Считая себя величайшей нацией, призванной к превосходству над другими этносами, русские, тем не менее, не видят возможностей реализации своего потенциала без наличия во главе себя фигуры, равновеликой Сталину. Логика - простая: какая же стая без достойного её вожака? Сталинизм и национализм находят друг друга и действуют рука об руку. Удовлетворение широкомасштабных националистических чувств нуждается в наличии диктатора сталинского типа.

КАК ПРЕДСТАВЛЯЮТ РУССКИЕ ИНТЕРЕСЫ НАЦИОНАЛЬНЫЕ, ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ

Вполне резонно предположить, что указанные интересы не должны расходиться между собой. Ведь люди доверяют государству реализацию их

личных объединённых интересов. Что же наблюдается в российской действительности?

В России при доминирующей роли государства все указанные интересы, действительно, сливаются, сводясь единственно к интересам государственным. Голоса отдельных людей и социальных групп тонут в безднах государственного интереса. Государственный интерес для русских превыше всего. Все остальные интересы должны подчиняться интересам государства. «Жила бы страна родная, и нету других забот», - поётся в популярной песне шестидесятых годов. Понимать эти слова следует таким образом, что русские обязаны в первостепенном порядке укреплять мощь своего государства, подчиняя этой задаче как личные, так и общественные интересы. Никаких личных и общественных интересов вне интересов государственных в идеале не должно существовать. Если государство, какое бы оно ни было в России, поставило перед собой цель индустриализировать страну, то никакой крестьянский интерес не должен создавать помех в её осуществлении. Долгий исторический опыт тому порука. И что печально: сами крестьяне будут приветствовать государственные меры по ликвидации себя, крестьянства, как класса. Сами добудут мыло для собственной удавки, сами послушно лягут под государственные лемеха, перелопачивающие громадные социальные пласты. Решило (несколько другой пример) правительство провести в приморском крае саммит стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, то можно наплевать на то, что расходы на его проведение равны четырём бюджетам края, в котором обветшала вся инфраструктура, разбиты дороги, запущено коммунальное хозяйство, изношен донельзя жилой фонд. Протестов не последует. Люди привыкли сознать, что жизнь одного человека с его интересами – ничто в свете решения той или иной государственной задачи. Предметом особой гордости русских считается то, что, по их мнению, они не ищут личной выгоды, а живут по потребностям Отечества. Человек, занимающийся собой и своей семьёй, достоин общественного, а то и уголовного осуждения. Всё, что делается от имени государства, воспринимается русскими с позиций высшей справедливости. «Единица (личность) – ноль». Её можно игнорировать. Поэтому только в России государственной власти удаётся без жесткого сопротивления людей затоплять громадные пространства, уничтожать по своему усмотрению города и деревни, вести войны со своим народом, организовывать братоубийство, беспрепятственно проводить конфискацию личного имущества граждан, стгоняя их в удобные для управления анклав типа колхозов и подконтрольных государству артелей. Не встречая сколько-нибудь внятного возражения со стороны народных масс, государство в России идёт на многомиллиардные расходы по претворению в жизнь абсурдных и вредных проектов типа нефтяных трубопроводов «Северный» или «Южный поток», а ранее – вырубки виноградников, выращивания кукурузы в Мурманской области и Сибири, да мало ли чего ещё.

Государство за счёт колоссальных трат, в ущерб народному благосостоянию, стремится к демонстрации своего величия. Интерес, заключающийся в том, чтобы «быть впереди планеты всей» доминирует над всеми иными интересами. Конечно, неплохо, из чувства национальной гордости, опережать другие нации по числу космических кораблей или олимпийских медалей, если бы эти достижения совершались на фоне соответствующего жизненного уровня людей, а не сохранения их бедности как политической константы. Прославление государства, демонстрация одной стороны его лица, светлой, происходит за счёт ущемления личных интересов населения, представляющего собой другую, тёмную его сторону. Кто сегодня скажет, что стоили народу первые космические успехи и, в первую очередь, полёт Юрия Гагарина, какими колоссальными тратами сопровождалось завоевание каждой олимпийской медали? Почему сегодня в том месте, где приземлился первый космонавт планеты, сплошная грязь и убогость? Наблюдается громадный разрыв между тем, что государство делает для демонстрации самого себя на международной арене и тем, что оно делает для народа. Послушный народ против такого положения вещей не возражает. Сегодня государственного величия стало меньше. Но склонность к реализации мегапроектов не уменьшается. Русские эйфорически восприняли получение Россией права на проведение зимней Олимпиады в субтропическом Сочи, Чемпионата Мира по футболу, хотя ясно, что необходимые затраты на проведение этих дорогостоящих мероприятий не в интересах народа, испытывающего крайнюю нужду в удовлетворении элементарных жизненных потребностей. Выгодная государству чиновников, Олимпиада не выгодна народу, и, тем не менее, она народом воспринимается как народное благо. Национальное в русском самосознании поднимается над социальным.

Неизжитый дух сталинизма сохраняется в народных представлениях о государстве и общности как о высшей ценности в сравнении с человеком, частным лицом. В условиях постоянного преклонения перед вождями происходит персонализация государственных интересов. Вожди присваивают себе право выражать государственные интересы. Действуя в своих эгоистических и зачастую патологических интересах, они выдают их за интересы государства и общества. Вождь и государство между собой в народе не различаются. Интерес вождя воспринимается как общий интерес. Отсюда же питается мифология избранности и мессианства народа, упование на сильного национального лидера. Народная мысль не допускает существования государства без сильного вождя. Культ кровавого тирана, как атавизм примитивных общественных формирований, остаётся неизжитым в русском национальном самосознании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историю с плеч не скинешь, как старый плащ. Российское общество длительное историческое время развивалось в условиях жесточайшего

самодержавия. И так уж сложилось, что в народном сознании русских царь-самодержец закрепился в качестве неизмеримо большем, чем просто наместник Бога на земле. Он стал единственным полномочным (или наделённым наибольшими полномочиями) посредником между отдельным национальным миром и Богом. Он был превращён в источник абсолютной власти. Царь для русских – воплощение Бога на земле. Поэтому действия царя ни в коем случае не могут являться предметом осмысления и обсуждения и уж тем более какой-либо критики. Неподсудность царя, как и Бога, не вызывала в народе никакого сомнения. В царя, как в Бога, надо только верить. Его надо всемерно восхвалять, и беспрекословно ему подчиняться. Русское самодержавие добилось того, что за царём было признано право от своего имени выражать Божью волю, не взирая на любые противоречия с ней в законах, морали, традициях, священных текстах, церковных уложениях. Абсолютистский статус царя позволял ему совершать любые действия и оправдывать их идеологически.

Психологическая готовность русских подчиняться гаварям, жить в неволе, объясняет сравнительно лёгкое превращение Сталина в абсолютного монарха с вывернутой наизнанку идеологией всеобщего благоденствия. Прибрав в свои руки власть, Сталин очень скоро достаивается всех божественных атрибутов, какими обладали до него русские цари. Сталина можно называть узурпатором российской власти. Всеми правдами и неправдами он закрепил за собой права единовластия. Но Сталин был одновременно воплощением того, что мы называем национальным духом, – духа русского народа. Фраза «народ и Сталин – едины» – не пустой пропагандистский штамп. Она несёт в себе глубокий реалистический смысл. Противопоставление Сталина и народа, по сущностным признакам, – не состоятельно. Народ русский – государственный, и Сталин – государственный. Государственный русский народ нашёл в Сталине идеального государственный лидера. Признаваясь в том, что сами по себе, без мощной государственности, они стоят немногого, русские всегда персонализируют государство. Сталин, в глазах народа, оказался первым мировым политиком, возвысившим Россию до небывалых в её истории высот. Легитимность власти Сталина заключается не в процедурах его избрания, а в массовой поддержке народа. Сталин оказался тем, кого хотел видеть народ в качестве своего властителя. Формальное его ниспровержение мало что значит. Сталин продолжает жить в русском народе, быть растворённым в национальном сознании. Можно говорить, что «точка невозврата» к сталинизму в нашей стране не пройдена.

От такого царя, как он ни называйся, – императором, генсеком, великим князем Красное Солнышко, никто не ожидает соблюдения ни писанных, ни неписанных правил. Можно иметь конституции, уставы, приказы, уложения, но действовать не в соответствии с ними, а ровно вопреки ним. Следование царя каким-либо правилам рассматривается не иначе как слабость. Царь-Бог выше любого правила.

Десталинизация не может быть осуществлена исключительно сверху, путём законов и приказов. У сталинизма – глубокие народные корни. Они и в культуре, и в идеологии и в сознании, носящем устойчиво тоталитарный характер.

Во многом тоталитарность национального сознания поддерживается существованием патернализма, при котором покровительственные установки во власти, с одной стороны, сочетаются с паразитарно-сервильными ожиданиями масс, с другой. И в народе и во власти, к примеру, энергичнее всего слышатся разговоры о необходимости повышения зарплат и пенсий: «Почему за рубежом в развитых странах и пенсии и зарплаты выше российских?» От того, насколько успешно решается эта насущная задача, зависит отношение народа к власти. Народ свято верит в то, что зарплаты и пенсии можно поднять простым правительственным распоряжением. Так же можно решать вопросы со снижением цен на всякую потребительскую продукцию. Вот пришёл премьер Путин на рынок – и тут же цены за свинину упали на пятьдесят процентов. Значит – можно! В то же время и власть хорошо понимает, что симпатии к ней народных масс держатся, в основном, на том, какими милостями она их одаривает. Возникает порочный круг, при котором население ожидает подачек со стороны власти, а сама власть умудряется изыскивать способы более-менее справедливого распределения имеющихся в её распоряжении материальных средств в ответ на народное послушание и одобрение её действий. Однако ресурсы относительно спокойного существования патернализма весьма невелики. В условиях распределительно-сырьевой экономики, при патерналистских взаимоотношениях власти и народа, хрупкости, а то и полном отсутствии на российских просторах демократических институтов существует реальная угроза реставрации диктатуры сталинского типа. Дело лишь за малым – за харизматическим лидером. Разговоры о таком харизматическом «национальном лидере» давно и упорно ведутся в России, что, несомненно, по своим ожиданиям, гораздо опасней наблюдаемой ныне политической ситуации в республике Беларусь, ведомой её «национальным лидером». «Национальный лидер» - это одна из начальных стадий движения к появлению всенародного вождя и учителя. Носимый народом балласт высочайшего авторитета по отношению к фигуре Сталина ставит перед Россией непреодолимые барьеры перед её вхождением в цивилизованный мир. А это, в свою очередь, поддерживает неустойчивость государственных отношений России с остальным миром, служит угрозой как её собственной, так и общемировой безопасности. Сталинизм ведь принёс непоправимый вред не только России, но в той или иной степени затронул жизнь многих стран и народов.

В любую минуту Сталин может вернуться в Россию, что приведёт к её неминуемой гибели. Современные реалии во множестве свидетельствуют о существовании угрозы обращения страны к неосталинизму. И их никак нельзя игнорировать. От того, сумеет ли народ преодолеть негативные тенденции своего исторического развития, сумеет ли он в конечном итоге

отказаться от многих нежелательных черт своего национального характера, зависит дальнейшая его судьба. Станет ли русский народ хозяином этой судьбы или, послушавшись змея-искусителя, вновь отдаст её в руки очередного маниакального правителя? Ответить на этот вопрос трудно. Ещё труднее однозначно сформулировать какие бы то ни было прагматичные способы преодоления тех кризисов, которые глубоко пронизали всё тело России. Но и отдаваться на волю национальной стихии тоже нельзя. Нельзя способствовать материализации призраков Сталина, проводимой народом в тесном сотрудничестве с постсоветской властью.

В нашу задачу входило в сравнительно малообъёмной работе воспроизвести лишь отдельные штрихи общенародного портрета русских. Вряд ли кто-то может дать исчерпывающую характеристику такому народу, как русский. Конечно, нет её и здесь. Возможно, мы в чём-то были ошибочны и неточны. Но в одном мы сохраняем уверенность, а именно в том, что большой народ единственно сам несёт ответственность за свою историю. И будущее в его руках. И возвышаются и падают народы сами по себе. Вина народа проявляется, когда он терпит негодного правителя, а тем более выражает ему свою любовь и признание. Вину надо уметь признавать, как бы это трудно ни было. Психология народа является основой его собственного развития. Он творец собственной истории. Необходим коренной переворот народного сознания. В жизни человека наступают такие минуты, когда для того, чтобы жить дальше, ему нужно существенным образом изменить себя, отказаться от своих вредных и опасных привычек, от неверных взглядов и представлений, отрешиться от иллюзий и мифов в пользу живых реальностей. Песок в исторических часах для всего русского народа течёт тоненькой, но быстрой струйкой. Времени – в обрез. Вопрос действительно стоит по-гамлетовски: «Жить или не жить». И если жить в русском национальном качестве – то нужно меняться с учётом тех требований, которые выдвигает современная история перед человечеством. Второго перевёртывания часов уже не будет. История даёт последний шанс.

Владимир Рослов